



ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017





Молодежные Дельфийские игры

Свердловская область

18 - 23 апреля
2017 года

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада История рода Юсуповых 4

Новое имя

Илья Пряхин Он бы не успел 26

Неизвестное об известном

Юрий Осипов Большой стиль
Максимилиана Волошина 44

Денис Логинов Первый русский
нобелевский лауреат 100

Замечательные современники

Елена Воробьева Антон Давидян: «В своем
деле хочу быть первым» 60

Георгий Кричевский Сергей Маковецкий —
актер загадка 76

Шедевры

Ирина Опимах Тициан.
Портрет дамы с дочерью 65

Итоги конкурса

Всеволод Власов Сделаем все, что сможем 91

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин Постигание любви 116

Остросюжетный роман

Виктор Добросоцкий Белый лебедь 140

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:



**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 9100

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.03.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Этот полузабытый сейчас слоган в середине прошлого века красовался везде, где только можно, дополняя красные флаги, музыку оркестров, праздничную демонстрацию и вечерний салют.

Страна отмечала Первое мая, праздник с не совсем понятным официальным названием: «День международной солидарности трудящихся». Пожалуй, после Нового года он был самым любимым праздником этих самых трудящихся, потому что был еще и выходным.

А когда в стране поменялся режим, и люди стали думать самостоятельно, сам собой возник вопрос: а что же мы празднуем Первого мая? И солидарны ли с нами трудящиеся других стран? В поиске ответа на этот вопрос выяснилась масса интересных вещей...

Светлана **Бестужева-Лада** «Мир, Труд, Май»

«С одного из лучших портретов Ивана Крамского на нас устало смотрит холеный немолодой мужчина с пышными седыми бакенбардами и в темном сюртуке. Глядя на этого вдумчивого человека, не скажешь, что перед нами записной весельчак, душа общества. А ведь именно такой репутацией пользовался у современников Дмитрий Васильевич Григорович, чьи остроты распространялись по всему Петербургу. Просто проницательный художник сумел разглядеть за импозантным обликом «светского льва» внутренний мир крупного писателя-гуманиста. Творчество Григоровича занимает особое место в русской литературе сороковых-пятидесятих годов XIX века, и его произведения по праву вошли в лучшую отечественную классику.

Юрий **Осипов** «Опасный сочинитель»

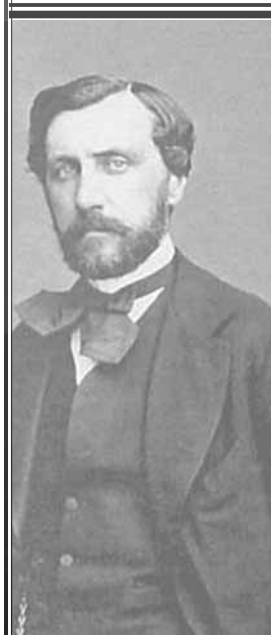
«Все венценосные Романовы после своей смерти начинали, можно сказать, другую «жизнь» — они становились памятниками. И неизвестно еще, чья судьба была сложнее и труднее: венценосной особы или памятника, равнодушно внимающего добру и злу... Был в Петербурге памятник, которому не повезло с самого начала, и судьбу которого можно назвать трагикомической. Казалось, само Провидение, видя неблагоклонность к нему людей, хранило его до лучших времен, которые пришли лишь на исходе XX века...

Дмитрий **Зелов** «Невероятные метаморфозы памятника Александру III»

«Окончание остросюжетного романа Виктора **Добросоцкого** «Белый лебедь»

Светлана
Бестужева-
Лада

ИСТОРИЯ рода ЮСУПОВЫХ



Происхождение семейства было очень древним. Даже в конце XIX века, когда среди высшей знати Российской империи было все больше

«навечно повелителями всех татар на земле Русской», обретая новую родину. Иль-Мурзе, например, царем Федором Иоанновичем был пожало-

Родовое проклятие — это страшное наказание. Человек, осквернивший свою душу каким-либо прегрешением, не признавший своей вины и не понесший за это наказание, обрекает все свое потомство на искупление. Но потомки даже не осознают, за что судьба с ними так сурова. Поэтому так немаловажно знать историю своего генеалогического древа, чтобы понять причины этого.

У каждой известной семьи — свои загадки и мифы, свой «скелет в шкафу». В полной мере это относится и к князьям Юсуповым — одному из самых богатых и знатных аристократических родов в России. Речь идет о так называемом «проклятье Юсуповых», якобы довлеющим над князьями на протяжении двух веков (XVIII–XIX) — вплоть до полного пресечения самого рода.

выходцев из среды богатых купцов и фабрикантов, Юсуповы оставались не только богатыми, но и чтили свой род, знали о своих древних корнях. В те годы похвастаться этим могли далеко не многие.

Итак, история рода Юсуповых начинается с хана Ногайской Орды — Юсуфа-Мурзы. Он, прекрасно зная о славе Ивана IV Грозного, вовсе не желал ссориться с русскими. Двадцать лет Юсуф-Мурза, потомок эмиров и ханов, дружил с самим Иоанном Грозным, даже отослал к его двору своих сыновей. Иван такое поведение оценил: наследники Юсуфа не только были осыпаны деревнями и богатыми дарами, но и стали

ван на берегах Волги под Ярославлем целый город Романов с посадом (ныне город Тутаев).

Так появились Юсуповы (князья), и история русских родов пополнилась еще одной славной страницей.

Сам же прародитель семейства кончил плохо.

Хан прекрасно знал, что в далекой и чужой Московии его сыновьям будет намного лучше. Только они успели пересечь пределы своего бывшего государства, как их отца вероломно заколол собственный брат. История рода Юсуповых гласит, что соплеменники настолько разъярились при дошедших до них вестях о том, что сыновья убитого



*Абдул-Мурза-Дмитрий Сеюшевич
Юсупово-Княжево*

хана приняли православие, что попросили одну из самых могучих степных колдуний наложить проклятие на весь их род. Страшным оно было.

Во время царствования Федора Алексеевича Абдул-Мурза, правнук хана Ногайской орды Юсуфа, по непонятным до сих пор причинам (легенды и домыслы не в счет) сменил ислам на православие. Крестился под именем Дмитрий и придумал себе фамилию в память предка своего Юсуфа: Юсупово-Княжево. Так появился на Руси князь Дмитрий Сеюшевич Юсупово-Княжево.

Однако в ту же ночь было ему видение. Внятный голос произнес:



*Григорий Дмитриевич Юсупов —
сын Абдулы-Мурзы-Дмитрия*

«Отныне за измену вере не будет в твоём роду в каждом его колене более одного наследника мужского пола, а если их будет больше, то все, кроме одного, не проживут более 26 лет».

Правда это или нет, но только с тех пор потомство оставлял только один мужчина в роду.

Сами же Юсуповы из поколения в поколение передавали слова проклятия: *«И пусть из рода всего до 26 лет доживает только один. И да будет так, пока весь род не изведется под корень».* Суеверия суевериями, но сбывались слова столь витиеватого заклятия неукоснительно. Сколько бы детей ни рожали женщины из этой семьи, до злосчастных

26 лет и более преклонного возраста всегда доживал лишь один из них.

Впрочем, современные историки говорят, что у семьи наверняка была какая-то генетическая болезнь. Дело в том, что «родовое проклятие князей Юсуповых» начало себя проявлять далеко не сразу, чтобы о том ни говорило предание. По одному ребенку начало выживать только после Бориса Григорьевича (1696–1759). До тех пор каких-то сведений о малом числе выживших наследников нет, что позволяет предположить наследственное заболевание. Это подозрение подтверждается тем фактом, что с девочками в роду все обстояло намного лучше — они куда чаще доживали до зрелого возраста.

Кстати, была также старшая ветвь рода Юсуповых, плохо исследованная, представители которой владели поместьями в Тульской губернии. Происходила эта ветвь от Ибрагима, одного из старших сыновей Юсуфа-Мурзы, сын которого, Сеюш-Мурза, упоминался в числе романовских татар.

Выдающихся представителей эта старшая ветвь, в отличие от младшей, не дала. Возможно, последним ее представителем был князь Аркадий Афанасьевич, действительный статский советник, член петербургского окружного суда, умерший в 1898 году. В общем, сведения об этой ветви Юсуповых отрывочные и неполные, а уж о каком-то проклятии по отношению к ней вообще речь не идет.



*Борис Григорьевич Юсупов —
сын Григория Дмитриевича*

Интересно, что к концу XVIII века пресеклись и боковые ветви рода Юсуповых. Их представители тоже крестились, однако о проклятии их неведомым голосом не имеется никаких сведений.

Из-за этого на всем протяжении XVIII–XIX веков семья фактически находилась на грани полного исчезновения. Впрочем, это печальное обстоятельство имело и свою положительную сторону: в отличие от всех прочих княжеских родов, которые к концу XIX века в большинстве своем полностью промотали свои состояния, у Юсуповых с деньгами все было более чем в порядке.

Только по официальным сведениям, далеким потомкам Юсуфа



*Николай Борисович Юсупов —
сын Бориса Григорьевича*

принадлежало более 250 тысяч десятин земли, они же владели сотнями заводов, рудников, дорог и прочими доходными местами. Каждый год прибыль от всего этого переваливала за 15 миллионов (!) золотых рублей.

Роскошь же дворцов, которые им принадлежали, вызывала зависть даже у семейств, чьи предки происходили еще из времен Рюрика. Так, в Санкт-Петербургском имении многие комнаты были обставлены мебелью, которая прежде принадлежала казненной Марии-Антуанетте. Среди их собственности были такие картины, что даже собрание Эрмитажа почло бы

за честь заполучить их в свою коллекцию.

В шкатулках же женщин из рода Юсуповых небрежно лежали украшения, собранные по всему миру. Ценность их была невероятна. К примеру, «скромная» жемчужина «Пелегрин», с которой Зинаиду Николаевну Юсупову можно увидеть на всех картинах, когда-то принадлежала знаменитой испанской короне и была любимым украшением самого Филиппа II.

Если проследить за историей рода Юсуповых, то можно поверить, что какой-то злой рок над этим семейством тяготел. Правда, это не мешало ему быть самым богатым (после царского) семейством в России.

Дмитрий Сеюшевич Юсупов очень удачно женился на богатой княжне Коркодиновой. И... все его дети, кроме одного, умерли. Сын Григорий Дмитриевич (1676–1730) был товарищем юношеских игр Петра I, а во взрослой жизни стал одним из ближайших сподвижников царя-реформатора.

Князь Григорий участвовал в реализации всех, как бы сейчас сказали, «проектов» Петра I и, конечно же, поспешил с ним вместе на невские берега прорубать «окно в Европу». Он был организатором российского галерного флота, членом Государственной Военной коллегии. При погребении Петра Великого только трое самых близких ему государственных сановников следовали сразу за гробом. Это были

*Татьяна
Васильевна
(Потемкина)
Юсупова —
жена Николая
Борисовича*



А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин и Г.Д. Юсупов.

У Григория Дмитриевича также был один наследник — князь Борис Григорьевич Юсупов (1695–1759). В царствование Анны Иоанновны и при Иоанне Антоновиче он был московским губернатором, при Елизавете Петровне — сенатором, президентом коммерц-коллегии и главным директором кадетского корпуса. Одна из его дочерей стала женой Петра Бирона, последнего герцога Курляндии и Семигалии. Вто-

рая дочь, Прасковья, за слишком дерзкий и независимый характер попала в немилость к императрице Анне Иоанновне. Через две недели после смерти отца она была насильно пострижена в монахини под именем Проклы и выслана в Иоанно-Введенский монастырь под Тобольском.

Кстати, именно начиная с князя Бориса Григорьевича, у каждого главы рода Юсуповых был один-единственный сын, который доживал до зрелого возраста. Вследствие этого



*Зинаида
Ивановна
Юсупова —
жена Бориса
Николаевича*

на протяжении двух веков род Юсуповых постоянно колебался на грани угасания. Зато все семейное состояние находилось фактически в руках одного лица, а не было распылено по множеству линий, как у других княжеских фамилий.

Сын Бориса Григорьевича Николай Борисович (1750–1831) был посланником в Турине, потом сенатором. Император Павел I сделал его

министром Департамента уделов, а Александр I — членом Государственного совета. Он также занимал пост директора Императорских театров и руководил Императорским Эрмитажем.

Николай Борисович благополучно дожил до восьмидесяти лет. В конце жизни занимался обустройством подмосковной усадьбы Архангельское, стал меценатом и собрал чрез-

вычайно богатые по российским меркам картинную галерею и библиотеку.

Не став исключением, он тоже имел лишь одного сына — Бориса Николаевича, который женился на известной красавице Зинаиде Ивановне Нарышкиной.

Со своим будущим мужем Зинаида познакомилась в Москве во время коронационных торжеств 1826 года. К этому времени ему уже исполнилось тридцать лет, и в течение шести лет он был вдовцом (в 1820 году скончалась при родах его первая жена Прасковья Павловна Щербатова). Пятнадцатилетняя Зинаида была одной из блистательных великосветских красавиц. Их пышное бракосочетание состоялось 19 января 1827 года в Москве, но прошло оно не совсем благополучно. Юсупов поехал в церковь, забыв получить благословение отца, для чего ему пришлось вернуться домой. В церкви Зинаида Ивановна уронила кольцо, оно закатилось так далеко, что его не нашли и заменили другим.

Когда юная Зиночка Нарышкина выходила замуж за Бориса Юсупова, никто не потрудился поведать ей страшную правду о семье, в которую она вступает. Со стороны у Юсуповых все выглядело как нельзя лучше, к тому же они были вторыми по знатности и богатству после самого императора всея Руси. Лучшей партии и не найти.

Зинаида была вполне счастлива в браке, родила сына, потом краса-



*Борис Николаевич Юсупов —
сын Николая Борисовича*

вицу-дочь, и тут «Ногайское проклятие» вступило в свою силу: малышка внезапно умерла. Слуги зашептались по углам, и легенда дошла, наконец, до ушей княгини. Будучи характера твердого и решительного, Зинаида объявила мужу, что «рожать мертвецов» впредь не собирается, а ежели он не нагулялся, «пусть брюхатит дворовых девок», она возражать не станет. Так и жили в любви и согласии, вплоть до кончины Юсупова.

Вдове еще не было и сорока, но семья и дети больше не входили в ее планы, она была хороша собой и владела несметными богатствами, дававшими ей свободу действий,



Николай Борисович Юсупов (младший) — сын Бориса Николаевича

неслыханную для женщины той эпохи. Вскоре Юсупову звали не иначе, как а-ля Бальзак, за целую вереницу головокружительных любовных романов. Казалось, она задалась целью умереть от сладострастия, а не от ненавистного родового проклятия.

Стремление княгини обмануть смерть с годами превратилось в манию. Пренебрегая мнением высшего общества, она выкупила своего молодого любовника — народовольца из неприступной и смертельно сырой Шлиссельбургской крепости, по сути, спасла его от медленной смерти в заточении. А когда он все же скончался, приказала забальза-

мировать его тело, чтобы хранить его вечно в тайной комнате рядом со своей опочивальней.

На старости лет она придумала еще одну уловку, дабы уйти от удара древнего проклятия: вышла замуж за первого встречного француза, покинула Россию и беззаботно прожила остаток дней уже не Юсуповой, а мадам де Шаво-де-Серр.

Старшая в роду Юсупова сколько угодно могла заигрывать со смертью, но в гораздо большем страхе должен был жить ее единственный сын — Николай. Очередной единственный наследник, князь Николай Борисович Юсупов-младший родился в 1827 году. 20 октября 1827 года старый князь Николай Борисович Юсупов писал старосте одного из своих имений Герасиму Никифорову:

«Сего октября, 12-го числа, супруга жительствующего в Санкт-Петербурге сына моего князя Бориса Николаевича княгиня Зинаида Ивановна благополучно разрешилась от бремени рождением их сына, а мне внука, князя Николая Борисовича. Предписываю тебе дать о сем знать крестьянам села Власунова с деревнями, а приходского священника попросить, чтоб он в первый воскресный день при собрании крестьян принес Господу Богу о здравии новорожденного благодарственный молебен...»

Молебен действительно не мешал бы, так как младенец не мог похвастаться отменным здоровьем.

*Татьяна
Александровна
(Рибопьер)
Юсупова —
жена Николая
Борисовича*



Различные хвори и болезни одолевали его на протяжении всей жизни. Князь был невероятным красавцем, он походил на свою мать — в породе Нарышкиных, а не в Юсуповых.

Еще в детстве у него наблюдались потрясающие художественные способности. Он был прекрасно одарен в музыкальном смысле. Но этого было недостаточно, чтобы хоть как-то, хоть отдаленно сравниться со способностями, знаниями и умениями его величайшего деда, екатерининского вельможи. Не было в нем той подлинной Юсуповской широты и размаха, не было той утонченно-

сти, которой обладал Николай Борисович-старший.

Музыкант-любитель, он для своих упражнений устроил и оформил в духе елизаветинского барокко домашний театр во дворце на Мойке. Уже в зрелом возрасте пристрастился к драгоценным камням и, благодаря своим несметным богатствам, присовокупил к приобретенной его дедом жемчужине «Пелегрин» такую. Коллекцию бриллиантов, которой мог бы позавидовать любой музей.

Николай Борисович Юсупов стал известен всей Европе благодаря своим зарубежным поездкам, целью



*Зинаида
Николаевна
Юсупова —
дочь Николая
Борисовича
с фамильной
жемчужиной
«Пелегрина»*

которых было приобретение предметов искусства для Двора Его Величества, а также образовательные программы. Встречался он с Дидро, Бомарше, Вольтером, был представлен в Париже ко двору Марии-Антуанетты и Людовика XVI.

Внук «просвещенного вельможи», названный в честь легендарного деда Николаем Борисовичем-младшим (1827–1891), в 28 лет был главным начальствующим церемонии ко-

ронации Александра II. Кроме почетных обязанностей и высоких титулов он унаследовал от деда творческую натуру, тонкий художественный вкус, страсть к коллекционированию и меценатству. Николай Борисович тоже увлекался музицированием и занимался композицией. Его сонаты, ноктюрны и романсы исполнялись не только в петербургских залах, но и во многих музыкальных салонах Европы. Отдал он



*Зинаида Николаевна с мужем Феликсом Феликсовичем
Сумароковым-Эльстон, старшим сыном Николаем
и младшим сыном Феликсом*

дань и литературному творчеству: писал романы и религиозно-философские трактаты. Книги Н.Б. Юсупова хранятся в бывшей Императорской публичной библиотеке, вице-директором которой он был в течение четырех лет.

Младший князь Николай Борисович был замечен в нескольких романтических приключениях, но его супругой суждено было стать графине Татьяне Александровне Рибо-

пьер, его сводной кузине. Татьяна Васильевна Потемкина-Юсупова, жена великого Николая Борисовича, приходилась им обоим общей бабушкой, тогда как дедушки у супругов были совершенно разные. Многие были против этого союза, да и Православная церковь не одобряла такие браки, чтобы потомство не несло на себе угрозу вырождения.

Влюбленным было безразлично вырождение семейства, и без того



*Феликс Феликсович Юсупов —
сын Зинаиды Николаевны*

проклятого. Этот роман активно обсуждался в свете, причем дело дошло до императора Николая I, который даже хотел сослать Николая в Тифлис. Лишь в 1856 году влюбленные смогли тайно обвенчаться. В Святейшем Синоде было возбуждено дело о незаконном венчании, прекращенное благодаря императору Александру II, который повелел «оставить супругов в браке без разлучения».

Так что ни близкое родство, ни генетика не смогли повлиять на сильное чувство молодых людей. В скором времени на свет появились две вполне здоровые княжны Юсуповы — Зинаида и Татьяна, а также

сын, получивший по традиции имя Борис.

Как человек высокообразованный, к тому же литератор и скрипач, он не верил ни в какие покрытые многовековой пылью пророчества. Своих трех детей — Зинаиду, Татьяну и Бориса — воспитывал людьми светскими, благоразумными и кристально чистыми душой. В их жизни не должно было быть никаких счетов с древними темными силами...

Сначала от скарлатины умер маленький Боренька — единственный наследник Юсуповых по мужской линии.

Затем во время конной прогулки поранила ногу старшая дочь Зинаида. Поначалу ранка показалась пустяшной, но уже на следующий день началась лихорадка, и сам Боткин поставил диагноз — заражение крови. Тогдашняя медицина не в силах была помочь юной, цветущей девушке, несчастная впала в кому.

Отчаявшийся Юсупов отбросил все свои принципы и призвал к постели умирающей дочери священника Иоанна Кронштадского, известного своими чудесными исцелениями безнадежно больных. Силой молитвы старец вернул Зинаиду к жизни.

И тем самым обрек ее сестру на верную смерть — вскоре Татьяна сгорела от тифа. Ей было 22 года. Проклятие рода Юсуповых работало как отлаженный механизм —

*Феликс
Юсупов*



преодолеть 26-летний рубеж суждено было только одному отпрыску.

В 1879 году Николай Борисович потерял супругу Татьяну Александровну, скончавшуюся на пятьдесят первом году жизни.

Зинаида стала единственной наследницей заводов, мануфактур и доходных домов в каждом российском крупном городе, рудников, деревень, поместий, усадеб, лесов и земель в каждой российской губернии, дворцов, обставленных ме-

белью королевы Марии-Антуанетты и мадам де Помпадур, и коллекций драгоценностей, среди которых оставалась и знаменитая на весь мир жемчужина «Пелегрина».

Но что значат все эти сказочные богатства перед ликом Смерти? Прах и тлен! И бабушка, и отец настаивали на скорейшем замужестве оставшегося в живых чада, боялись покинуть этот свет, не дождавшись подтверждения продолжения рода — внуков. Семье необходимо



*Феликс Юсупов
с женой
Ириной
(Романовой)*

было прирастать, а не плачевно угасать.

Руки Зинаиды просили знаменитые европейцы, в том числе августейшие, однако она отказала всем, желая выбрать супруга по своему вкусу.

Мало того, что Зинаида была самой богатой невестой в России, она была божественно красива. В мужья ей прочили родственника императора, претендента на трон Болгарии. Однако на смотрах девушка смотрела не в глаза болгарскому принцу, а поверх его плеча, за кото-

рым стоял ее истинный суженый — праправнук М.И. Кутузова и внук прусского короля русский граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон, генерал-лейтенант и губернатор Москвы. На следующий день он явился к Юсуповым один, чтобы сделать предложение руки и сердца, и получил согласие красавицы.

Юсупов дочери не перечил: титул, богатство, связи, красота, образование, ум, доброта — все и так было у его дочери, от ее супруга требовалась лишь любовь. Союз двух влюбленных сердец был освящен таин-

ством венчания и принес двоих детей, более того — сыновей. Проклятое семя хана Юсуфа впервые за многие поколения обрело надежду укрепиться на земле русской.

Но император Александр III, удовлетворяя просьбу князя Н.Б. Юсупова-младшего, дабы не пресеклась знаменитая фамилия, разрешает графу Сумарокову-Эльстону именоваться еще и князем Юсуповым. Этот титул должен был переходить к старшему из сыновей.

Зинаида Николаевна родила ему четверых детей, двое умерли в младенчестве, но об этой кровавой дани «Ногайскому проклятию» в семье предпочитали молчать. Родовались двум сыновьям, двум самым драгоценным камням в семейной сокровищнице, двум надеждам рода Юсуповых.

Старший, Николай, внешне вылитый отец, в жизненных увлечениях был копией матери и деда — музицировал, рисовал, играл в театре, при этом блестяще защитил диплом юриста, позже начал писать рассказы — они печатались под псевдонимом Роков, и даже скупой на похвалу Лев Николаевич Толстой отмечал несомненную одаренность автора. Мальчик рос очень замкнутым и нелюдимым. Княгиня всю жизнь старалась приблизить его к себе, но особых успехов не достигла. Как-то в Рождество он подошел к ней и с ледяным спокойствием сказал:

— Я не хочу, чтобы у тебя были другие дети.



*Ирина Феликсовна Юсупова —
дочь Феликса Феликсовича*

Вскоре выяснилось, что одна из нянек рассказала ему о том, что Юсуповы — проклятый род. Глупую женщину тут же уволили. Зинаида, которая к тому времени ждала рождения второго ребенка, со страхом думала, как встретит его старший брат.

Поначалу все указывало на то, что мальчик ненавидит своего младшего брата Феликса. Только когда тому стукнуло десять лет, они стали нормально общаться. Но все современники отмечали, что отношения между двумя молодыми князьями напоминали просто крепкую дружбу, но никак не братскую любовь.

В воспоминаниях Феликса Юсупова нетрудно заметить, что всю свою жизнь он ревновал мать к старшему брату. Тот, хотя и был внешне больше похож на отца, нежели на Зинаиду Николаевну, своим внутренним миром был схож с ней необычайно.

Так продолжилась история рода Юсуповых. Обсуждение страшного проклятия, которое висело над их семьей, постепенно сошло на «нет».

Но тут наступил 1908 год. Чрезвычайно одаренному юноше нелегко было бы найти себе достойную пару, да любовь сама его настигла. И погубила.

Мария Гейден была уже «другому отдана», и не собиралась нарушать клятву верности, даже ради отпрыска самих Юсуповых. Супруг Марии в долгие объяснения по этому поводу не пускался, вызвал Николая на дуэль и не промахнулся. Математика — жестокая наука: старшему сыну Зинаиды Юсуповой через полгода должно было исполниться двадцать шесть лет.

«Раздирающие крики раздавались из комнаты отца, — спустя годы вспоминал Феликс Юсупов. — Я вошел и увидел его, очень бледного, перед носилками, где было распростерто тело Николая. Мать, стоявшая перед ним на коленях, казалась лишившейся рассудка. Мы с большим трудом оторвали ее от тела сына и уложили в постель. Немного успокоившись, она позвала меня,

но, увидев, приняла за брата. Это была невыносимая сцена. Затем мать впала в прострацию, а когда пришла в себя, то не отпускала меня ни на секунду».

Обезумевшая от горя мать вцепилась в младшего сына Феликса, ни на шаг не отпуская от себя, зачастую путаясь и называя его Николенькой, хотя братья были абсолютно не похожи. Феликсу досталась ангельская внешность матери, но в обществе он имел репутацию «ангела падшего». Ни искусство, ни науки, ни военное дело его нисколько не интересовали. Зачем учиться, а тем паче трудиться, если ты от рождения почти сказочный принц, тебе принадлежит полцарства, а не сегодня-завтра за тобой придет призрак пращура Юсуфа? Нужно использовать каждый отпущенный тебе день жизни для наслаждений.

Князь Феликс Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, стал самым известным из рода Юсуповых, хотя никаких ратных подвигов не совершал и на государственной службе не отличился. «Высокий, худой, стройный, с иконописным лицом византийского письма» (характеристика А.Вертинского), в начале XX века он был кумиром петербургской золотой молодежи, имел прозвище Русский Дориан Грей и на всю жизнь остался почитателем Оскара Уайльда.

Не душа матери — Зинаиды Николаевны, известной на всю Россию своей добротой, милосердием,

*Ирина
Феликсовна
Шереметева
(в замужестве)
с дочерью
Ксенией
Николаевной*



благотворительными делами, в нем возобладала, а кровь бабушки Зинаиды Ивановны бурлила. Список его любовных побед был поистине донжуанский. Однако перечить матери, потребовавшей прекратить кутежи и жениться, он не посмел.

Феликс не был склонен, как его старший брат или мать, к искусствам. Не питал интереса к воен-

ной и государственной службе, как его отец или родные по материнской линии. Прожигатель жизни, «золотой мальчик», завидный жених. Но и с женитьбой все обстояло не так-то просто.

Зинаида Николаевна пыталась повлиять на сына, писала ему: «Не играй в карты, ограничь веселое времяпрепровождение, работай мозгами!»



*Ксения Николаевна Сфири
(Шереметева), дочь Ирины
Феликсовны Шереметевой
(Юсуповой), с мужем Ильей Сфири*

Но он, хотя и обожал мать, побороть себя был не в состоянии. Только лукавое заявление Зинаиды Николаевны о том, что она больна, но не желает умирать, пока не увидит внуков, подвигло его согласиться на женитьбу и пообещать остепениться. Оказия представилась довольно скоро.

В 1913 году на декабрьские вечера в Архангельском приехал великий князь Александр Михайлович. Он сам завел разговор о женитьбе своей дочери Ирины и Феликса, а Юсуповы с радостью откликнулись. Ирина Александровна была не

только одной из самых завидных невест государства, но и потрясающе красива. К слову, в начале XX века в России были три признанные красавицы: императрица Мария Федоровна, Зинаида Николаевна Юсупова и Ирина Александровна Романова. Как говорится, выбор очевиден.

О роли Феликса Юсупова в убийстве Распутина известно почти все. Заманили сластолюбивого старца под предлогом встречи с Ириной Александровной во дворец на Мойке. Сначала травили, потом стреляли и, в конце концов, утопили в реке.

В своих воспоминаниях Юсупов уверяет, что таким образом пытался освободить Россию от «темной силы, ведущей ее к пропасти». Несколько раз ссылается на мать, поссорившуюся из-за своей неприязни к Распутину с императрицей. Но уже тогда в объяснениях Юсупова современники подозревали некоторую лукавость и предполагали, что Распутин согласился приехать, чтобы погасить ссору между супругами, вызванную «любвеобильностью» Феликса.

Императрица настаивала, чтобы заговорщиков расстреляли, но, поскольку среди них был великий князь Дмитрий Романов, наказание ограничили ссылкой. Феликса сослали в курское имение Ракитное.

Узнав о событиях в Петербурге, Зинаида Николаевна, находившаяся в Крыму, нанесла визит вдовствующей императрице.

— Мы всегда с вами понимали друг друга, — медленно, чуть растягивая слова, произнесла Мария Федоровна. — Но боюсь, что наши молитвы были услышаны слишком поздно. Господь давно наказал моего сына, лишив его головы. Собирайте семью. Если у нас и есть время, то его немного.

Феликс, оставшийся единственным потомком Юсуфа, посчитал, что ему позволено все, даже убийство. Впрочем, беда была не в этом, а в его исключительной расточительности. Когда в 1919 году семья отплывала из полыхающей России, денег у них было более чем достаточно. Всего за пару «мелких и блеклых» бриллиантов Феликс купил паспорта Франции всем своим домочадцам, они приобрели дом в Бу-

лонском лесу. Увы, князь не отказался от той вольготной жизни, которую вел на родине. Конечно, дворцы, заводы и пахотные земли с собой во Францию не увезешь, но фамильные драгоценности его мать сохранила, да и недвижимость за границей имелась. Феликс же промотал все. Его супруга, дочь и, наконец, он сам были похоронены в могиле его матери — денег на отдельные места на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа под Парижем не нашлось.

Скоропостижная смерть брата Николая дала ему шанс на жизнь и продолжение рода, но «Ногайское проклятие» легко свело с ним счеты: если человек духом слаб, он не в состоянии бороться с древними мистическими силами.

***В.В. Путин,
митрополит
Кирилл
и Ксения
Николаевна
Сфири
(Юсупова-
Шереметева)***





*Ксения
Николаевна
с дочерью
Татьяной
(правнуч-
ка Феликса
и Ирины
Юсуповых)*

От некогда богатых Юсуповских архивов в России мало что осталось. «Пьяная матросня», как описывал ее в своих воспоминаниях Феликс Юсупов, искала, прежде всего, драгоценности, а попадавшиеся ей непонятные бумаги сжигала. Так погибла бесценная библиотека и архив Александра Блока, сгорели в пожарах архивы почти всех дворянских семей России. Теперь восстанавливать родовые хроники приходится по актам, сохранившимся в государственных архивах.

Полностью доверяться вышедшим за рубежом воспоминаниям Феликса Юсупова нельзя — он приукрашивает свою роль в убийстве Распутина, довольно субъективно подает революционные события. Но

из-за близости к императорской фамилии семейную хронику Юсуповых восстановить не трудно.

В Париже 19 июня 1938 года Ирина Феликсовна Юсупова вышла замуж за графа Николая Дмитриевича Шереметева. После свадьбы новобрачные поселились в Риме, где 1 марта 1942 года у них родилась дочь Ксения. Свое имя она получила в честь бабушки по материнской линии, великой княгини Ксении Александровны, сестры последнего русского императора.

Вместе с родителями Ксения переехала в Афины. Там же, в Афинах, она вышла замуж за грека Илиаса Сфири, уроженца острова Итака. В этом браке в 1968 году родилась дочь Татьяна.

Ксения Николаевна является единственной из старых русских аристократов, оставшихся жить в Греции. Часто бывает в Париже, посещает места, связанные с ее дедом, князем Феликсом Юсуповым, переизданию мемуаров которого она активно содействовала. Несколько раз графиня приезжала в Петербург, который ей особенно полюбился.

Татьяна Сфири — предпоследняя в роду Юсуповых. В браке с Антониом Вамвакидисом она родила двух дочерей — Марилию и Ясмин.

Судя по всему, род Юсуповых продолжается только по женской линии, ослабевая с каждым последующим поколением. Если обе дочери Татьяны достигнут брачного возраста и родят детей, то проклятию степной колдуньи придет конец.

Если оно вообще было.

Накануне XX века княгиня Зинаида Николаевна Юсупова заказала у модного художника Серова портреты всех членов семьи. Обычно Валентин Александрович «чванливых и богатых» не писал, но Юсуповой отказывать не стал:

— Если бы все богатые люди, княгиня, были похожи на вас, то не осталось бы места несправедливости.

Ответ художника удивил:

— Несправедливости не искоренить, и тем более деньгами, Валентин Александрович.

Вряд ли Зинаида Николаевна имела в виду социальную справедлив-



*Татьяна Ильинична Сфири —
предпоследний потомок
рода Юсуповых*

вость. Для нее, воспитанной в роскоши, любое безденежье было следствием бездумья и безделья, а значит, и вполне справедливым. Юсупова говорила о высшей справедливости, которой, как она считала, ее семья была лишена.

Можно и так толковать легендарное проклятие. Но тогда... тогда оно касается едва ли не всех аристократических семей России. В том числе, и императорской, которая погибла, может быть, еще и потому, что породнилась с родом Юсуповых...

Судьба или рок?.. □



ОНИ БЫ НЕ УСПЕЛ

1

Пройдя через рамку металлоискателя, Андрей отряхнул густо обсыпавший воротник липкий снег, поправил на плече ремень сумки, в которой вместе с ноутбуком традиционно покоился «малый командировочный набор», и привычно огляделся.

В самом центре зала вылета сверкала многоцветными гирляндами роскошная ель, обильно обтянутая мишурой и обвешанная крупными шарами. Чуть в стороне, над стойками регистрации широкое электронное табло радовало глаз измученных пассажиров мигающими зелеными огоньками, возвещающими о начале посадки на ранее задержанные рейсы. Судя по информации на табло, вылет Андрея задерживался на полтора часа, что было вполне ожидаемо и не вызвало ни раздражения, ни досады. Из-за бушевавшего над городом циклона, принесшего с собой резкий ветер и плотную метель, аэропорт почти сутки был закрыт, и, глядя на толпы издерганных и взведенных пассажиров, спешащих сейчас к выходам на посадку, Андрей расценил эту полуторачасовую задержку чуть ли не как подарок судьбы.

Походкой человека, которому совершенно некуда спешить, он направился к покрытым белой матовой краской широким дверям зоны VIP-обслуживания.

В дальнем углу второго этажа, напротив схода с эскалатора, увитое искусственной зеленью, тянулось деревянное ограждение небольшого уютного ресторанчика. «Будут места — посижу лучше там», — решил Андрей и, не дойдя до входа в VIP-зал нескольких шагов, свернул в сторону эскалатора.

Свободные места в наличии оказались, причем один из двух пустующих столиков располагался, на его взгляд, очень удачно — у широкого

окна, за которым открывалась ярко освещенная ночная панорама самолетных стоянок и летного поля. Он с удовольствием погрузился в глубокое кресло, небрежно свалив на соседнее сумку и пальто, приветливо улыбнулся подошедшей официантке. Череду приятных мыслей радостно будоражила сознание, он был даже доволен сейчас, что рейс задержали, что можно спокойно посидеть одному в уютной обстановке, полностью отдавшись прекрасному настроению, посмаковать ожидание заслуженного отдыха. За короткую командировку основной пакет документов удалось подписать, и Сибирский проект, готовившийся без малого два года, наконец, стартовал, что давало все основания надеяться на приличный годовой бонус, а в перспективе и на назначение руководителем самого проекта. На предстоящую поездку в Итальянские Альпы удалось подобрать приличную компанию старых друзей, и зимние каникулы обещали пройти так, как не проходили уже давно. Да и Светка прислала сегодня сообщение, что Алинка заняла второе место на муниципальном конкурсе и теперь будет готовиться к городскому.

Андрей не испытывал голода, зато ощущал потребность отметить удачное завершение командировки. Он заказал двести грамм коньяка, попросил порезать лимон, ткнул пальцем в первое попавшееся блюдо легкой мясной закуски. Когда официантка отошла, он увидел, что в ресторане появился новый и весьма необычный посетитель.

Высокий даже при заметной сутулости мужчина вошел неторопливой, какой-то неуверенной походкой, медленно огляделся и застыл, повернув голову в ту сторону зала, где сидел Андрей. Его появление не осталось незамеченным и остальными: бармен за стойкой перестал протирать бокалы и, казалось, слегка напрягся, несколько посетителей покосились на нового гостя с плохо скрытым недоумением. Выглядел он на фоне окружающей обстановки довольно колоритно: кирзовые сапоги, густо заляпанные то ли цементом, то ли засохшей грязью, грубые ватные штаны, черная телогрейка с порезом на рукаве, спутанные лохмы длинных, тронутых сединой волос выбивались из-под старой, явно маловатой по размеру солдатской ушанки. Здесь, среди полированных столиков и крахмальных салфеток, среди излучающих приглушенный свет торшеров и подвешенных на потолке и по периметру окна разноцветных гирлянд, такой наряд смотрелся довольно нелепо. Наверное, странный посетитель и сам почувствовал это, потому что какое-то время постоял в нерешительности, потом, словно приняв решение, целенаправленно двинулся, как показалось Андрею, прямо к нему. Андрей не выносил всевозможных попрошайек, слезливые истории об украденных деньгах и о своре голодных родственников неизменно вызывали в нем лишь брезгливое раздражение, и сейчас, решив, что очередной обездоленный избрал для своей атаки именно его, он демонстративно отвер-

нулся к окну. Однако мужчина направлялся не к нему — он подошел к единственному пустующему столику и тяжело опустился в кресло. Сидевшая за соседним столом девушка, перед которой стояла одинокая чашка с недопитым кофе и тарелка с остатками пирожного, увлеченно стучала по клавиатуре ноутбука, но, покосившись на нового соседа, машинально придвинула к себе стоящий на полу рюкзачок.

— Добрый вечер. Будете что-то заказывать? — Голос официантки прозвучал неуверенно. Она стояла, с подозрением глядя на посетителя и прижимая к груди, словно щит, папки меню.

— Я-то?.. Да. Буду, наверное, — сипло проговорил мужчина, простужено кашлянул и, откинувшись на спинку кресла, добавил: — Попозже только.

— У нас нельзя просто так сидеть, нужно что-то заказать. — Официантка постаралась добавить голосу строгости. — Только вы бы посмотрели сначала в меню, у нас цены... в общем, цены у нас высокие, понимаете?

Она растерянно обернулась в сторону бара, словно ища поддержки, и поддержка не замедлила явиться. Бармен, внимательно наблюдавший из-за стойки за развитием событий, покинул свой пост, вразвалочку, как бы нехотя, подошел вплотную к столику, встал перед ним, наполовину заслонив собой официантку. Несколько секунд он оценивал ситуацию, выбирая линию поведения, потом, решив не церемониться, нарочито грубо проговорил:

— Эй, мужик! У тебя бабки, вообще-то, есть? Тут тебе не богадельня, на халяву не подают.

— Да чего налетели-то? — В голосе, который вдруг показался Андрею смутно знакомым, уже сквозила неуверенность. — Говорю же вам, буду я заказывать, и бабки свои вы получите.

Андрей по-прежнему смотрел в окно, за которым под белым светом прожекторов оживала после вынужденного перерыва суетливая работа наземных служб. «Хорошо бы, он свалил сейчас по-тихому, без скандалов, без полиции. И чего он сюда вперся? Такой вечер испортит, козлина, быдло! Надо было в VIP-зал двигать».

— Короче, мужик, давай так, — деловито произнес бармен. — Ты тихонечко встаешь, тихонечко уходишь, мы шум не поднимаем, ментов не зовем, гостей не напрягаем. Ну? Кому говорю?

— А я говорю, что хочу выпить и пожрать по-человечески, — набычился мужчина. Потом вдруг встал с кресла, посмотрел на Андрея, ткнул в его сторону пальцем: — Вот кто за меня заплатит. Что, не верите? Андрюха, скажи им! — Потеснив плечом растерявшегося на миг бармена, он подошел к столику Андрея, отодвинул кресло и по-хозяйски уселся напротив него. — Андрюха, жрать хочу — беда просто. Да еще и ломает после вчерашнего, поправиться надо срочно. Угостишь приятеля? Небось, не скурвился еще?

— Тоха — ты?!

— О, узнал, наконец! Вот и ладненько. А я тебя еще в зале срисовал. Все решал: подойти — не подойти. Потом увидел, куда ты направился, ну и подумал, что грех такой случай упускать. Здесь помаячил, все надеялся — узнаешь, позовешь. А тут эти докопались...

Не отрывая потрясенного взгляда от сидящего перед ним человека, Андрей вдруг понял, что их столик стал центром внимания для половины ресторана, боковым зрением отмечая повернутые в их сторону лица посетителей, застывшие за спиной Тохи фигуры официантки и бармена. Его никогда не смущало внимание посторонних, ему даже нравились публичные выступления на презентациях и корпоративах, но сейчас Андрей испытал неожиданно сильное желание оказаться как можно дальше от всех этих людей, которых он видит в первый и последний раз. Его почти физически мучили эти любопытные взгляды, он чувствовал, как начинают гореть сначала уши, а потом и все лицо, как густо краснеет на виду у всех, и от этого терялся и злился на себя еще больше. А с другой стороны столика за ним с чуть заметной насмешкой наблюдали глаза старого друга. Нет, не глаза — глаз. Андрей только теперь понял, что с самой первой секунды поразило его в этом лице, наполовину скрытом многодневной седой щетиной и испещренном ранними морщинами. Левый глаз Тохи, внешне почти неотличимый от правого, выглядел мертвым — он невидяще таращился в пустоту, и вокруг темного зрачка плясали отблески сверкающей гирлянды.

Едва отойдя от первого шока, еще не поняв, что нужно говорить и как вести себя дальше, Андрей стал сглаживать напряженную и двусмысленную ситуацию.

— Все нормально, — поспешно и чуть ли не заискивающе обратился он к бармену. — Это приятель мой. Не признал, знаете ли. Все хорошо — я оплачу ужин. — Затем с вымученной улыбкой посмотрел на официантку: — Дайте, пожалуйста, меню, и минут через пять подойдите, мы сделаем заказ.

Когда официантка в сопровождении что-то недовольно бормочущего бармена отошла от столика, когда за соседними столами возобновились прерванные разговоры и послышалось привычное позвякивание посуды, Андрей испытал огромное облегчение.

Все это время Тоха по-прежнему внимательно разглядывал его с легкой полуулыбкой на губах. Потом взял меню, открыл его на первой странице и усмехнулся:

— Ну, Андрюха, ты уж не обижайся, разорю тебя маленько. Сам понимаешь, не каждый день такие встречи случаются. Начнем мы, конечно, с бух-ла. Та-ак, что у нас тут?..

2

— Антоха, ну чего ты жмешься? — азартно убеждал Андрей, стараясь не повышать голос и воровато оглядываясь по сторонам. — Говорю тебе: дело верное. Рамиз серьезный чувак, просто так болтать не станет. Там и делов-то максимум на две-три минуты, я все прикинул: перелезли забор, до павильона бегом секунд двадцать, отметались — и обратно. Ведь этот павильон, двадцать четвертый, как будто специально выбирали — для нашего дела удобней всего расположен. Сам посуди: угловой, охрана на другом конце территории, уходить удобно через насыпь.

— Удобно. Если товарняк не пойдет, — мрачно буркнул Тоха.

— Если-если, — передразнил Андрюха. — Если всего бояться, можно до самой старости телеги с товаром катать — вот это я точно знаю. Под лежащий камень портвейн не течет. А тут — такой шанс! Ты только подумай. — Он подался вперед, наклонившись над столом, и еще больше понизил голос: — Две минуты стремной работы — и пять штук «зелени»! А потом знаешь, чего делать будем? На бухло и девок «бабки» такие проматывать не станем, мы с тобой, Тоха, дело свое откроем. Свое, понимаешь ты, дурья башка, свое дело! Я уже и об этом подумал. С Гариком Ивашовым поговорил, у него три точки на Луже, он кожу из Турции таскает. Сказал, будет у вас «бабло» — возьму в долю. Олега Бусыгина из двадцать второго помнишь? Он картриджи для Денди из Китая возит, просветил тут меня по некоторым вопросам... Короче, тоже тема. Да чего я тебе как маленькому объясняю?! Сам ведь понимаешь, в наше время только бы деньги на раскрутку были, на первую закупку нормальную, а там — пол-Лужи знакомых, точку снял и стриги «бабки».

Они сидели за самым дальним угловым столиком в полутемном зале дешевой пивной недалеко от метро «Спортивная». Перед ними стояли две кружки с пивом, в маленьком блюдечке возвышалась горка фисташек. Сегодня у них выдался вынужденный выходной — рынок в Лужниках был закрыт по случаю предстоящего вечером матча на кубок УЕФА. В полдень посетителей в пивной было немного, но уже через пару часов ожидался массовый наплыв шумных «спартачей», которые начнут бурно «готовиться» к матчу и, накачавшись пивом, отправятся искать на подступах к стадиону немногочисленные кучки фанатов соперника.

— Слушай, Андрюх, а чего Рамиз именно к тебе обратился с этим делом, чего кого-нибудь из своих не попросил? Непонятно все как-то: у них там с бандюками из администрации Лужи свои разборки начались, ну, порезали там кого-то слегка, но при чем тут павильон на Ярмарке? Зачем

жечь? За него вообще армянин какой-то платит, он то тут с какого бока? И еще... — Тоба поднял на друга глаза, посмотрел пытливо, в упор: — Самое главное. Ты знаешь, сколько народу там арендует склад и витрины? Человек пять-шесть, не меньше. И у каждого там товар. Ты же их всех по миру пустить собираешься.

Андрей отхлебнул пива, медленно поставил кружку на стол, несколько секунд сидел молча, будто задумавшись о чем-то, потом снова заговорил:

— Отвечаю по порядку. Рамизу меня порекомендовали. Тофик — нормальный пацан, ты его еще не видел. На разборки их мне плевать, меньше знаешь — крепче спишь, зачем решили сжечь павильон — тоже плевать. А по поводу остального, — криво ухмыльнулся он, — в стране объявили капитализм, ты не слышал? А это значит — каждый за себя, и каждый получает то, что заслужил. У кого сгорит товар, тем не повезет, но только не я буду в этом виноват. Они просто сняли точку в неудачном месте, потому что павильон решено сжечь, и его все равно сожгут, не мы, так другие. А я не хочу больше грузить чужие коробки, таскать телеги с чужим товаром и считать чужую выручку. Я хочу заработать денег — много и быстро.

После довольно продолжительного молчания Антон медленно, будто выдавливая из себя слова, проговорил:

— Не знаю, Андрюх. Не нравится мне эта затея. Я, пожалуй, не буду в этом участвовать. Не буду и тебе не советую. Слушай! — Лицо его вдруг радостно прояснилось. — Я же совсем забыл, ко мне тут Сурен подходил, сказал, что доволен, как мы работаем, типа, старшим продавцом меня хочет назначить в девятнадцатом павильоне, у него там родственник какой-то трудился, домой вдруг уехал. Ответственность, конечно, ну так и денег больше будет. Что думаешь? А там, глядишь, и тебе предложит что-нибудь повыгодней.

— Старшим продавцом, говоришь? — откинувшись на спинку стула, скужающим тоном произнес Андрей. — Хорошо. Мое дело — предложить, твое дело — отказаться. Я нашел путь к хорошим деньгам, путь в бизнес, ты отказался, тебя, оказывается, больше прельщает карьера старшего продавца. О,кей, тему закрываем. Я, Тоба, один пойду. Вдвоем оно, конечно, было бы сподручнее, но раз уж ты в старшие продавцы собрался — придется управляться одному.

Ход был беспронизышный, Андрей приберегал его именно на этот крайний случай. Он не допускал даже мысли, что Тоба — друг не то, что со школьной скамьи, а с детсадовской группы — отпустит его на такое дело одного.

— Да ты чего — один! — Антон, как и предполагалось, сразу дал задний ход. — Как это, один?! Там же и лестница, и бутылки, и вообще — мало ли что? Одному тебе никак нельзя.

Чтобы скрыть радость в глазах, Андрей сосредоточился на своей кружке, отпивая пиво маленькими неторопливыми глотками. На самом деле он не чувствовал себя таким уверенным, каким хотел казаться. Предстоящая акция, на которую поначалу он легко и с радостью согласился, вызвала у него теперь нешуточный страх. И уж совсем невыносимо для него было бы отправиться на это дело одному.

Знаменитый рынок в Лужниках (в просторечье — просто «Лужа») открывался для покупателей в семь утра, но огромная территория вокруг главного стадиона страны оживала задолго до этого времени. В ворота непрерывно въезжали грузовики с товаром, на многочисленных аллеях, ведущих к трибунам, торговцы открывали ставни палаток, вытаскивали из вместительных баулов разноцветное тряпье и крепили его на импровизированных витринах, дымились гигантские казаны с пловом; на вращающихся жаровнях покрывалось румяной коркой мясо для шаурмы, на раскладные столики выставлялись коробки с обувью, на передвижных вешалках развешивались кожаные куртки и кружевное нижнее белье, лестницы в подтрибунных помещениях исчезали под тектоническими завалами китайского и турецкого барахла.

И задолго до открытия на обширную стоянку перед стадионом съезжались, рыча изношенными движками и чадя солярным выхлопом, автобусы, по номерам которых можно было изучать географию России. Это приезжали из регионов первые оптовые покупатели.

Раннее утро сразу после открытия — время оптовиков. Товар свозился к автобусам огромными телегами, запихивался в багажное отделение, набивался в салон.

Здесь создавали свои первые миллионы оборотистые челноки, и здесь работали, чтобы прокормить семью, оказавшиеся вдруг никому не нужными доктора наук и молодые инженеры, отсюда непрерывными потоками растекалось по стране огромное количество всевозможного товара — от трусов и домашних тапочек до кофемолок и телевизоров.

Не просто в Москву, а именно сюда, на Лужу, устремились двое вчерашних школьников из провинциального Мичуринска. Высшее образование в условиях новой капиталистической реальности давно потеряло свою былую привлекательность, да и полуголодное существование студентов-провинциалов, чьи родители не могут оказывать существенную поддержку, не выглядело хорошим вариантом начала взрослой жизни. Перспектива скорого призыва тоже не радовала, поэтому идея спрятаться от военкомата в огромной Москве, трудоустроившись на легендарной Луже, где второй год работал обещающий помощь приятель-земляк, показалась Андрею

и Тохе весьма удачной. Приятель не соврал и действительно познакомил ребят с несколькими арендаторами на Ярмарке — отдельной территории рядом с Лужниками, обнесенной высоким забором и тесно застроенной торговыми павильонами. Ярмарка в основном специализировалась на продаже бытовой техники, телевизоров, аудио-видеосистем и игровых приставок, имела собственную администрацию (то есть принадлежала не той же группировке, что и основная Лужа), на ней, по причине узкой специализации, было заметно меньше людей, и создавалась хотя бы видимость цивилизованной торговли.

Желтые опавшие листья густо облепляли мокрый асфальт. Зарядивший с вечера нудный осенний дождь монотонно сыпал мелкую водяную крупу. Свет редких фонарей отражался на покрытой мелкой рябью поверхности обширных луж. Иногда налетали порывы не сильного, но холодного ветра, и тогда шорох дождя в палой листве на время заглушался скрипами и стонами оголенных крон старых деревьев.

Они шли по узкой асфальтовой дорожке, слева возвышались стальные прутья длинного забора, огораживающего территорию Ярмарки, справа круто уходила вверх насыпь окружной железной дороги. Шумная и суетливая днем, сейчас Ярмарка казалась абсолютно вымершей, и лишь в плотно зашторенных окнах павильона охраны горел неяркий свет.

— Погода для нас — самое то, — с наигранной бодростью произнес Андрей. — Они и в нормальных условиях до того угла не доходят никогда, а сейчас вообще, небось, из будки своей не высунутся. Я вчера тут подежурил маленько, дождя не было, так за целый час ни один хрен в обход не пошел. Обленились. Расслабились.

— А чего им не облениться? — недовольно откликнулся Тоха. — Сам знаешь, кто их «крышует». Слушай, Андрюх, а может...

— Подходим! — резко перебил его Андрей. — Все помнишь? Главное — лестницу не забыть на внешнюю сторону перекинуть. Пока добегут, пока с замком провозятся, мы уже у метро будем, а там — дворы. Не бойсь, Тоха! Им еще прочухаться надо, потом бежать сюда метров пятьсот, а нам до забора — меньше ста. Ну, на самый крайняк, если крикну «Расходимся!», ты валишь вправо через насыпь — под мост лучше не суйся — и уходишь во дворы. Я влево, в сторону Лужи, там знаю, где занываться.

Впереди показался мост — мощный вал железнодорожной насыпи прорезала широкая арка. Это была основная дорога, по которой от метро обычно текли потоки покупателей на рынок и болельщиков на матч. Забор резко поворачивал влево, и на самом углу были смонтированы неширокие ворота — вход на Ярмарку, самый дальний от центральных ворот, зато самый удобный для тех, кто идет от «Спортивной».

— Интересно, лестницу не сперли? — с плохо скрываемой надеждой в голосе проговорил Антон.

Они свернули с асфальтовой дорожки, которая уходила дальше к арке моста, и теперь шли среди деревьев, почти по щиколотки погружаясь в слой листвы. Лестница оказалась на месте — присыпанная для маскировки листьями и приваленная комьями земли, она лежала у самого забора. Ограда здесь была невысокой, но состояла только из вертикальных прутьев, поэтому вскарабкаться на нее самостоятельно было практически невозможно. Андрей снял с плеч небольшой, но увесистый рюкзак, протянул Антону:

— Держи! Сверху подашь.

Он первым залез на забор, наверху вполголоса чертыхнулся, запутавшись в неудобном китайском дождевике, мягко прыгнул вниз, принял у Тохи рюкзак, потом помог опустить и установить лестницу на внутренней стороне. Когда Тоха оказался рядом, Андрей, машинально перейдя на шепот, скомандовал:

— Так, теперь все — только бегом!

Двадцать четвертый павильон слепо уставился на них черными окнами складского помещения, над дверями тлея красная лампочка охранной сигнализации. Они быстро достали из рюкзака две стеклянные бутылки с бензином, плотно обмотанные бумагой, чтобы не разбились по дороге, и небольшой булыжник с кусками прилипшей грязи.

— Сначала запалим. Прикрой.

Они склонились друг к другу, заслоняя бутылки от дождя, содрали с них бумагу, один за другим зажгли оба фитиля. Тоха остался стоять с бутылками в руках, а Андрей схватил булыжник и, широко размахнувшись, швырнул его в ближайшее окно. Толстое стекло лопнуло с протяжным звоном и обрушилось вниз несколькими большими пластами, которые, упав на асфальт, рассыпались мелкими осколками. Сигнализация зашлась короткими тревожными звонками.

— Давай!

Две бутылки с горящими фитилями в горлышках, оставляя за собой едва заметные дымные шлейфы, влетели в пустой оконный проем почти одновременно. Какое-то мгновение ничего не происходило, и у Андрея даже успела мелькнуть мысль: «Не загорелось?! Не вышло?!». Но эта мысль принесла почему-то не досаду, а мимолетное облегчение. Вдруг внутри павильона полыхнуло огнем, высвечивая аккуратные ряды картонных коробок с техникой, поднимающиеся к самому потолку, и через секунду над нижним краем окна уже заплясали первые языки пламени.

— Все, сваливаем отсюда! — уже не шепотом, а в полный голос скомандовал Андрей, поворачиваясь в сторону забора и накидывая рюкзак.

— Серега, вон они!

Крик, в котором неприкрытая злоба мешалась с нешуточным азартом, достиг ушей Андрея, но потрясенное сознание, скованное обморочным испугом, отреагировало с секундным запозданием. Он замешкался, все еще пытаясь надеть рюкзак, растерянно оглянулся. От дальнего угла павильона ударил пляшущий луч фонаря.

— Тоха, бежим!

Он бросился к забору, скинув рюкзак и разрывая на ходу тонкую пленку дождевика, чтобы не сковывал движений. Антон, который, вероятно, тоже потерял от растерянности несколько драгоценных секунд, тяжело топал сзади, отставая на несколько шагов. Тот же азартный голос крикнул:

— Серый, у них лестница там! Отсекай первого! От забора отсекай!

Охранников было двое — Андрей даже не услышал, а почувствовал это обостренным чутьем загнанного зверя. Один гнался прямо за ним с Тохой, второй мчался вдоль забора, пытаясь отрезать беглецов от спасительной лестницы. В голове билась только одна паническая мысль: «Почему так быстро? Они не должны были, не могли так быстро...».

Сходу подпрыгнув, Андрей оперся ногой сразу на третью перекладину — тонкая дюралевая конструкция жалобно скрипнула под его весом — и, судорожно перебирая руками, рванулся вверх, боковым зрением заметив подбежавшего с правой стороны охранника. Оказавшись наверху, он вдруг понял, что поможет ему выиграть у судьбы еще несколько секунд и неизбежно заставит преследователей замешкаться. Андрей забросил на забор одну ногу и, перед тем как мощным рывком перекинуть на другую сторону все тело, второй ногой с силой оттолкнул лестницу от себя. Он ожидал, что лестница отлетит легко, но та отвалилась от забора словно нехотя — медленно и тяжело, и падала вместе с Тохой, который уже успел в нее вцепиться.

Спрыгивая вниз, Андрей оказался лицом к забору и за краткий миг своего падения с поразительной четкостью разглядел застывшую, будто на фотографии, сцену: Антон, держась двумя руками за боковины лестницы, валится назад, прямо на подбежавшего охранника, второй преследователь с проступившим на лице выражением досады еще тянет одну руку вверх в бесплодной надежде ухватить ускользнувшую жертву, но другой уже хватает Тоху за капюшон дождевика. А на заднем плане яркой помпезной декорацией красуется в свете фонарей двадцать четвертый павильон, из разбитого окна которого валит подсвеченный тугими струями пламени ядовиточерный дым.

Он приземлился на мягкий слой листвы, повалился набок, вскочил и, больше не оглядываясь, помчался через окружающий Ярмарку сквер. Быстро удаляясь, он еще расслышал доносящиеся из-за забора слова: «Этому

наручники, и в дежурку. На Лужу «набат» передай, сообщи ребятам, может, с ментами словят второго. Потом уже пожарных вызовешь».

Андрей бежал через сквер, потом карабкался на высокую насыпь дороги, на которой, к счастью, не оказалось товарняка, потом кубарем скатывался с нее. Не привычный к таким нагрузкам, он задыхался и хрипел, но животный страх гнал вперед, не давая сбавить темп. Он пересек ярко освещенную, но совершенно пустынную дорогу и, наконец, увидел впереди старые дома плотной жилой застройки. Там — дворы, подъезды, кусты, детские площадки и припаркованные машины. Там есть где спрятаться, там — спасение.

И все время своего панического бегства он одними губами, сам себя не слыша, как мантру, как спасительную молитву, твердил одну фразу: «Он бы не успел. Он бы все равно не успел».

«Он бы не успел». В последующие несколько месяцев Андрей жил с этой спасительной мыслью, как щитом отгораживаясь ею от жгучего чувства стыда, от необратимости совершенного и невозможности повернуть время вспять. Только теперь, с безнадежным опозданием, он осознал масштабы собственной глупости и тяжесть последствий, к которым она привела.

Андрей бежал из Москвы в ту же ночь. Он не стал возвращаться в Мичуринск, полагая, что, если его будут искать, то дома — в первую очередь, а уехал к бабке, которая жила в глухой деревне в Смоленской области. Там он продержался лишь неполные три месяца — вынужденное безделье только усиливало тревогу, страх перед возможными преследователями и беспокойство о судьбе Тохи. Он ничего не делал, ни с кем не общался, даже ни разу не позвонил домой, боясь обнаружить себя. Наконец, совсем измучавшись неизвестностью и бездельем, Андрей решил, что лучше ужасный конец, чем ужас без конца, и, пересчитав в кошельке остатки денег, уехал в родной Мичуринск.

Здесь он тоже ничего не смог узнать о судьбе Тохи, здесь вообще никого до сих пор не беспокоило долгое отсутствие вестей от двух друзей, уехавших когда-то искать счастья в столице. Осторожно расспросив родителей и соседей, Андрей понял, что, похоже, его самого здесь никто не разыскивал. Тем не менее, на следующий же день после прибытия он явился «сдаваться» в военкомат, где его приняли с распростертыми объятьями и «забрили» в рекордно короткие сроки. Счастливо избегнув встречи с Тохиными родителями, жившими через три дома, неуклюже обманув своих родных, что с Антоном они рассорились, после чего друг уехал в неизвестном направлении, возможно, подавшись на северные заработки, о которых давно говорил, Андрей ушел служить.

Шли месяцы, страх перед возможными преследователями постепенно притуплялся, и события той осенней ночи, отдаваясь по времени, выглядели

уже не столь драматично, реже приходили во сне, становились более размытыми, будто все это произошло с кем-то другим. Андрей служил уже второй год, когда мать написала ему, что родители Антона инициировали объявление сына в федеральный розыск. Скучающий следователь в отделении снял с них показания, обещал информировать в случае появления новостей и с тех пор ни разу не объявился. Был человек, уехал в Москву на заработки и не вернулся — обычное дело. Прочитав письмо, Андрей сам удивился тому, насколько мало оно его взволновало.

Вернувшись из армии, он предпринял пару осторожных попыток найти Антона или хотя бы что-то узнать о его судьбе, но действовал робко, особой настойчивости не проявлял, и все закончилось ничем.

Потом он весьма успешно приучал себя не вспоминать о том позорном инциденте, чувство вины и стыда постепенно притуплялось, и в какой-то момент Андрей вдруг понял, что почти не помнит лица своего некогда лучшего друга.

Однако жизнь показала, что не вспоминать — не значит забыть, и любое малозначительное событие, чьи-то слова, сказанные совсем по другому поводу, любая случайная ассоциация способны мгновенно воскресить в памяти все: и лестницу, тяжело отваливающуюся от забора, и Тоху, беспомощно падающего прямо в руки преследователя, и даже смрадную гарь пылающего павильона. Произошло все, как водится, в самый неподходящий момент...

...Женился Андрей в тридцать пять лет. Его второй приезд в столицу оказался значительно удачнее первого, и к моменту собственной свадьбы он, давно «оформивший» себе заочное высшее образование, старательно делал карьеру в крупной промышленной компании.

Накануне торжества из Мичуринска приехала мать, Андрей встретил ее на вокзале, принял тяжеленные баулы с закатанными в банки деревенскими деликатесами, долго размещал их в багажнике. По дороге мать, радуясь встрече с сыном, ни на минуту не умолкая, делилась нехитрыми провинциальными новостями, а когда уже подъезжали к дому, вдруг стала серьезной и, грустно вздохнув, сказала:

— Антошки-то Григорьева мать совсем плохая стала — беда просто. Пока отец жив был, еще держалась вроде, а как помер он два года назад, так совсем сдала. Сначала ходить почти перестала, соседи ей как-то помогали, дай Бог им здоровья, продукты носили, ну а потом, говорят, умом тронулась, узнавать всех перестала. В общем, забрали ее в богадельню. Тяжело, небось, помирать-то так — одной совсем. Антошка, знаешь ведь, единственный был у них. — Она помолчала, снова тяжело вздохнула и с горечью добавила: — Понесло же вас тогда, оболтусов несмышленных, в Москву эту.

Ума бы хоть набрались сначала. Ну а уж поехали — так держались бы вместе, двоим-то всяко проще. Рассорились, разбежались... Так ведь и сгинул Антоха, исчез, будто и не было его никогда. Мать-то ждала, пока в разуме была, говорят, все Антошку вспоминала...

Свадьбу справляли на следующий день в небольшом, но претендующем на помпезность ресторане на окраине Москвы, сняв в нем банкетный зал на пятьдесят человек. В самый разгар торжества из-за стола для произведения тоста поднялся отец невесты — высокий поджарый мужчина — доктор технических наук, инженер-ракетчик, альпинист с многолетним стажем, автор нескольких книг о восхождениях в Гималаях.

— Друзья! — начал он уверенным, хорошо поставленным голосом, и гул за столом быстро стих. — Признаюсь вам откровенно: последние несколько лет, когда моя Светланка превращалась из очаровательной девочки в прекрасную девушку, которую вы видите сейчас перед собой, я все время ждал этого дня и, признаюсь, ждал с тревогой. Да-да, с тревогой. Потому что, вы знаете, я яростный противник всех этих новомодных течений: эмансипация, равные возможности, гендерное равенство и прочая, понимаешь, толерантность. Я человек старой закалки, воспитанный в другие времена и в других условиях. Поэтому, когда я видел, какой нежный цветок расцветает в нашей семье, то мечтал лишь об одном: чтобы в один прекрасный момент рядом с моей дочерью оказался настоящий мужчина, мужчина, каким он должен быть в моем, возможно, устаревшем и немодном сейчас представлении. И сегодня я счастлив, потому что вижу рядом со Светланкой именно такого мужчину. Некоторые из присутствующих здесь знают: я через многое прошел, в разных ситуациях побывал, разных людей встречал и, скажу без скромности, вижу человека с первого взгляда. Когда смотрю на человека, всегда задаю себе вопрос: пошел бы я с ним в горы? Так вот, Андрей — это мужчина, с которым я бы в горы пошел. Он никогда не предаст ни друга, ни, тем более, жены своей. У моей Светланки появилось надежное плечо, на которое она всегда сможет опереться. А значит, все у них будет прекрасно.

Выпили, как положено, проорали «Горько!», недружным хором долго отсчитывали продолжительность поцелуя молодоженов. Когда тамада вновь переключил на себя внимание гостей, и про молодых на время забыли, Андрей взял стоящую неподалеку бутылку водки и щедро плеснул себе в бокал, из которого только что пил шампанское. Молча выпил, не глядя, ткнул вилкой в ближайшую тарелку с салатом. Света покосилась на него чуть удивленно, но без тревоги, и ничего не сказала. А еще через несколько минут, когда общее веселье шло своим чередом, некоторые гости потянулись размяться на танцпол, а невеста в сторонке счастливо щебетала о чем-то с подругами, Андрей тяжело поднялся и направился к дверям, ведущим

в общий зал ресторана. На его уход никто не обратил внимания, тем более что путь к туалетам вел через общий зал, и этими дверями периодически пользовались многие.

Он подошел к барной стойке, уселся на высокий табурет.

— Водки. Двести. Безо льда.

Бармен, привыкший на своей работе ничему не удивляться, невозмутимо подал новому клиенту высокий слегка запотевший стакан. Андрей сделал большой глоток, чуть поморщившись, поставил стакан на стойку, машинально обвел зал пустым невидящим взглядом.

«Пошел бы он со мной в горы. С первого взгляда. Ну и молодец. И я бы пошел с собой в горы. А Тоха сам виноват, он все равно бы не успел. И вообще, не хотел — не ходил бы со мной. Поперся, будто я без него не справился бы, потом еще сам тормозить начал. Хрен он, спрашивается, сзади бежал, бежал бы первым — я бы охранникам достался».

— Водку повторите.

«И вообще, толкнул я тогда лестницу или не толкнул — еще разобраться надо. Я через забор лез, мне прыгать надо было, опора была нужна». По мере дальнейших рассуждений картина происшедшего далекой дождливой ночью в Лужниках неуклонно менялась, становилась не такой драматичной, как представлялась все эти годы. В какой-то момент Андрею показалось, что бармен заинтересованно на него поглядывает, и он подумал, что, возможно, начал разговаривать вслух, но эта мысль не смутила его. Бармен наверняка хороший парень, он, конечно, в горы не ходит, зато точно знает, что, когда за тобой гонятся озверевшие охранники, для спасения годятся любые способы. Все становилось хорошо: Тоха бы все равно не успел, в зале за столиками сидели прекрасные, все понимающие и никого не осуждающие люди, а он сейчас вернется к гостям, оставив этому симпатичному бармену щедрые чаевые, сядет рядом со Светиком, обнимет ее. Светик у него — просто золото, но про Лужники он ей все равно никогда не расскажет. И тестю не расскажет, и гостям, никому.

— Андрюха, ты куда пропал? Ты чего тут делаешь? Э, брат, да ты, я смотрю, в зюзю. Ты чего, Андрюха, охренел? Тебя там Светка ищет.

— Вот что, Вов, давай его пока в туалет отведем, водой холодной умоем, может, хоть чуток в себя придет. Давай-давай, слезай с табуретки! Вовик, поддержи его за другую руку! Ну, Андрюха, ну, ты и отмочил! Как перед Светкой таким покажешься?

Он запомнил заплаканные глаза Светы и растерянный, ничего не понимающий взгляд тестя, горестное лицо матери и хмурые лица друзей. И свистящий шепот новоиспеченной тещи: «А не поторопилась ли ты, дочка?»

Скандалная история, вначале поставившая под угрозу еще не успевшую начаться семейную жизнь, все-таки оказалась замята и серьезных последствий не имела. Про свой конфуз на свадьбе Андрей вспоминал редко, да и история с Тохой после этого случая почти не тревожила память.

3

Метель стихла окончательно, и за стеклами ресторанного окна было видно, как быстро оживает, будто измаявшись от долгого безделья огромный аэродром. Широкие автобусы вальяжно отваливали от аэровокзала и, неторопливо подобравшись к самолетным трапам, исторгали из себя плотные толпы пассажиров, маленькие, словно игрушечные трактора тянули за собой длинные сцепки тележек с багажом, шустрые манипуляторы, похожие на щупальца сказочного монстра, деловито сновали над плоскостями крыльев, обливая их противообледенителем.

На столе вокруг почти пустой бутылки водки стояли тарелки с остатками обильного ужина. Антон, заметно осоловевший от выпивки и непривычно сытной закуски, расслаблено развалился в кресле, глядя на друга все с той же чуть насмешливой полуулыбкой.

— А чего у тебя?.. — Андрей сделал неопределенное движение рукой в сторону своего лица.

— С глазом-то? — догадался Антон. — Да тогда же, в дежурке охраны на Ярмарке и окривел. Осерчали они тогда сильно, часа два, наверное, обрабатывали всем, что под руку подвернется. Информация у них была, что что-то готовится, командиры им заранее хвоста накрутили. Чтобы, мол, смотрели в оба. Ну а они, видишь, все равно проморгали павильон. Так что я потом, считай, десять лет с повязкой черной ходил, пока человек добрый не встретился — дал денег, вот мне такую зачетную стекляшку и соорудили.

Антон говорил спокойно, без надрыва, он ни на что не жаловался и никого не упрекал. Он просто вспоминал дела давно прошедших дней.

— А как же милиция? Милицию-то вызывали?

— Милиция?! — Антон хлопнул себя по колену, комично задрал голову вверх, изображая хохот. — Ты, Андрюха, я смотрю, хорошо успел те времена позабыть. Ты много милиции помнишь на Луже или Ярмарке? Вокруг, у метро особенно, — это да, там они своего не упускали. А на Луже свои хозяева, и законы свои. Пожарные приехали, быстренько сварганили акт о замыкании проводки — и привет, разбирайтесь, товарищи бандиты, со своими проблемами сами. — Антон нагнулся к столу, плеснул себе

остатки водки, залпом выпил, пальцами достал из тарелки с соленьями дольку огурца, смачно закусил и вновь откинулся на спинку.

— А с тобой-то что потом? С тобой что было? — не выдержав, спросил Андрей.

Он заметил, что ни трезвый в начале разговора, ни изрядно выпивший сейчас, Антон не слишком склонен рассказывать о своей жизни. Да и сам он, видя, в каком состоянии находится его друг, и совсем не ожидая услышать веселую историю со счастливым концом, не хотел знать подробностей, тем не менее, продолжал расспрашивать Антона с каким-то мазохистским упорством.

— А что со мной? — неохотно ответил Антон. — Меня, типа, в аренду сдали.

— В смысле — в аренду? — опешил Андрей.

— В прямом. Как бить притомились, заявили, что, мол, товара я спалил на двести штук «зелени», грохнуть меня, конечно, надо, но прибылька им от этого никакого не будет. Один, помню, пошутил еще, что зря глаз попортили — некондиционный товар получился. Ну, и сдали меня кому-то из своих, чтобы, значит, должок отрабатывал. Так и сказали: пока не окочуришься, будешь на нас пахать. Ну, с годик я под Тулой где-то горбатился, на разливочном производстве. Водку паленую гнали в бывшем коровнике. Потом покупатели приехали — а я тогда молодой был, самый здоровый из всего бомжатника, — перекупили меня, к фермеру определили, в Краснодарский край. Там-то жизнь чуток получше была — тепло, да и харч не в пример сытнее. Глядели там не так строго, драпануть легче было, заскучал я чего-то, да и ломанулся на вольные хлеба. Потом долго по стране болтало, все больше по Сибири, шабашил понемногу, даже золотишко помыть пришлось. Так что много чего было, не упомянуть всего. Не люблю я это — помнить.

— Ладно, а сейчас ты как? Где живешь, чем занимаешься?

— О-о! — довольно протянул Тоха, явно обрадованный сменой темы. — Сейчас у меня вообще все нормалек. Наскитался вволю, теперь вот осел, живу, можно сказать, как человек. Баба тут одна подвернулась, не молодая, понятно, но сла-аденькая такая, — мечтательно причмокнул он губами, — а главное — жалостливая. Оно и понятно: одной-то куковать не сладко, поди. Ну, пожалела, пустила меня к себе, а потом как-то свыклись мы. Короче, у себя прописала, вахтером на завод свой устроила. Живем с ней хорошо, хотя все бывает, конечно. Вчера вот с аванса посидели с корешами, черт его знает, чего пили, только очнулся я в бытовке, в карманах пусто, аванса как не бывало. Домой притащился — моя не пускает, иди, говорит, к тем, с кем все деньги пропил. А я, как водится, сюда, в аэропорт. Мы живем тут рядом, и завод рядом, я сюда в моменты, так

сказать, семейных неурядиц заруливаю иногда отоспаться. Ну, ничего, она у меня отходчивая. Покантуюсь еще маленько, чтобы хмель чуток выветрился, и пойду сдаваться... Слушай, вроде Москву объявили. Не твой рейс, случайно?

— Да-да, мой, — нервно проговорил Андрей, неотрывно глядя на свою рюмку с остатками коньяка, и неожиданно добавил: — Знаешь, Тоха, я чего подумал. — Он по-прежнему не поднимал на Антона глаз. — У меня же в этом городе знакомые есть, партнеры, влиятельные, в общем, люди. Я мог бы... ну, попросить их... может, устроиться тебе помогут? Или, может, деньги?... У меня, правда, сейчас с собой не много наличными, но я мог бы...

Ему было стыдно это говорить, но не говорить он не мог, он готовил эти фразы с самого начала разговора, но теперь окончательно запутался в обрывках своих мыслей.

— Не суетись, Андрюх, — спокойно сказал Тоха, и Андрей уже не в первый раз удивился тому, как трезво и рассудительно он говорит, будто не стояла на столе пустая водочная бутылка. — Лучше, чем сейчас, ты меня никуда не пристроишь, лучше мне нигде не будет. Да и не должен ты мне ничего. Накормил-напоил славно — и на том спасибо.

Антон тяжело, со второй попытки выбрался из глубокого кресла, и только по его неуверенным движениям стало видно, что он действительно здорово пьян.

Андрей тоже поднялся. Он вдруг понял, что, когда упорно расспрашивал Тоху о его жизни, когда кратко рассказал о себе, когда говорил обо всем, кроме того главного, о чем нужно было говорить, на самом деле со страхом ждал именно этой минуты. Он должен был говорить о той ночи и, если не услышать прямо, то хотя бы почувствовать, что Тоха — его друг, с которым рос почти с пеленок, не винит его за тот толчок лестницы, что он забыл, простил, понял...

Они так и стояли над заставленным тарелками столом: один — чуть покачиваясь, глядя с терпеливым ожиданием, другой — бессмысленно блуждая взглядом по залу и машинально теребя в руке смятую салфетку.

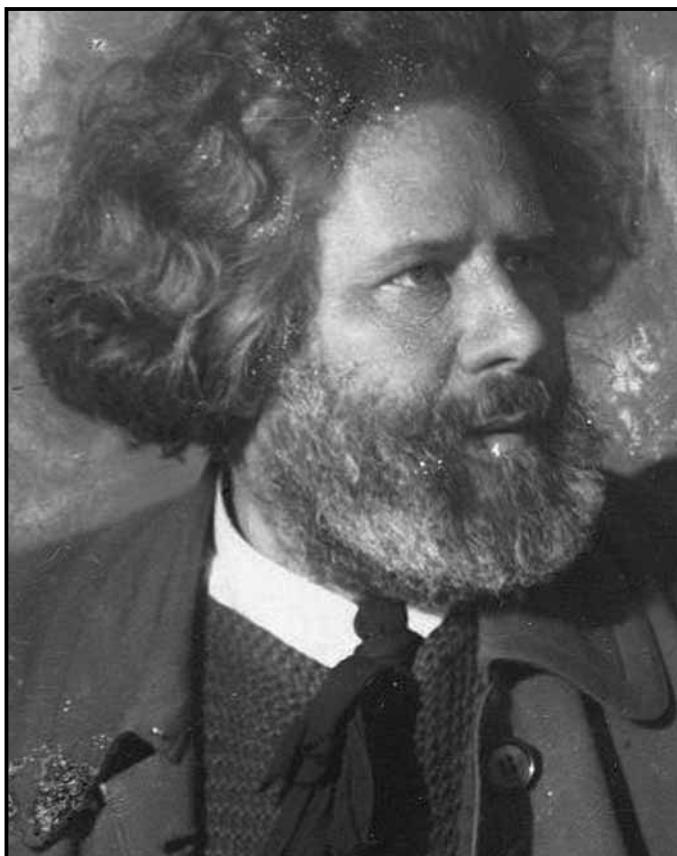
— Знаешь, Тоха... — Андрей все-таки заставил себя посмотреть в глаза другу. — Тогда, ночью, все получилось так... я ведь залез почти, а они... в общем...

— Не надо, Андрюх, — не дал ему договорить Антон. — Что случилось — то должно было случиться. Судьба сама делает выбор. К тому же, — протянул он руку для прощания, — я ведь тогда все равно бы не успел.

Антон спустился по эскалатору, крепко держась за поручень, медленной шатающейся походкой побрел к выходу из аэровокзала, и его неказистая, чуть сгорбленная фигура быстро растворилась в бурлящем людском водовороте... □

Юрий Осипов

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ **В**Максимимилиана олошина



Обманите меня...
но совсем, навсегда...
Чтоб не думать зачем,
чтоб не помнить когда...
...А, очнувшись, увидеть
лишь ночь и туман...
Обманите
и сами поверьте
в обман.



Он выделялся даже на фоне ослепительной плеяды творцов Серебряного века. Поражал, приковывал внимание, завораживал. Был «более знаменит, чем известен». При всей ценности его литературного наследия, оно существует для немногих. Как человек он оказывался интереснее, значительнее и ценнее своих самых лучших стихов и эссе. Человек с большой буквы, большого стиля.

Таким запомнили и описывали неподражаемого Макса Волошина его современники. «Открыв» в начале 20-го столетия дикий, населенный татарами и болгарами Коктебель, поселившись в этом живописном крымском уголке и сделав свой уютный и артистичный дом неизменным приютом людей искусства и литературы, он, по словам Корнея Чуковского, «каждый день в определенный час выходил в одних трусах, с посохом и в венке на прогулку про всему коктебельскому пляжу — от Хамелеона до Сердоликовой бухты».

«На сером фоне чиновного Петербурга, — писал Э. Голлербах, — его фигура казалась совершенно необычной. В ней не было, прежде всего, ничего "петербургского": ни в поступи, чуть грузной, но твердой и решительной, ни в многоволосье низкопосаженной, короткошеей головы, ни в костюме (короткие штаны и чулки)... Оглядываясь на прошлое, я вижу среди многих выдающихся людей, с которыми сталкивала меня судьба, только двух, чья личность производила впечатление такой же духовной силы и неповторимого своеобразия, как личность Волошина... Это — Василий Розанов и Андрей Белый. Но их своеобразие было иное, с явной "сумасшедшинкой", которой вовсе не чувствовалось в Волошине».

Монументальная неподвижность отличала мощную фигуру и лицо Волошина. В приподнятых над переносицей бровях был оттенок «чего-то трагического». Зеленоватые «почти

строгие» глаза, спокойно и вдумчиво глядевшие собеседнику «прямо в зрачки», излучали поистине киммерийскую умиротворенность и духовный аристократизм.

Если в городской обстановке Волошин выглядел «исключением из правил», почти «монстром», то у себя в Коктебеле это был не только радушный хозяин вознесенного над морем, словно маяк, дома, но и владыка здешних окрестностей, творец, Демиург возрожденной полетом его фантазии древней Киммерии, античный верховный жрец созданного им храма.

Он родился 16 (28) мая 1877 года в Киеве в семье юриста, коллежского советника, члена киевской палаты уголовного и гражданского суда Александра Максимовича Кириенко-Волошина. Вскоре после его рождения родители разошлись, и ребенок остался с матерью, Еленой Оттобальдовной (урожденной Глазер), литературной переводчицей, с которой у него до конца жизни были очень нежные и задушевные отношения. Большая оригиналка, немка по отцу, она рано потеряла дочь, и всю любовь своей неумной натуры вложила в буйноволосого сына, посвятив ему жизнь и немалые фамильные средства.

Уйдя от мужа, Елена Оттобальдовна в 1879 году переехала с малолетним сыном в Севастополь. Переживший Крымскую войну город постепенно восстанавливался, и «пиранезиевские видения» стали



*Максимилиан
с матерью
Еленой
Оттобальдовной*

одними из первых незабываемых впечатлений будущего поэта и художника, о них он напишет в своей «Автобиографии» 1925 года.

Детство мальчика прошло в Таганроге и в Киеве. Смерть Александра Максимовича совпала с убийством «первомартовцами» императора Александра II. А уже осенью того же года Волошины переехали в Москву.

До весны они снимали квартиру на Большой Грузинской, потом на Долгоруковской. Неподалеку жил Суриков, запечатлевший этот колоритный район старой Москвы в знаменитом

историческом полотне «Боярыня Морозова». В то время у еще не умеющего читать Макса началось настоящее «опьянение стихами». «Полтава», «Коробейники», «Демон» — он заучивал их наизусть со слуха.

Переезд в Ваганьково в 1883 году был связан со службой Елены Оттобальдовны в больнице Московско-Брестской железной дороги. Поселились они в семье инженера-путейца О. Вяземского. Шестилетний мальчик уже самостоятельно читал книги в пределах материнской библиотеки, а в семь лет увлеченно взялся за Гоголя, гомерову «Одис-

сею» и переводы Эдгара По. Домашние занятия со студентом Туркиным познакомили его «кроме обычных грамматик» с латинскими стихами, которые он заучивал наизусть, а также с историей религий, приучили к сочинениям на «сложные не по возрасту литературные темы».

Так закладывались основы блестящей эрудиции Волошина, легко выдержавшего в 1887 году экзамены

тив неудобоваримых и ненужных знаний».

Там он, вопреки прежним успехам, учился плохо, кое-как дотянул до пятого класса и даже оставался на второй год в третьем классе. Зато начал тогда же писать стихи и доверил дневнику заветную мечту «стать писателем». Между тем Елена Оттобальдовна подружилась с доктором Тешем и его семьей, по соседству

Все знания сын, в представлении Елены Оттобальдовны, должен был впитывать из самого крымского воздуха. Крым она считала лучшим местом для воспитания юной души — тут ведь и античные развалины, и остатки генуэзских крепостей, горы, море, поселения татар, болгар, греков. «Ты, Макс, продукт смешанных кровей, — повторяла она ему. — Вавилонское смешение культур как раз для тебя»

в лучшую московскую частную гимназию Льва Поливанова, где в разные годы учились выдающиеся деятели отечественной науки, литературы и искусства. Однако еще до этого Макс самостоятельно осилил ранние произведения Достоевского, предпочитая их общению со сверстниками.

По непонятной причине неугомонная матушка перевела его в августе 1888-го во второй класс 1-й Московской казенной гимназии. «Это самые темные и стесненные годы жизни, — напишет впоследствии Волошин, — исполненные тоски и бессильного протеста про-

с которыми снимала квартиру в Волконском переулке. Весной 1893 года они решили совместно перебраться в Крым и поселиться в Коктебеле. Мать Волошина купила участок земли и построила два дома — себе и Максу. Им суждено было стать вождленным приютом в скитальческой судьбе крупного поэта и художника и оказать решающее влияние на всю его последующую жизнь.

Гимназия, где мальчик продолжил обучение, находилась в Феодосии, и путь в город из Коктебеля по гористой пустынной местности занимал

длительное время, поэтому Макс жил на съемных квартирах в Феодосии. Эксцентричная Елена Оттобальдовна поощряла интерес сына к оккультизму и мистике, нисколько не огорчаясь, что в гимназии он часто оставался на второй год. Один из учителей сказал ей: «Из уважения к вам мы будем учить дальше вашего сына, но, увы, идиотов мы не исправляем!» Елена Оттобальдовна лишь усмехнулась. А год спустя на похоронах этого учителя Макс декламировал талантливые стихи собственного сочинения. Это было его первое публичное выступление.

В гувернантки мать наняла мальчику цирковую наездницу: обучать верховой езде и акробатике под традиционные команды «алле-оп!» Прочие знания по ботанике, лингвистике, географии, истории, геологии сын в ее представлении должен был впитывать из самого крымского воздуха. Крым она считала лучшим местом для воспитания юной души — тут ведь и античные развалины, и остатки генуэзских крепостей, горы, море, и поселения татар, болгар, греков. «Ты, Макс, продукт смешанных кровей, — повторяла она ему. — Вавилонское смешение культур как раз для тебя».

Замуж мать Волошина больше не вышла, говорила, что не хочет делать Макса чьим-то пасынком. Зато каждое утро уезжала на длительные верховые прогулки в горы с неким стройным спутником. Возвратившись, звала Макса к обеду, дуя в медную трубу. Жили Воло-

шины очень скромно — ели на террасе с земляным полом за простым деревянным столом оловянными ложками. И любовались вечерами с террасы дома мягкими очертаниями холмов в лучах заходящего солнца и суровой скалистой грядой Карадага.

Отсюда им хорошо был виден причудливый бородатый профиль, который высекли за века на одной из скал ветра. «Кто это?» — спрашивал юный Макс мать. «Не знаю, — отвечала она. — Но, наверно, этот человек того стоил!» Пройдет время, и, будучи студентом юридического факультета Московского университета, Волошин отпустит точно такую же «античную» бороду.

Он проучился в университете только два года, после чего был отчислен за участие в студенческих беспорядках. Однажды даже угодил на короткий срок в тюрьму, напугав начальство тем, что распевал дерзкие стихи собственного сочинения. Жандармы допросили Елену Оттобальдовну о причинах подобного поведения ее сына, посоветовав скорее женить «оболтуса».

Отчислили Волошина из университета «с правом восстановления», выслав предварительно в Феодосию. Но, вернувшись в Первопрестольную, восстанавливаться в университете юноша не стал, предпочтя самообразование. «1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения, — напишет Волошин в своих воспоминаниях. — Я ходил с караванами по пустыне.



Здесь настигли меня Ницше и «Три разговора» Вл. Соловьева... Здесь же создалось решение на много лет уйти на Запад, пройти сквозь латинскую дисциплину формы...»

Знакомство молодого поэта с европейскими странами, где из-за скудности средств он передвигался пешком, останавливаясь в ночлежных домах, стало плодотворным. Особенно полюбилась ему маленькая Андорра. Не менее важным было

и полуторамесячное пребывание в Средней Азии. «С высоты азийских плоскогорий» он производит «переоценку культурных ценностей».

После «годов странствий» начались «годы блуждания»: увлечение буддизмом, католичеством, оккультизмом, масонством, антропософией. Оказавшись в 1905 году в Петербурге, Волошин своими глазами видел Кровавое воскресенье. Однако первая русская революция,



по его собственному признанию, не оставила в нем глубокого следа.

А вот в литературной жизни России он, попеременно живя в Париже, Петербурге, Москве, принимал самое деятельное участие. Вышла первая его книга «Стихотворения» (1910), началось активное сотрудничество в журнале символистов «Весы» и журнале акмеистов «Аполлон». Но лекция и брошюра «О Репине», бросившие вызов натуралистическим тенденциям в искусстве, надолго отлучили автора от журнальных публикаций.

Вскоре Волошин встретил свою будущую жену. Роман его с Аморой (как звали Маргариту Собашникову в кругу богемы) начался в Париже, оба слушали лекции в Сорбонне.

«Я нашел ваш портрет», — сказал Макс и повел девушку в музей, где на одном из стендов каменная египетская царица Таах улыбалась загадочной Амориной улыбкой. Роман развивался бурно и стремительно. «Я никогда еще не был так влюблен, а прикоснуться не смею — считаю кощунством!» — признавался он друзьям. Те шутили: «Но у тебя же хватит благоразумия не жениться на женщине из алебаstra?»

Благоразумия не хватило, в апреле 1906 года Максимилиан Волошин женился на художнице Маргарите Собашниковой и поселился с ней в Петербурге. Отношения молодых супругов с самого начала были сложными, что нашло отражение в лирических стихотворениях поэта. Коктебель манил издали, сулил покой, умиротворение, и в 1907 году Волошин, написав цикл стихов «Киммерийские сумерки», принял решение ехать в Крым. Сначала отправил в коктебельский дом тысячи книг, этнические ножи, чаши, четки, костаньеты, кораллы, экзотические окаменелости, диких птиц перья. И, прежде всего, — копию с изваяния Таах. Затем и сами молодые отправились в путь. Трое суток ехали до Феодосии, потом еще на извозчике — кромкой моря в коктебельский приют.

На веранде дома Маргарита увидела странное бесполое существо с коротко стриженной седой головой, в длинной холщевой рубахе, хриплым басом приветствовавшее Макса: «Ну, здравствуй! Возмужал!



Слева:
*Амора (Маргарита Собашикова) —
первая жена Волошина*

*В доме Волошина в Коктебеле.
Копия гипсовой головы египетской
царевны Таах*

Стал похож на профиль на Карадаге». «Здравствуй, Пра!» — ответил матери Волошин. Это шутивное прозвище (сокращенное от Праматерь), которое дал кто-то из гостей, удивительно подходило ей.

Немного освоившись, Макс и сам облачился в хитон до колен, перепоясав толстым шнуром и увенчав голову венком из полыни. Когда местные болгары приходили к веранде волошинского дома просить, чтобы хозяин надевал под хитон штаны, дабы не смущать их жен и дочерей, поэт лишь весело смеялся. Под стать ему была и Амора, гордившаяся своей бурятской кровью и не расстававшаяся с шаманским бубном...

В Коктебель потянулись богемные друзья Макса, который придумал

для них название «Орден оборотов» и написал его устав: «Требование к проживающим — любовь к людям и внесение доли в интеллектуальную жизнь дома». А жизнь эта кипела и переливалась всеми цветами радуги. Еще бы! Ведь тут подолгу гостили А. Белый, Гумилев, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, А. Толстой, В. Вересаев, художники «Мира искусства». Днем работали, вечерами веселились, читали друг другу новые стихи, устраивали забавные розыгрыши...

Макс, любивший прикидываться оригиналом, свободным от условностей и предрассудков, на деле был чувствительной и ранимой натурой. Ссорясь с женой, которую раздражали некоторые бесцеремонные

гости, и которой вскоре приелась царившая в доме «игра», он бродил с мольбертом в горах. Тем временем из Петербурга поступали смутные известия о том, что друзья-символисты создают какую-то «все-ленскую» общину, где поклоняются «крылатому Эросу». Решено было съездить посмотреть.

Поселились на Таврической, 25. Этажом выше, в полукруглой мансарде жил с женой известный поэт

Вяч.Иванов. Там, в так называемой «Башне», у него собирался по средам цвет тогдашней столичной литературы и, конечно же, все символисты. Спорили. Обсуждали новинки. Читали стихи. Пили вино. Нюхали кокаин. Получить приглашение туда считалось очень престижным.

Под звуки гитары и гул поэтических декламаций Амора вела с Ивановым тихие задушевные разговоры о смысле жизни художницы, якобы невозможной без драматизма,



Справа:
*дом Волошиных
в Коктебеле*

*Волошин
с матерью*



и о том, что дружные супружеские пары достойны презрения. Лидия, жена Иванова, однажды предложила ей остаться с ними и жить втроем. А Макс, мол, пусть катится в свой Коктебель...

Волошин Амору не осуждал и ни к чему не принуждал. Уехал, прислав на прощание Иванову только что законченный цикл стихов. Но в письмах жаловался близким на горечь расставания с женой. Впрочем, горевал он недолго. Появилась Татида, за ней — Маревна. Решительная голубоглазая ирландка Вайолет, бросив мужа, отправилась за Максом в Коктебель. Все это были мимолетные романы, не затрагивавшие сердца, не приносявшие счастья. А вот с Елизаветой Дмитриевой, слушав-

шей в Сорбонне курс старофранцузской литературы, отношения у Волошина сложились серьезные, хоть она была непропорционально большеголовой, полноватой и хромала от рождения. Зато отличалась остроумием и обаянием. Поехать на лето в Коктебель к Волошину ее уговорил первым пленившийся ею Гумилев.

В толпе других «обормотов» Николай Степанович бродил за Максом и Лилей по горам, питая любовные надежды и ловя тарантулов. Но получил отставку, написал знаменитый цикл стихов «Капитаны», выпустил тарантулов и уехал. А Волошин и Дмитриева решили сочетаться законным браком.

Макс готов был жениться на Лиле сразу, однако прежде требовалось



*Елизавета Дмитриева
(Черубина де Габриак)*

развестись с Маргаритой Сабашниковой. Дело оказалось долгим и непростым. Кстати, «семьи нового типа» у той с Ивановыми не получилось. Взрослая дочь Лидии от первого брака, белокурая Вера, вскоре заняла в этом странном семейном союзе ее место. Аморе оставалось только утешаться живописью. Ну а Лиля, не дождавшись свадьбы, тоже, в конце концов, сбежала от Волошина, сказав, что не может больше писать стихов, не может и любить. По ее словам, это была месть Черубины — автора литературной мистификации, придуманной Волошиным, за чьим именем она долго скрывалась, послужив невольной причиной дуэли Макса с Гумилевым.

С тех пор Волошин всерьез не влюблялся и о женитьбе больше до поры не помышлял, весь уйдя в гостеприимство и антропософию. «Обормотов» с каждым летом становилось все больше, и к дому пристраивались для них всевозможные сарайчики и терраски. Вся эта шумная орава купавшихся нагими мужчин и женщин причиняла немало беспокойств добропорядочным соседям — семейству коктебельской помещицы Дейша-Сионицкой. В пик «Ордену» она основала «Общество благоустройства поселка Коктебель» и установила на пляже столбы со стрелками в разные стороны: отдельно для мужчин и для женщин.

Волошин в тот же день собственноручно распилил эти столбы на дрова. «Общество благоустройства» пожаловалось в полицию, и Макса оштрафовали. В отместку «обормоты», предводительствуемые Пра, устроили ночью у дома Дейша-Сионицкой кошачий концерт...

Летом 1914-го радушный хозяин коктебельского «приюта муз» своих гостей покинул, отправившись с единомышленниками в швейцарский Дорнах строить «Гетеанум» — храм святого Иоанна, который является символом братства народов и религий. На разразившуюся тогда Мировую войну, не поддавшись всеобщему шовинистическому угару, Волошин откликнулся пацифистскими стихами и публичными выступлениями. Он даже направил письмо военному министру Сухомлинову с

отказом служить в царской армии и, исследуя национальное самосознание, завершил книгу о В. Сурикове.

Февральскую революцию Волошин воспринял «без особого энтузиазма», но Октябрьский переворот

«обормотов» на Елену Оттобальдовну, он двинулся в Одессу и, по примеру средневековых цехов, объединил местных художников в профсоюз с малярами. Это оказалось для них в те голодные годы настоящим спасением. Затем взялся за органи-

Вернувшись с молодой женой в Крым, Макс облачился в хитон до колен, перепоясался толстым шнуром и увенчал голову венком из полыни. Когда местные болгары приходили к нему и просили надевать под хитон штаны, дабы не смущать их жен и дочерей, поэт лишь весело смеялся. Под стать ему была и Амора, гордившаяся своей бурятской кровью и не расстававшаяся с шаманским бубном...

посчитал исторической неизбежностью. А вот гражданская война не могла найти никакого оправдания в его сердце. Он предпочел занять позицию «над схваткой». Когда в восемнадцатом году в Феодосии то и дело менялась власть, «приют муз» продолжал свое мирное существование. Там принимали, спасали и кормили всех, кто в этом нуждался. После того как генерал Сулькевич выбил красных из Крыма, Волошин прятал у себя в доме делегата подпольного большевистского съезда. «Имейте в виду, если вы придете к власти, точно так же я буду поступать и с вашими врагами!» — сказал он ему на прощанье.

При большевиках Максимилиан Александрович развил поначалу бурную деятельность. Оставив

защиту писательского цеха, бегал по инстанциям, убеждал, договаривался. Собратья по перу отплатили ему на первом же заседании черной неблагодарностью. «Долой! К черту старых обветшалых писак!» — неслось из зала, когда Волошин в какой-то немыслимой хламиде, с тирольской шляпой за плечами танцующими шажками направился к трибуне.

Обескураженный, он вернулся в Коктебель и почти никуда оттуда больше не выезжал, отводя душу в чудесных акварелях коктебельских окрестностей. В двадцать втором пережил разразившийся в Крыму страшный голод, питаясь, как это ни фантастично звучит, одними... орлами, которых старуха-соседка ловила, накрыв юбкой. Елена Отто-



*Со второй
женой —
Марией
Заболоцкой*

Справа:
*Волошин
за работой*

бальдовна начала сдавать, и Макс переманил для ухода за ней фельдшерицу из ближайшего селенья. Неотесанная, угловатая, стеснительная, Маруся Заболоцкая выглядела на фоне волошинского дома чужеродным элементом. Зато была доброй, отзывчивой, бесплатно лечила местных крестьян и до последнего дня трогательно заботилась о матери поэта.

Она плакала и утешала его, когда в январе 1923 года похоронили 73-летнюю Елену Оттобальдовну. А на следующий день сменила заурядное платье на полотняные штаны и расписную рубаху, сделавшись похожей на Пра. Мог ли Макс после всего этого на ней не жениться!

Теперь гостей дома опекала Маруся. А гости продолжали стекаться рекой к этому вожденному островку свободы, добра и света в океане унылых советских будней. И продолжали здесь звучать лирические стихи и заздравные песнопения, и вздыматься в ритуальных танцах к небу руки, и происходить забавные розыгрыши. А жизнь в округе неутомимо менялась, перестраивалась на новый, далеко не лучший лад. Менялись и люди.

Коктебельские крестьяне, которые прежде бесплатно лечились у Маруси, теперь открыто враждовали с Волошиными. Они даже предъявили им счет за якобы разорванных их собаками овец, под угро-

зой выселения требуя отравить ни в чем не повинных псов. Каково это было перенести поэту, который, несмотря на львиный облик, в жизни мухи не обидел! (Пощечина в запале Гумилеву, вызвавшая между ними дуэль, не в счет.)

Подоплека всех нападок заключалась в том, что Коктебель, с легкой руки Макса, становился популярным курортом, и местный люд приноровился сдавать комнаты приезжим. Волошин же своим неумным гостеприимством подрывал доходный бизнес. «Это не по коммунистически, пускать иногородних жить бесплатно!» — возмущались аборигены. Ну а фининспекция, наоборот, отказывалась поверить в волошинскую бесплатную «станцию для творческих людей» и требовала уплаты налога за «содержание гостиницы».

...Он продолжал писать стихи и акварели, проникнутые созерцательной мудростью и умиротворенностью. По-прежнему в холщевом хитоне и стертых сандалиях, с веночком из трав на кудрявой, уже седой голове, взбирался на горы, бродил по отлогим холмам и полынной степи, дивясь неразумности мира, в котором люди без устали убивают друг друга. В 27-м несколько раз приезжал с женой в Москву и Ленинград, где проходили его творческие вечера и выставки акварелей. Бывал в театрах, встречался с друзьями... На следующий год его приняли во Всероссийский Союз писателей (предшественник Союза

советских писателей). В тот год в его коктебельском доме перебивало свыше 620 гостей.

«Фиалки волн и гиацинты пены...», «Весь жемчужный окоем...», «Владимирская богоматерь». Эти и другие стихотворения, поэмы, эссе, перевод «Странноприимника» Флобера не могли обеспечить стареющему поэту средств существования. В декабре 1929 года у него случился инсульт. На следующий год Волошин начал хлопотать о пенсии и стал получать 50 рублей в месяц от Всероссийского Союза писателей. Тогда же он предпринял попытку передать свой дом Литфонду. Пока же в нем на лето заселяли летчиков.



«Чувствую себя очень выбитым из жизни... Сопrotивляемость угасла», — жаловался Максимилиан Александрович в письме другу. Он подал заявление о передаче каменного флигеля в дар Союзу писателей. Со временем этот флигель, принадлежавший Пра, и первый этаж его собственного дома обросли на обширной парковой территории корпусами и коттеджами Дома творчества писателей, а волошинский Дом превратится в музей поэта.

Обострение астмы заставило Макса прервать работу над «Воспоминаниями» и часто навещать к врачу в Феодосию. «Хочется событий, приезда друзей, перемены жизни» — одна из последних записей в дневнике от 1932 года.

шили, и это, возможно, ускорило кончину.

На закате, когда огненный шар солнца тонет в водах Коктебельского залива, друзья и близкие торжественно принесли гроб с телом поэта за десяток километров туда, где он завещал себя похоронить, к могиле на холме Кучук-Енишар, замыкающему берег с противоположной стороны от Карадага. На могиле установили скромный памятник. Так с тех пор он и «обнимает» свой любимый, «открытый» им залив — могилой на холме ее левой конечности и огромным, естественного происхождения наскальным «профилем» справа.

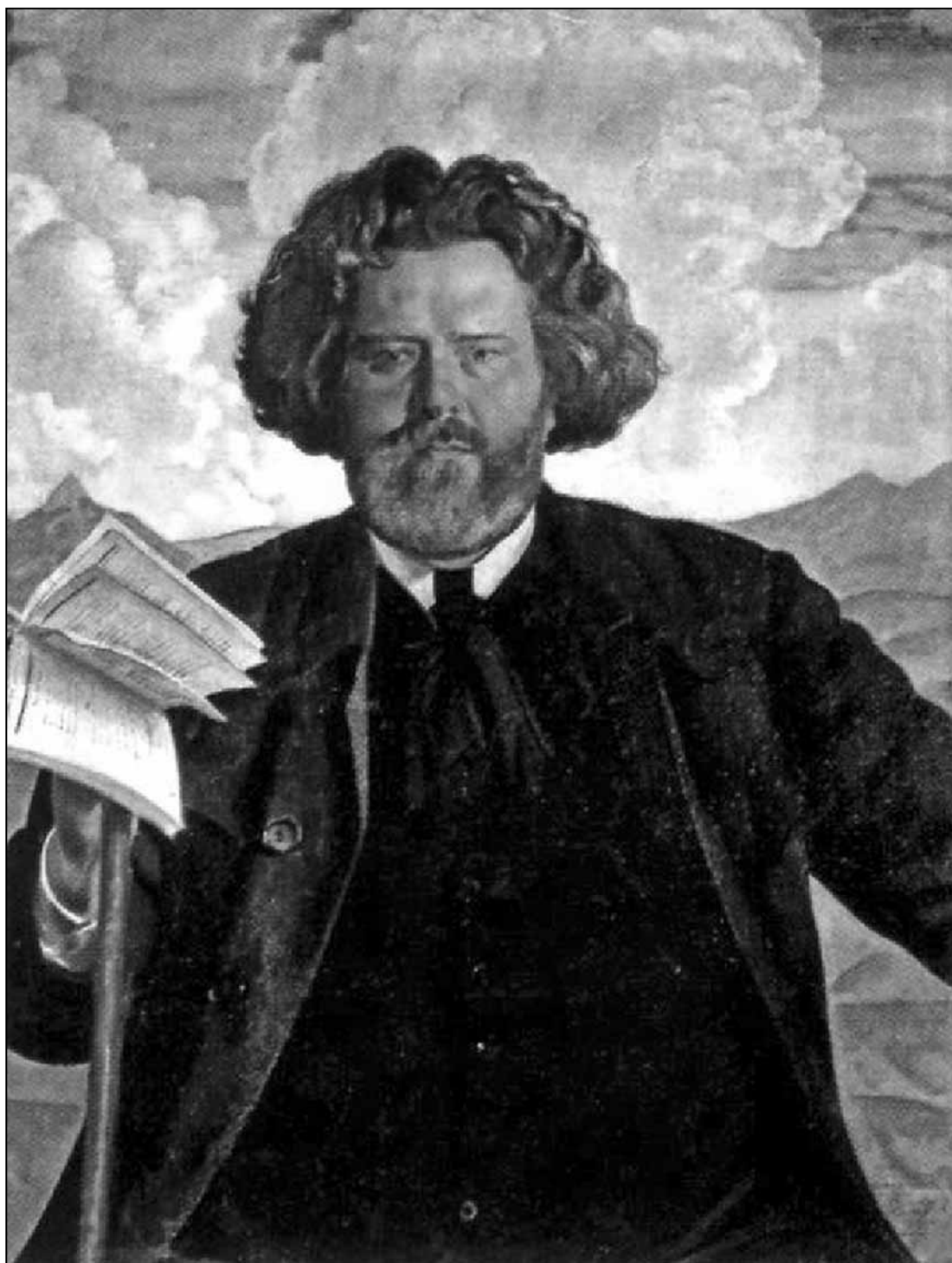
*Я, наверно, и в смертной
постеле
отзовусь на далекий твой зов,*

ости продолжали стекаться рекой к этому вожделенному островку свободы, добра и света в океане унылых советских будней. И продолжали здесь звучать лирические стихи и заздравные песнопения, и вздыматься в ритуальных танцах к небу руки, и происходить забавные розыгрыши. А жизнь в округе неумолимо менялась, перестраивалась на новый, далеко не лучший лад...

11 августа, в возрасте 55 лет, Максимилиан Волошин скончался. Незадолго до смерти ему, в числе нескольких других видных литераторов, была назначена пожизненная пенсия. Но прав собственности на коктебельский дом его ли-

*бирюзовый залив Коктебеля
в многоцветной оправе холмов.*

Смотрительница волошинского Дома-музея, Мария Степановна (Маруся), овдовев, порядков здесь не изменила. Принимала поэтов, художников и просто странников. Пла-



той за проживание служили любовь к людям, участие в духовной жизни музея. И люди сюда шли и ехали, порой издалека... Так продолжалось и после распада Союза. Увы, новые украинские реалии поставили под угрозу само существование Дома.

Сегодня, когда Крым благополучно вернулся в состав России, за судьбу Дома-музея М. Волошина в Коктебеле можно не тревожиться.

И людской поток к нему вновь не иссякает. □



Антон Давидян:

*«В своем деле
хочу быть
первым!»*

Антон Давидян — музыкант, человек невероятно творческий и полный особой личностной харизмы. Он хорошо известен не только в нашей стране, но и за рубежом. Его манеру игры не спутаешь ни с чьей, настолько она страстная и хлесткая. Его по праву можно назвать одним из лучших в России бас-гитаристов. Сегодня Антон очень востребованный музыкант. Достаточно перечислить тех, с кем ему приходилось сотрудничать: Игорь Бутман, Анита Цой, Елка, Жан-Люка Понти, Николай Носков, Григорий Лепс и многие другие.

— Антон, у вас очень насыщенный рабочий график, множество планов, расскажите, пожалуйста, какие творческие проекты вы сейчас готовите?

— В ноябре 2016 года после большого тура по России с талантливыми музыкантами международного класса, у нас родилась группа «Electric shock», и летом этого года мы снова планируем гастроли в российских городах. Есть проект с потрясающей скрипачкой Анной Раки-та, также хотелось бы выступить дуэтом с замечательной певицей из Швейцарии — Вероникой Сталдер. Сейчас идет подготовка к нашим с ней концертам, а видео мы уже записали в Швейцарии.

— Вы играете на бас-гитаре, интересно, а почему именно этот инструмент вы выбрали?

— Друг моей мамы играл на бас-гитаре, и до встречи с ним я вообще не подозревал, что есть такой инструмент. Тогда мне казалось, что

бас-гитара очень ограничена в своих возможностях, имеет всего четыре струны. Возможности бас-гитары далеко не исчерпаны, это прекрасный инструмент. Начал я заниматься игрой на бас-гитаре на любительском уровне, потом так влюбился в нее, что не расстаюсь с ней и по сей день и считаю, что сделал правильный выбор.

— Кто повлиял на выбор вашего творческого пути?

— Не было никакого выбора, музыкой меня буквально заставили заниматься с детства, играл на фортепиано, и хотя я это занятие не любил, фортепиано мне давалось легко. До одиннадцати лет не знал никакой другой музыки кроме классической, а когда впервые услышал рок-группу «Nirvana», был потрясен! Став постарше, хотел бросить музыку и поступить в медицинский колледж. Вообще вся наша семья очень музыкальная. Моя мама — Элеонора Теплухина, пианистка с мировым именем, лауреат



международных конкурсов, дедушка — заслуженный артист СССР Сергей Давидян, он был в нашей стране очень известным певцом, пел в опере, исполнял хиты Арно Бабаджаняна. Мой дядя — Андрей Давидян, музыкант, певец, старшее поколение его знает как рокера, проявил себя на проекте Первого канала «Голос». Когда осенью 2013 года стартовал второй сезон шоу «Голос», на «слепом» прослушивании он исполнил композицию «Georgia on my mind» и покорила жюри. Очень жаль, что он так рано ушел из жизни...

— Андрей Давидян — легенда отечественного рока, в 1987 году песня «Замыкая круг», на музыку Криса Кельми, принесла ему популярность, публика ее любила, это был вклад в развитие нашей рок-музыки. Светлая

ему память... С Андреем Давидяном вы начали работать в группе «Soundsake», когда вам было семнадцать лет. А в 2003 году стали обладателем Гран-при на Всероссийском конкурсе «Многоликая гитара»...

— Мне было очень приятно, но я не зазнался, потому что всегда знал, что впереди еще много работы. Талант — это прекрасно, но без труда талант — ничто. Нужно много работать ежедневно, чтобы чего-то достичь в любом деле, а в искусстве тем более. Я достиг высокого уровня исполнения благодаря труду, много занимался индивидуально, слушал много абсолютно разной, но всегда только хорошей музыки. Играл постоянно в разных музыкальных коллективах — исполнял все: от джаза до рока. Есть такой парадокс, чем больше твой мозг загружен, тем легче усваивать что-то

новое, дополнительно к твоим знаниям и умениям.

— Кто является вашими кумирами в профессии?

— Наверное, так говорить не очень скромно с моей стороны, но я начал входить в элиту мировой бас-гитары. Огромно количество талантливых музыкантов, но для меня есть только один, кто вселяет в меня восторг и страх своей игрой, тот на кого хотелось бы равняться — это недосягаемый уровень! Имя этого музы-

канта, француза, живущего в Лос-Анджелесе, — Адриен Феро.

— А из молодых музыкантов кто вам нравится?

— Тигран Хамасян — мой любимый джазовый пианист, его туры расписаны на год вперед. Он выступает со звездами джаза, пишет новые композиции, принимает приглашения со всего мира на фестивали и сольные выступления. Также прекрасный пианист и композитор, джазмен — Вардан Овсепян. Из ги-



таристов выделил бы Алана Холсворда, Скотта Хендерсона... Из российских молодых: Федор Досумов, он играет у Григория Лепса, у нас с ним есть совместный проект Impact Fuze, но, увы, он пока заморожен. Евгений Уваров — отличный украинский музыкант, бразилец Андре Ние-ри, англичанин Алекс Хатчинс, барабанщик из Франции Дамиен Шмит.

— Вы сказали, что готовится проект с Анной Ракита. Расскажите о ней, пожалуйста.

— Анна — талантливая скрипачка, композитор, аранжировщик, выпускница Московской консерватории, лауреат международных конкурсов и фестивалей. Она обладает ярким индивидуальным стилем исполнения классики джаза и собственных композиций.

— «Kiss», «Quine», «Uriah heep», «Abba», список легендарных групп можно продолжить и дальше, как вы думаете, почему такой спад в современном мире — подобного уровня группы не появляются, и это настоящая катастрофа. Можно сказать, музыку поглощает технический прогресс. А вы как считаете?

— Групп такого масштаба действительно больше нет, не появляются и композиторы масштаба Прокофьева, Рахманинова. В Америке, на родине джаза, очень мало ценителей этого жанра, джаз постепенно умирает. Сейчас там популярны стиль кантри, хип-хоп. Современные

композиторы пишут в основном авангардную музыку, но лично я такую не признаю.

— Кого бы вы могли назвать из отечественных интересных исполнителей?

— У Григория Лепса сильная команда музыкантов, Николай Носков, певица Елка, я играл с лучшими отечественными представителями современной эстрадной музыки.

— Вы много ездите по миру. Есть места, куда хотелось бы еще отправиться?

— Да, я много где побывал. Европа мне нравится своей древней историей, архитектурой, а Лос-Анджелес, Калифорния, привлекает своим климатом и музыкальностью, мне нравятся греческие острова, азиатские места: Малайзия, Камбоджа, Тайланд, Индонезия. Да и вообще, столько в мире есть замечательных мест, где стоит побывать! Я очень люблю открывать новые места, при возможности, сажусь в самолет и в путь — путешествия меня вдохновляют.

— Что вы больше всего цените в людях?

— Доброту, честность и ум.

— А чего хотелось бы лично для себя?

— Прежде всего — хочу всегда идти вперед, расти, развиваться, в своем деле хочу быть первым! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Ирина Опимах

ТИЦЦИАН



Портрет дамы с дочерью

Со дня смерти Тициана прошло более четырех веков. За это время было написано множество работ, посвященных его творчеству. Казалось бы, наследие этого художника известно и подробно изучено. Однако удивительное дело — и сегодня тут возможны новые открытия, новые встречи с великим мастером, с его великим искусством. Вот и совсем недавно было найдено неизвестное ранее творение великого живописца. История этой картины Тициана — настоящий детектив.



В конце 1510-х годов, приехав погостить к отцу и матери в Кадор, Тициан встретил в родительском доме милую девушку — она была служанкой сеньоры Вечеллио, а звали ее Чечилия Сольдано. Скромная, работающая, толковая, а еще и очень красивая, она сразу ему понравилась — Чечилия так сильно отличалась от венецианских красавиц! Она была какая-то настоящая, искренняя, чистая. Вскоре Тициан уехал, но забыть очаровательную служанку не мог. Его брат Франческо, видя, что Тициан, похоже, всерьез увлекся девушкой, решил сделать ему подарок: он уговорил родителей отправить ее в Венецию к Тициану — чтобы она вела его дом, следила за порядком. А потом случилось то, что бывает между молодыми, полными сил и желаний людьми. Они стали любовниками.

Прошло несколько лет, и в 1525 году Тициан женился на Чечилии. К тому времени она уже успела ему

родить двух сыновей — Помпонио и Орацио, и Тициан, наконец, решил узаконить — перед Богом и людьми — свои отношения с Чечилией. Свадьба художника стала заметным событием в венецианской жизни. Даже дож Гритти решил сделать дорогие подарки своему любимому художнику — отец жениха Грегорио Вечеллио был назначен главным управляющим серебряных и железорудных копий Кадора, родного городка Тициана, а брат невесты получил хорошо оплачиваемую должность наместника города-крепости Фельтре. Невеста только что перенесла тяжелую болезнь, а потому торжества прошли в доме Тициана на Ка'Трон. Ну а потом жизнь пошла как прежде — в трудах и заботах. Чечилия не любила светскую жизнь, она предпочитала находиться в тени своего блистательного супруга, воспитывала детей, вела дом. А ее муж ра-



*Тициан.
Автопортрет*

ботал, как всегда, вдохновенно, но при этом не забывая, что труд его стоит денег, не стеснялся брать со своих заказчиков немалые суммы.

Прошло пять лет, и Чечилия вновь забеременела.

В то лето в Венеции было особенно душно и влажно, дышалось с трудом, и она все время чувствовала себя не очень хорошо. Тициан так хотел быть с ней рядом, но он уже истратил задаток, который дал ему за будущую работу герцог Гон-

заго, а потому художнику пришлось все-таки ехать в Болонью, затем в Мантую... И только спустя несколько недель он вернулся домой, где его ждали нерадостные вести. Чечилия родила хорошую, здоровую девочку, но у роженицы началось сильное кровотечение, и доктор никак не мог с ним справиться. Ночь прошла беспокойно — девочка все время плакала, словно чувствовала, что с ее матерью что-то не так, а Чечилия стонала в беспамятстве.

Прошел еще один мучительный день, и к вечеру Чечилия все-таки скончалась. Навсегда покинула любимого мужа, двух сыновей и новорожденную дочь...

Тициану казалось, что его жизнь кончена. Никогда уже более не сможет он радоваться солнцу, никогда не сделает его счастливым ясное небо, и даже его дети не смогут заставить забыть эту страшную потерю. «Наш маэстро Тициан настолько подавлен смертью жены, что не может работать и не хочет никого видеть», — писал посол Мантуи в Венеции сеньор Аньелло. Так оно и было — он действительно не хотел и не мог никого видеть, даже своих ближайших друзей, поэта и известного жизнелюба Аретино и блестящего архитектора Сансовино. Потом, спустя годы, когда горе притупится, в его жизни, конечно же, будут другие женщины, ведь он был здоровым, крепким и весьма привлекательным мужчиной, но ни одна из них не займет место Чечилии, ни одна не станет его женой...

Но в его заботе очень нуждалась маленькая дочка, которую он называл Лавинией. Тициан всей душой любил эту девочку и поклялся, что сделает все, чтобы она была счастлива. Родственники хотели забрать ее — говорили, что ей будет лучше в доме бабушки и деда. Он, как мог, сопротивлялся — не хотел отпустить от себя дочь, но понимал, что это правильное решение. И вот дом его опустел — не было больше Чечилии, не было и детей — их всех забрали в Кадор.

Но вскоре на семейном совете было решено, что старшая незамужняя сестра Тициана Орса будет жить в венецианском доме брата, вести хозяйство и присматривать за его детьми, поэтому дом снова наполнился детскими голосами, к нему вернулись Помпонио и Орацио, а, главное, — его сокровище, маленькая Лавиния.

С годами она все больше походила на Чечилию — и по характеру, и внешне. Она была очень хороша — типичная венецианская красавица, с золотистыми волосами и выразительными формами, и Тициан с удовольствием запечатлевал ее красоту на холсте. Мы видим ее на картине «Девушка с фруктами», и на ее шейке — жемчужное ожерелье, когда-то подаренное Тицианом ее матери. Видим Лавинию в образе Юдифи и Саломеи...

Она быстро выросла, и вот наступило время выдавать ее замуж. Лето семейство Тициана часто проводило на вилле недалеко от Серравалы. И однажды на одном из вечеров Лавиния познакомилась с местным дворянином по имени Корнелио Сарчинелли. Молодые люди полюбили друг друга. Тициану нравился избранник дочери — хорошо воспитан, из приличной семьи (многие поколения Сарчинелли занимались правом). И когда пришло время подумать о приданом, он не поскупился — дал 1400 золотых дукатов, немалая по тем временам сумма. Тициан любил деньги, но дочь любил все-таки больше, и для нее ему ничего было не жалко.

*Портрет
дочери
Тициана
Лавинии*



Свадьбу сыграли 19 июня 1555 года в Серравале, родном городе жениха. Все родственники молодоженов радовались за них — уж очень это была красивая пара. А уже на следующий год Тициан стал дедом — у Лавинии родился первенец, сын! Узнав об этом, он тут же отправился в Серраваль. И снова черты дочери появляются на его картинах — к примеру, у «Кормящей Богомате-

ри», выполненной им для церкви в Кадоре.

Лавиния с Корнелио жили мирно и растили детей, которые рождались у них один за другим. Трагедия пришла в их дом в 1561 году, когда Лавиния родила своего шестого ребенка. Она умерла при родах, повторив судьбу своей матери. И снова Тициан был подавлен горем — теперь он потерял любимую дочь.



Справа:
*Так был
переписан
незакончен-
ный портрет
Лавинии
работы
Тициана
его учеником
Леонардо
Короной
в работу
«Товия
и ангел»*

*«Девушка
с фруктами».
(Портрет
Лавинии)*

А ведь в том же году умер и его любимый брат Франческо. Господь одного за другим забирает тех, кто был художнику дорог. Но, как всегда, ему помогала работа, его верные друзья — кисти и краски.

Летом 1576 года в Венецию пришла чума. Она убивала всех, кто попадался у нее на пути — малых и старых, богатых и бедных. Не пощадила она и сына Тициана Орацио, и самого старого художника. (Существует и другая версия — что Тициан умер от лихорадки). 27 августа его нашли

мертвым — он лежал на полу с зажатой в руке кистью. Несмотря на эпидемию, Венеция торжественно похоронила своего главного художника в храме Санта Мария Деи Фрари, в том самом храме, украшенном его гениальной «Асунтой», в храме, ставшем свидетелем его первого большого успеха.

В мастерской художника остались незаконченные работы. Среди них были «Оплакивание Христа» и портрет Лавинии с дочерью, начатый незадолго до его смерти. Он писал Ла-



винию с внучкой и вспоминал свою Чечилию, на которую Лавиния была так похожа, вспоминал дочь, которую любил, наверное, даже больше сыновей...

Наследием Тициана занимались ученики мастера. Кое-что они позволили себе закончить, в частности «Оплакивание Христа» завершил Пальма-младший. А вот с портретом Лавинии произошла весьма любопытная история.

После смерти Тициана его дом купил — вместе со всем содержимым — Христофоро Барбаригго, известный венецианский коллекционер и покровитель искусств. У Барбаригго был свой роскошный палаццо, потому он отдал тициановское жилище старшему сыну известного живописца Якопо Бассано Франческо Бассано, который устроил там мастерскую. Там же работал и ученик Тициана Леонардо Корона. Найдя незаконченный портрет Лавинии

с дочерью, он, видно, решив, что портрет неизвестной женщины, да еще неоконченный, никого не заинтересует, и переписал картину. Так на тициновском холсте появились Товия и ангел, герои известной библейской истории из Книги Товита. Праведник Товит, страдающий слепотой, готовился к смерти. Но у него было мало денег, и он попросил своего сына Товию отправиться в Мидию и собрать там для него нужную сумму. Послушный Товия отправился в путь, однако он плохо знал дорогу, поэтому попросил встреченного на пути человека стать его проводником. И этот человек согласился. Товия и не подозревал, что его попутчик — архангел Рафаил. Когда они подошли к реке Тигр, Рафаил велел ему выловить рыбу из реки, а когда Товия вернется к отцу, помазать желчью его невидящие глаза — и тогда Товит вновь обретет зрение. На протяжении всего путешествия



ангел был рядом с мальчиком, вот почему Товию, несмотря на все опасности, подстерегавшие его в пути, удалось благополучно вернуться домой. Он выполнил наказ архангела и вернул отцу зрение. А уж как было радо все семейство Товита, когда выяснилось, что попутчиком мальчика был сам архангел Рафаил! «...По воле Господа нашего я пришел, дабы везде славить Его... Теперь вы поблагодарите Бога, ибо я возношусь к Пославшему меня; но напишите обо всем содеянном в книге». Так эта история попала в Книгу Товита.

Этот сюжет был очень популярен в те времена. Итальянские родители часто заказывали картину о Товии и ангеле, отправляя своих сыновей в дальний путь. Им так хотелось, чтобы рядом с их отпрысками был хоть кто-то, кто мог защитить их чад от всевозможных опасностей.

Поэтому неудивительно, что Корона выбрал этот сюжет. Так Лавиния стала ангелом Рафаилом с крыльями за спиной и курильницей, ее дочь — мальчиком Товией с рыбой в руке, сердце и печень которой (согласно библейской истории) должны были быть сожжены в курильнице

Слева:

«Диана
и Актеон»



«Флора»

для изгнания злого духа, одежды были полностью переписаны, изменено положение рук. Теперь картина стала называться «Товия и ангел». Только вот Корона не был Тицианом, и картина получилась довольно посредственной, даже подпись Тициана, которую Корона оставил, не делала ее лучше.

Она оставалась в коллекции Барбариго вместе с еще несколькими полотнами Тициана и прочими шедеврами, собранными представителями семейства Барбариго за два столетия, до 1850 года, а потом почти вся коллекция Барбариго (102 по-

лотна) была продана российскому генерал-консулу в Венеции Александру Хвостову для императорского Эрмитажа. Но в начале 1850-х годов в Зимнем дворце началась перестройка, места для стольких картин не нашлось, и было решено часть коллекции Барбариго продать. В Эрмитаже и в то время работали настоящие специалисты, поэтому были проданы наименее ценные полотна. К примеру, тициановские «Мария Магдалина», «Святой Себастьян» остались в музее, а вот «Товию и ангела» продали. Так в 1853 году картина оказалась в собрании поль-

ского графа Тышкевича, жившего тогда в Петербурге. Наверное, он был счастлив — ведь он стал обладателем настоящего «Тициана»!

В 1913–1914 годах это полотно было выставлено на огромной выставке шедевров старых мастеров, состоявшейся в Лондоне. А потом началась Первая мировая война, и оно в Россию больше не вернулось. Картина попала в руки одного из крупнейших французских арт-дилеров Рене Джимпела. Джимпел, опытный, знающий искусствовед, понимал, что ее, конечно же, написал не Тициан, но было что-то необычное в очертаниях лиц ангела и Товии, что-то тут было не так, а потому он решил провести исследование картины с помощью всевидящих рентгеновских лучей.

И вот, наконец, были получены снимки, и стало ясно, что Джимпел не ошибался — под нелепым ангелом и мальчиком Товией скрывалась настоящая картина Тициана. Реставраторы расчистили маленький участок на шее ангела и увидели жемчужинки ожерелья! Но тогда реставраторы испугались сложной работы и снова затонировали расчищенный фрагмент.

Прошло чуть больше двух десятков лет, и картине пришлось пережить и Вторую мировую. Джимпел спрятал ее в гараже в лондонском районе Бейсуотер. Но сам он войну не пережил — участник Сопrotивления закончил свои дни в фашистском концлагере недалеко от Гамбурга в 1945 году. А картина Тициана так и лежала в лондонском гара-

же, пока ее совершенно случайно не нашли в 1946 году. После длинных процедур она попала к английскому антиквару Алеку Коббе, который и решил серьезно заняться вновь обретенным «Тицианом».

В 1983 году реставраторы взялись за дело. Сантиметр за сантиметром возвращали они утерянный шедевр великого мастера, медленно, кропотливо, стараясь не испортить красочный слой. Работа длилась 20 лет. И вот, наконец, в 2003 году живопись Короны была снята, и все увидели истинное творение Тициана. Да, картина была незакончена (не дописаны руки и платья), но, тем не менее, она была великолепна! Тициан во всем блеске своего мастерства! (Неудивительно, что лучшие музеи мира, и среди них музей Каподимонте в Неаполе и Люксембургский дворец в Париже, тут же возжелали заполучить картину на свои выставки.)

А в конце 2004 года во всех газетах мира появилось сенсационное сообщение — 8 декабря в Лондоне на аукционе «Старые мастера» Christie's, с предварительной оценкой \$8,9–14 миллионов, будет продаваться неизвестное полотно Тициана! Это было просто невероятно! Ведь творения таких величин, как Тициан, появляются в открытой продаже на аукционах чрезвычайно редко — может, раз в несколько десятилетий. Дело в том, что почти все они уже давно — достояние лучших музеев мира или крупнейших частных коллекций. Если же их собственники вдруг задумают продавать такого рода шедевры, делается это

*Портрет
Лавинии,
1560 год*



тихо, без объявлений, поскольку, как правило, правительства их стран считают эти великие творения национальным достоянием и отнюдь не приветствуют продажу картин за рубеж. Вот почему появление неизвестного творения Тициана стало такой сенсацией. Страсти подогревались еще и тем, что четыре с половиной века портрет рыжеволосой венецианки Лавинии с дочкой скрывало довольно посредственное изображение Товии и ангела! Эта картина была уникальна не только благодаря своему размеру и высочайше-

му уровню живописи, но и своей долгой, запутанной историей.

Устроители аукциона назначили хорошую цену — они планировали продать картину за сумму от 5 до 8 миллионов фунтов, но в тот раз, несмотря на невероятный ажиотаж среди возможных покупателей, продать тициановский шедевр не удалось. Ценителя искусства, способного предложить такие деньги, в зале Christie's не нашлось. Так что картина, этот последний шедевр великого Тициана, пока ждет своего нового обладателя... ▢

Георгий
Кричевский



МСергей Маковецкий

актер-загадка

Его амбивалентность между отрицательными и положительными персонажами, между героями слабыми и сильными, между характерами трагическими и комическими поистине не имеет границ. Он — актер острого психологического рисунка, негромкого голоса, нюансировки слова и жеста. Причем — ни на кого не похожий. И в каждую роль, на сцене и на экране, вносящий свое неповторимое «я», свой внутренний мир и особый, не сразу распознаваемый взгляд на мир внешний.

Его не зря прозвали «русским Томом Хэнксом», ведь созданные им образы — это живые люди, выхваченные из повседневной действительности, далекие от книжных идеалов и стереотипов. Его ампула — мыслящий человек. И сам Маковецкий считает, что актер должен постоянно внутренне развиваться.



Сергей Маковецкий родился в 1958 году в дачном поселке под Киевом. Детство провел в городе на Днепре. Отец ушел из семьи сразу после рождения сына, и, получая паспорт,

Сергей взял фамилию матери. Он рос спокойным, ответственным мальчиком, учился на «отлично» и ни о какой актерской карьере не мечтал, всерьез собираясь стать педиатром.



К/ф
«Макаров»

С увлечением занимался спортом — фигурным катанием и легкой атлетикой, но главных спортивных успехов добился в... водном поло.

Все изменилось после того, как он сыграл в спектакле школьного драмкружка Аркашу Счастливецва из пьесы А.Островского «Лес». Сцена властно поманила подростка, как и его героя по роли. Он вдруг почувствовал в себе призвание актера и ничего другого уже не хотел. Однако попытка поступить после школы в Киевский театральный институт окончилась неудачей, и Сергей, чтобы не слишком отдаляться от сцены, устроился монтировщиком декораций в Театр имени Леси Украинки. А через год закулисных трудов отправился покорять Москву.

Пробовал поступить в ГИТИС, дважды прослушивался — Константином Райкиным и Олегом Табако-

вым, набравшим в том году курс. И обоими мастерами был отвергнут. Вот как подчас трудно разглядеть в робеющем абитуриенте истинный актерский талант.

Удачей обернулась для Сергея попытка поступить в Щукинское училище на курс А. Казанцевой. Здесь он получил надлежащую огранку и по окончании училища был принят в труппу Вахтанговского театра, где служит и по сей день.

Его дебют на театральной сцене состоялся в далеком 1980 году, в не особо примечательном спектакле «Старинные водевили». Дебют, тем не менее, прошел успешно, начинающего актера в театре заметили. Кино же ему пока не «светило».

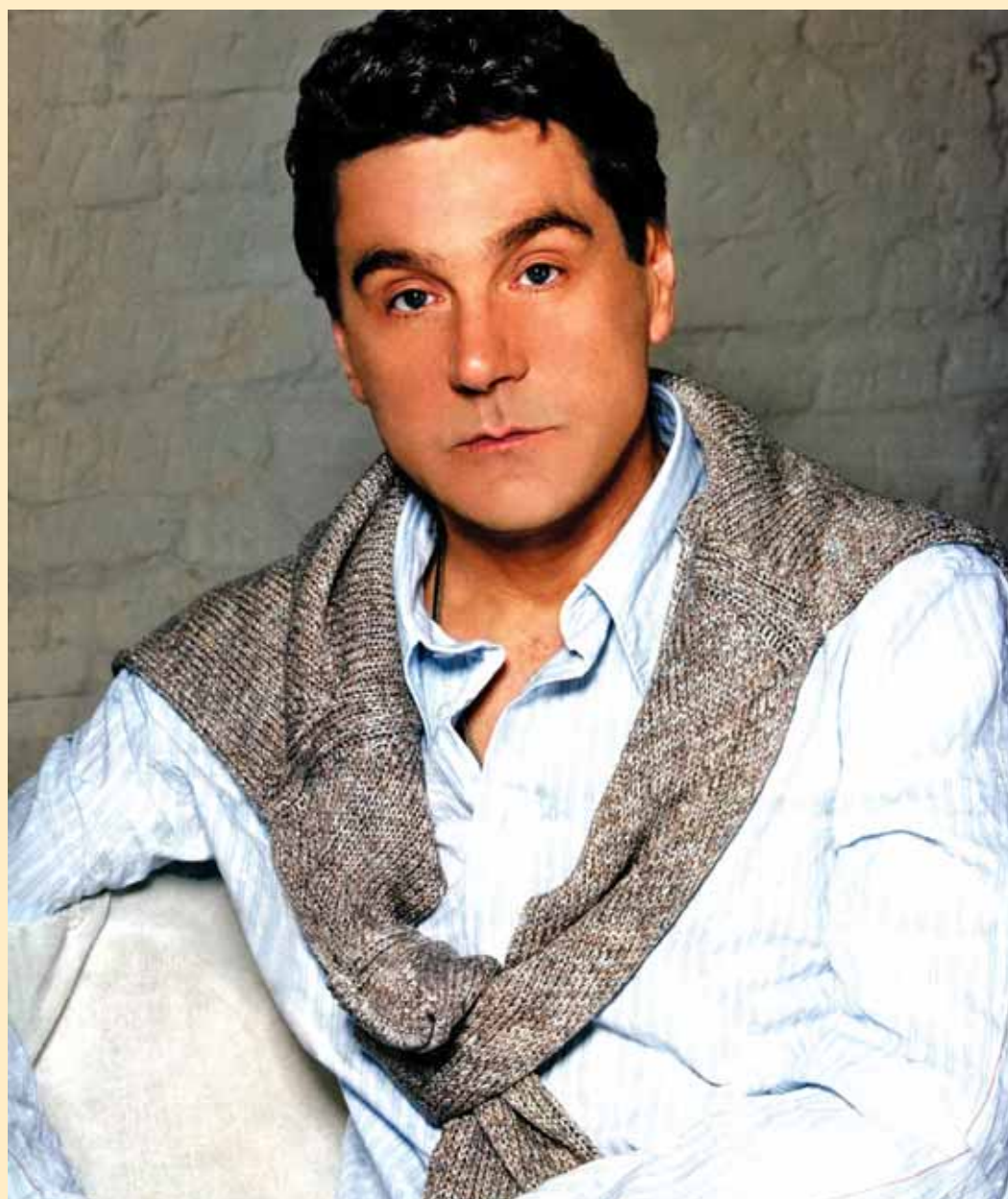
«Я приходил к "Мосфильму". Мы стояли, смотрели голодными глазами. Выходила ассистентка: "Ты, ты, вот ты и ты — зайдите, все осталь-

ные свободны"», — вспоминает Сергей Васильевич. Тогда, отпросившись в театре, он отправился в Одессу и в фильме Одесской киностудии «Экипаж машины боевой» сыграл свою первую экранную роль. Но главное другое. В Одессе молодой актер познакомился со своей будущей женой Еленой и потратил на вечер с ней весь свой гонорар за фильм — три тысячи тогдашних рублей. И она, вместе с сыном от первого брака, уехала с Маковецким в столицу, променяв вполне благополучную одесскую жизнь на московскую, полунищенскую. Зато с любимым.

Временами все казалось ему безнадежным: не будет больших ролей, не будет признания таланта. Так продолжалось десять лет. Правда, на исходе этого долгого срока актер удостоился премии фестиваля «Московская театральная весна» за роль китайца Херувима в булгаковской остросатирической комедии «Зойкина квартира».

А потом из-за скандала в театре его на время перевели в... дворники.

Однажды во дворе театра на убирающего снег актера обратил внимание театральный режиссер-новатор Роман Виктюк. Он вернул Маковецкого на сцену и дал ему у себя





в театре главную роль. И какую! Шо-стаковича в спектакле «Уроки масте-ра». Затем началась работа над «Ма-дам Батерфляй», которая принесла Маковецкому подлинную славу.

В Театре Виктюка он блеснул новыми гранями своего сценического дарования. Но от вахтанговцев не ушел. Начал также с успехом играть в антрепризе, и продолжает занимать этим по сей день. Еще одной его любимой площадкой остается МТЮЗ, где Маковецкий часто выступает в дуэте с ведущим актером этого обновленного театра Игорем Ясуловичем.

Тогда же, в начале девяностых, Маковецкий добился первых больших успехов в кино. До этого он в основном снимался в эпизодах: «Жизнь Клим Самгина» режиссе-

ра Виктора Титова, «Посвященный» Олега Тепцова, «Мать», в постановке Глеба Панфилова. Известные режиссеры находились в плену его типажности, хорошо поддающейся историческому гриму, и видели в нем, прежде всего, характерного актера.

Кинематографическим «крестным отцом» Сергея Маковецкого стал Владимир Хотиненко. «Патриотическая комедия» и философская притча «Макаров» получили широкое признание зрителей и критики. «Макаров» фактически явился культовым фильмом своего времени, а Маковецкий удостоился целого букета призов, включая «Нику», «Золотой овен» — лучшему актеру года, и приз за лучшую мужскую роль на фестивале «Киношок»-93.

Слева:

К/ф
«Про уродов
и людей»

К/ф
«72 метра»



Большой экран, наконец, раскрыл ему объятия. Продолжая творческий тандем с Хотиненко, он снялся в его очень удачных фильмах: «Черная вуаль», «Трофим», «Летние люди». А рядом были другие памятные нам кинороли Маковецкого, чередовавшиеся, правда, со случайными, проходными работами.

Елена искренне радовалась успехам мужа. Однако вместе с его популярностью появились и поклонницы, а, значит, поводы для ревности. Как-то Сергей Васильевич уехал с театром на гастроли в Париж и ни разу ей оттуда не позвонил. Она заподозрила неладное, вся изнервничалась в ожидании его приезда. В аэропорту, куда Елена поехала встречать мужа, он появился без обручального кольца, и у нее букваль-

но оборвалось сердце. А все объяснялось просто: в столице Франции Маковецкого элементарно ограбили, забрали все, даже обручальное кольцо. Чтобы не расстраивать жену, он поэтому и не звонил.

За роль в «Летних людях» Сергей Васильевич удостоился приза «Лучший актер» 1995 года. С тех пор уже никто не сомневался в драматическом диапазоне Маковецкого при его отнюдь не героической внешности. Ему и впрямь оказались подвластны любые образы в фильмах самых разных жанров. Фатоватый, всегда «подшофе» декадентствующий поэт-волокита в иронической комедии Эльдара Рязанова «Ключ от спальни» вызывает смех и симпатию. А порнограф из еще одной культовой ленты «Про уродов и людей»



режиссера Алексея Балабанова — гадливость и отвращение. Невероятно узнаваем и страшен Маковецкий в образе хищного и бессердечного предпринимателя Белкина из породы «новых русских» в «Брате-2».

В 2000 году актер получил приз фестиваля «Кинотавр» за лучшую мужскую роль в масштабной экранизации Андреем Прошкиным «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Картина названа «Русский бунт», и Маковецкий сыграл в ней Швабрина. Сыграл так, что ни в чем не уступал мощной игре Владимира Машкова в роли Пугачева.

Столь же впечатляюще выглядит Маковецкий в следующем фильме Хотиненко «72 метра», где ему досталась трагическая роль гражданского врача Черненко, участвовавшего в походе АПЛ «Словянка», на которой произошла авария ре-

актора. По ходу съемок финал картины был изменен. В сценарии герой Маковецкого выбирался из гибнущей подлодки на скалы и терялся в них, обрекая себя и своих товарищей на гибель, а в картине он выбирается на берег неподалеку от города и приводит команде помощь.

«Когда я читал сценарий, — рассказывает Сергей Васильевич, — то думал о своем персонаже: ну, что за странный человек, ноет все время... Но когда подошел к его финальному монологу, где он говорит о подвиге и поет украинскую песню, я понял, что роль моя. У меня невероятная волна пошла! Я позвонил автору сценария, и тот признался, что писал эту роль специально для меня. Он вспомнил, что у меня есть одна украинская песенка, позвонил тайно моей жене, под ее

Слева:

К/ф
«Брат-2»

К/ф
«Тихий Дон»
режиссера
Сергея
Урсуляка



диктовку записал слова этой песни и вставил в сценарий».

В канун Рождества 2005 года, когда актер только что вернулся с гастролей, ему позвонили. «Вы верите в Бога?» — спросил знакомый голос в трубке. «Кто это?» «Неважно. Вы верите в Бога?» «Верю», — ответил Маковецкий. «А в храм ходите?» — продолжал допытываться знакомый голос. «Хожу.» «Вас услышали! Вам послан сценарий!» Только тогда Сергей Васильевич понял, с кем говорил, и пришел, по его собственным словам, в «дичайшее волнение». Снять у Михалкова он мечтал давно, не раз просился к нему, а тут сам мэтр высылает ему сценарий...

Речь шла о фильме «12», который вышел на экраны в 2007 году и

в котором Сергей Маковецкий сыграл одну из центральных ролей. Сложную роль человека многоопытного, с виду индифферентного, сомневающегося в виновности подсудимого кавказского паренька, таящего в себе это сомнения почти до кульминации фильма и раскрывающегося там с неожиданной стороны. Роль предназначалась Олегу Меньшикову, но он отказался, и Маковецкий убедительно доказал свое право на эту роль. Позднее Никита Михалков пригласил актера на небольшой эпизод в «Утомленных солнцем-2», где тот оказался в компании звезд первой величины на второстепенных ролях: Гафта, Гармаша, Золотухина, Петренко...

Один из сильнейших отечественных артистов, которому подвластны

любые жанры, выдающийся исполнитель ролей классического и современного репертуара, Сергей Маковецкий не любит лишних разговоров на темы творчества. Оно для него — тайна. *«Я стараюсь об этом много не говорить, потому что боюсь: если все объяснить словами, с чем тогда пойдешь на сцену или на съемочную площадку».*

Иногда он, правда, делится сокровенными мыслями об актерской доле. *«Знаете, что в этой профессии самое сложное? Не стоять под камерами на морозе в минус сорок, а — фанфары. Призы, вручения-невручения, того похвалили — того не по-*

хвалили. Самое сложное — не реагировать на эту похвалу, спокойно к ней относиться, действительно радоваться успеху другого человека, не жить годами обидой за неполученную статуэточку...»

В очень нервном и непростом актерском ремесле Маковецкий сумел найти свой путь. Он считает, что нужно постоянно вырывать себя из рамок стереотипов, пробоваться в новых амплуа, экспериментировать. В этом и состоит притягательность актерской профессии. *«Самое интересное — быть каждый раз разным. Я, конечно, не в осуждение кому-то говорю, но есть актеры, ко-*





которые переходят из картины в картину, даже не поменяв рубашку. Мне подобное скучно. В работе над ролью хочется самого себя удивлять».

И Маковецкий продолжал удивлять. И себя, и зрителей. После обаятельного «Фимы-полуеврея», одесского карманника, вставшего под влиянием его друга сыскаря Гоцмана на путь исправления в замечательном телесериале Сергея Урсуляка «Ликвидация» мы встретились в прекрасной телеэкранизации этого же режиссера эпохального романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» с Маковецким в образе главного героя, физика Штрума, работающего над проектом советской атомной бомбы. С Фимой, убитым во второй серии фильма, расставаться было искренне жаль. Штрум трагической фигурой проходит через весь сериал, воплощая идейно-

художественный смысл произведения. Серьезнейшая работа, которая потребовала от актера полного напряжения духовных и физических сил и принесла ему очередного «Золотого орла».

«Он обладает абсолютно звериной интуицией, — говорит о Маковецком Сергей Урсуляк. — И я знаю, что он выдерживает любой длины крупный план. Он может думать при этом про что угодно. Но ощущение и у меня, и у зрителей, что он думает именно о том, о чем мы с ним договаривались».

Коллеги восхищаются и немного завидуют снайперскому попаданию Маковецкого в образ. Он словно застрахован от неудач. Секрет такого успеха, по мнению партнера Сергея Васильевича по Вахтанговскому театру Михаила Суханова, кроется в правильном настрое на работу.



«Его установка на то, что все хорошо, и все будет хорошо, и по-другому быть не может. Очень полезная установка для человека, который хочет что-либо делать с удовольствием, особенно свою актерскую работу».

В отличие от ряда актеров, с головой нырнувших в сериальные роли, Маковецкому удалось не «замылиться» в них, не растрагировать свой имидж и сохранить свою востребованность большим экраном. Вероятно, потому, что сериальные и кинороли он выбирает очень придирчиво, «на себя», да еще интуитивно угадывая в большинстве случаев будущий успех фильма. Так произошло у него с телесериалами «Белая гвардия», «На солнечной стороне улицы», «Дело гастронома №1» и с фильмами «Поп», «Новогодний

детектив», «Вечное возвращение», «Девушка и смерть».

Разные работы конца минувшего — начала нынешнего десятилетия. Еще один титул «лучшего актера года». Непохожие друг на друга образы, отличительный рисунок роли и общее для всех филигранное мастерство. Поэтому появление Маковецкого на экране — уже своеобразный «знак качества» для аудитории, и режиссеры это хорошо понимают. Случались, разумеется, при выборе, быть может, чересчур многочисленных предложений отдельные творческие неудачи, о которых он вспоминать не любит, но которые упорно преодолевал и шел дальше.

Сергей Васильевич называет себя человеком сомневающимся. *«И чем больше со стороны говорят, что что-*

Слева:
*Сериал
«Ликви-
дация»*



*К/ф
«Чудо»*

то очень здорово, тем больше сомнений. Я — трудовая лошадка, которая постепенно, постепенно делала свое дело. Где-то у меня были моменты отчаяния, когда хотелось крикнуть: "Да пошли они все! Что еще я должен сделать?! Не хочу!" Но слава Тебе, Господи, утешением для меня была моя семья, особенно жена. Она говорила: "Ты делай свое дело!" Я говорил: "Да никому это не надо! Я играю роли — кто это видит?" А она: "Да, а ты делай свое дело и имей терпение". Я и терпел. И когда пятнадцать лет жил в коммуналке, уже будучи "заслуженным", тоже терпел и никому не жаловался, не строил из себя обиженного. Зачем? Медийный актер должен производить впечатление успешного человека, а внутри себя быть смиренным и сомневающимся».

Вот такого сомневающегося человека с железным стержнем в душе

Маковецкий и сыграл в михалковском фильме «12». У его героя, сумевшего после грехопадения подняться со дна жизни, нет ни капли превосходства над другими людьми. И хотя он располагает убедительным доказательством невинности подсудимого чеченского юноши, этот присяжный не торопится предъявлять свой козырь, а предлагает всем еще раз проголосовать...

Отпетые негодяи под видом благопристойности, казалось бы, несовместимы со Штрумом, Фимой, врачом экипажа подводной лодки и наделенным обостренной совестью одним из 12 присяжных в суде. Но они-то как раз и являются «коньком» Маковецкого, мастерски пускающим в ход, когда требуется, свое отрицательное обаяние. Одна его приятельница признавалась ему, что не могла без дрожи отвращения смотреть на персонажа актера



К/ф
«Русский
бунт»

в картине «Про уродов и людей», где он для большего эффекта даже поменял с помощью контактных линз цвет глаз на глубокий черный. И тут же ставила для успокоения диск с фильмом «Танго втроем», чтобы вновь увидеть «привычного Сережу».

«Развитие актера в том, что он думает про образ, который должен воплотить, что копает внутри него». Этому твердому убеждению Сергей Васильевич продолжает следовать неукоснительно, особенно в экранных работах, где, в отличие от спектакля, уже ничего нельзя поправить. И еще Маковецкий полагает, что развитие актера в том, что «он не должен быть дураком», вопреки распространенному мнению: актеру, мол, ум

необязателен. Хороший актер, по словам Маковецкого, просто обязан быть образованным, ему необходимо много знать, читать, саморазвиваться, не зацикливаясь на одной лишь профессии. Именно благодаря всему этому, он столь свободно, непринужденно, абсолютно достоверно смог сыграть и одурманенного кокаином, но не лишнего благородства поэта-декадента с длинными кудрями из иронической рязановской комедии, и заросшего бородой хромого отца Григория Мелехова, Пантелея Прокофьевича в недавнем сериале «Тихий Дон» Урсуляка.

Переход на возрастные роли, как правило, дается актерам нелегко, порой болезненно. Маковецкий в образе хитроватого и алчного старика-казака явно переигрывает

молодого исполнителя главной роли, когда они появляются на экране вместе. А какое понимание народного характера! Какой высокий, подлинно эпический трагизм!

Пока равной по масштабу роли у актера не последовало. И ожидание значимых, достойных таланта Маковецкого работ затягивается. Общий кризис серьезного отечественного кино обуславливает отсутствие интересных предложений. Вот разве в отличном сериале «Бесы» Владимира Хотиненко по роману Достоевского актеру вновь удалось ярко раскрыть противоречивый характер следователя Горемыкина. И еще, пожалуй, не осталась незамеченной его

роль полковника ФСБ Вольского в успешной адаптации Павлом Лунгиным сенсационного американского сериала «Родина» с Владимиром Машковым в главной роли.

А.П. Чехов — любимый писатель Сергея Васильевича, очень близкий ему по духу. Он его часто перечитывает и примеряет многие персонажи великого писателя, которых, увы, уже не сыграет по возрасту. Но и к современным ролям разнопланового актера по-прежнему очень тянет. К таким, например, как роль уполномоченного по делам религии в картине А. Прошкина «Чудо».



Действие фильма, основанного на подлинных событиях, происходит в 50-е годы в небольшом городке Самарской области, где одна девушка, затеяв на вечеринке кощунственный танец с иконой Николая Угодника, застыла посреди комнаты, как соляной столб, и простояла так 120 дней. Партийный чиновник в исполнении Маковецкого, приставленный бдиль за церковной жизнью в городе, быть может, единственный из всех верит в чудо «стояния» Зои. И чем больше верит, тем настойчивей убеждает в приказном порядке людей, что этого чуда нет. Да еще провоцирует местного батюшку, под угрозой закрытия храма и устройства в нем кинотеатра, объявить прихожанам на проповеди в Прощеное воскресенье, что никакого чуда нет. А потом приводит его в оцепленный милицией дом и показывает застывшую с иконой в руках девушку... Батюшка после этого покидает приход, семью, осознав свою нехватку веры. Но уполномоченному по делам религии от этой мнимой победы не становится легче. Очень любопытный персонаж.

На вопрос, хотел бы он сыграть на экране святого, как, скажем, Петр Мамонов в фильме Павла Лунгина «Остров», Сергей Васильевич ответил, что, пожалуй, все же не хотел бы. А вот Понтия Пилата в «Мастере и Маргарите» — да! «Он ведь знает, КОГО предает казни, и все-таки делает это. Вот муки мученические! Тут есть, что играть».

Жажде интересных, глубоких актерских работ иногда препятствуют

установленные самому себе строгие «табу». Так, по его словам, он ни при каких условиях не стал бы сниматься в фильме, где присутствует жестокое отношение к детям, к животным. *«Есть вообще темы, которые меня отталкивают. Бесовщина, «чернуха». Не хочу я вникать в такие темы. Для меня благодать в собственной душе — самое главное. Если она есть, в любой ненастный день тебе кажется, что видишь солнце. Да еще если после исповеди, причастия. Затем опять захватывает будничная суета, круговерть наша всеобщая. С этим ничего не поделать. Но чем больше ты душу свою сохраняешь, тем легче тебе живется.*

Мы все в жизни немножко играем и не замечаем этого. Причем актеру приходится труднее всего: ведь играть — его профессия. Я стараюсь не играть в жизни. А то ведь можно и заиграться, и это будет уже клиника. Конечно, в некоторых обстоятельствах приходится, как всякому нормальному человеку, надевать какие-то маски. Но все же пытаюсь вне работы быть естественным. До известного предела, разумеется.

Сказать о себе, что я такой, какой есть, будет гордыней. Поэтому я говорю: мне кажется, что я такой, какой я есть — спокойный, иногда скучный, а иногда — очень радостный. А степень откровенности дело деликатное. Есть вещи, которые я, кроме, как на исповеди, никому не говорю. Например, я не люблю говорить о семье. Это только мое личное. Выплеснешь наружу, а что в душе останется?» □



Всеволод Власов



СДЕЛАЕМ ВСЕ, ЧТО СМОЖЕМ

Дежурить я не любил, но этот дополнительный источник дохода заставлял меня идти на это. Моя бабушка всегда говорила: «Всех денег, лапочка, не заработаешь», а я продолжал быть терапевтом и дежурить...

Не имея постоянной практики, я многое забыл, мне откровенно не хватало знаний. Да и вообще, куда естественнее было бы работать хирургом, а обходы, дневники, вызовы пациентов — тоска смертная и сплошная головная боль.

На этих дежурствах я всецело полагался на ординаторов, проходивших у нас обучение. Как правило, они грамотно разбирались в ситуации, предлагали решение, а я лишь авторитетно разрешал: «Да, так и сделай». Им нравилось ощущение самостоятельности, а мне то, что они у меня есть. Схема всегда работала, но в этот раз я дежурил с Арсением.

Это был маленький, неприглядный мальчик. Узкая спина, впалая грудь, глаза как пуговицы ничего не выражали. Подобно недоношенному детенышу, выброшенному во взрослый мир до срока, Сеня был редким расстыкой. Он не мог выполнить простейшую медицинскую манипуляцию: вены прокалывал насквозь, градусники разбивал, роняя на пол, ну а голова у него, похоже, росла оттуда же, откуда и руки. Мы с хирургами любили пошутить над другими врачами, но Сеня был настолько жалок, что нам даже не приходило в голову стебаться над ним. Не мудрено, что на дежурствах с ним нам самим приходилось выполнять свою работу...

Я выбирал дни дежурств так, чтобы не попадать на Арсения. Так было и в этот раз, но он, в последний момент поменявшись с кем-то, поставил меня перед фактом.

Впрочем, сначала все шло по расписанию. Спокойно. Ровным счетом ничего не происходило. И было даже чуточку грустно, что вот, мое время, жизненное время, уходит в песок, а я как бы и рад.

Вечером дежурная сестра смерила пациентам давление и температуру, доложила мне о результатах, и я отпустил ее в соседнее отделение к подруге, а сам сел писать дневники.

— Может, я могу чем-то помочь? — спросил Сеня.

— Завари чаю, — ответил я. — Только осторожней — кипяток!

— Ты считаешь меня бестолочью и растяпой, — тихо, но утвердительно проговорил он.

— Нет, ты не прав. Вовсе нет, — удивился я его откровению.

— Я знаю, считаешь. Но я докажу, что это не так.

— Хорошо, — ответил я. — Мы же все постоянно друг другу что-то доказываем...

Арсений недобро посмотрел на меня и отвернулся.

Увы, ординаторская была единственной: нам приходилось делить помещение. Диван тоже один. Я улегся на него, накрылся пледом и закрыл глаза...

Наступила ночь. Где-то над степью или пустыней загорелась первая звезда, чтобы редкий человек не страшился бескрайнего неба, а в городе успокоением служил электрический свет, и не было звезды — за ненужностью. Я не смотрел в небо, а только лишь вперед, где из окна осенний парк, и в желтом свете фонарей — все как всегда. Только деревья вместо листвы были одеты отчего-то... в книги. Книги крепились к ветвям своими корешками. На ветру страницы переворачивались и шелестели. Потом ветер усилился, и листья стали вылетать из книг — деревья опадали. Тогда я выбежал на улицу и рьяно принялся собирать их с земли. Собрал приличную стопку, остановился, выдохнул.

На страницах я видел отрывки текста, но не понимал, о чем он. Более того, на земле валялись, если так можно сказать, отдельные слова и даже буквы. Терялся какой-либо смысл, а листопад все продолжался... И тогда я вдруг понял, как мало могу успеть, сколько знаний, эмоций и смыслов уходит мимо. Я стоял как вкопанный. Почти голые деревья теряли последние листья — жизнь исчезала... И когда ее почти не осталось... меня спас звонок.

Это был вызов. Вызов одного из пациентов вырвал меня из сна. Где я? Который час?

— Сеня? Ты где? — спросонья крутил я головой.

Ординатор сидел за столом, копаясь в Интернете.

— Вызов, — констатировал он, повернувшись ко мне.

— Ну и? Будем лечить или пусть живет?

Сеня не отреагировал, но молча встал и вышел за мной в коридор. Я отметил время: половина двенадцатого — в общем, не поздно. Над палатой с цифрой «612» горела лампочка.

Хоть убей, не помню, кто у нас там.

Оказался Григорьев Александр Викторович, которого я спас три дня назад...

Три дня назад он поступил в ночь моего хирургического дежурства с острым трансмуральным инфарктом миокарда.

Я был молодым хирургом с годичным опытом работы, но в ту ночь у меня не было выбора: мы брали его на стол по жизненным показаниям. Когда я пришел в блок, то увидел тяжело дышащее стокилограммовое тело. Не этично называть человека телом, но человек — это кто-то живой, чувствующий, мыслящий, а тело — что-то неопределенное; живое или мертвое — сразу не скажешь.

— Доктор, вы будете делать? — спросил Григорьев.

— Да, — кивнул я.

— Мне сейчас никак нельзя умирать, — прошептали синюшные губы. — У меня внучка только родилась...

Я прервал его трагический пафос штампом:

— Сделаем все, что сможем.

Ситуация оказалась критическая. Сахарный диабет за долгие годы превратил коронарные артерии Григорьева в труху. Тонкие, изжеванные на всем протяжении сосуды едва питали сердечную мышцу. Я никогда не оперировал что-то подобное, но, повторяюсь, не было выбора, и, возможно, поэтому я действовал спокойно, без суеты, отчасти вдохновенно. И мне удалось. Пациент выжил.

На утренней конференции меня похвалили. Наш ведущий хирург, мой учитель, профессор Доценко посмотрел запись операции и одобрительно закивал головой. Потом мы вышли с ним покурить. Стояли на балконе шестого этажа, и я ждал, что он скажет.

— Молодец! — наконец заговорил профессор. — Сегодня ты его спас. Но ты же знаешь, как это бывает: сегодня ты — звезда, а завтра — бычок от сигареты...

И вот три дня спустя Григорьев сидел на своей койке в трусах и майке, виновато улыбаясь на наше с Сеней появление.

— Ой, доктор, здравствуйте! Сегодня вы дежурите? Извините, я очень не хотел беспокоить вас, но все-таки вызвал. Надеюсь, не разбудил?

Мне была приятна вежливость этого человека, и я ответил:

— Как раз собирался к вам зайти. Вас что-то беспокоит?

— Да, — сморщился Григорьев, — спина. Это все позвоночник.

— У всех болит спина, — ответил я. — Это наша расплата за то, что ходим прямо.

— Конечно. Но, может, все-таки можно чем-то обезболить? Я вторую ночь не сплю.

Я рассудил, что можно и, повернувшись к Сене, скомандовал:

— Уколем анальгин. Набери, пожалуйста.

Ординатор кивнул и вышел. Мы с больным остались вдвоем в его одной палате.

— А как в целом самочувствие? — поинтересовался я.

— Доктор, великолепно! Я просто дышу полной грудью! Как будто с нее плиту сняли. Я вам бесконечно благодарен! И позвольте, пока мы здесь вдвоем... — Григорьев повернулся к тумбочке и начал шарить в ящике руками.

Я молча потупился. Поиски затянулись, и я сказал: «Да ладно вам!» А когда он все же достал и сунул в мой карман деньги, добавил: «Спасибо».

— Здесь совсем немного. — Григорьев словно оправдывался. — Надеюсь, моя жизнь стоит дороже, — улыбнулся он, — но чем могу, чем могу...

— Чтобы вы понимали, — произнес я, — ваш случай для меня много значит. Так что и я в сугубо профессиональном плане получил свою выгоду, поэтому и вам спасибо!

— Ага! — рассмеялся Александр Викторович. — За то, что живой! Ой! — вдруг скривился он в гримасе боли, схватившись за спину, а когда отпустило, снова засмеялся.

Мне нравилось обмениваться с ним любезностями. Всегда лучше, чем оскорблениями.

Потом он еще что-то говорил, опять смеялся, содрогаясь своим большим телом, шутил, искрил. Я уже наблюдал на примере других пациентов такое обострение жизненного интереса, повышенное желание к банальной человеческой беседе у тех, кто был на грани, но выбрался, родился заново, если хотите. Григорьев у меня таким был первый.

Наконец-то вернулся Арсений. Слово официант, протянул лоток со шприцем. Григорьев спустил штаны, я воспользовался спиртовой салфеткой и, легким движением с размаху вмазав ему в «пятую точку» весь шприц без остатка, сказал:

— Скоро полегчает!

— Спасибо, доктор!

— Спасибо вам!

Возвращаясь мимо пустого сестринского поста, я заметил на столе аккуратную стопку историй болезни, но, поленившись оставить запись по поводу такой ерунды, проследовал дальше.

Повторный сигнал вызова застал меня у двери в ординаторскую. Я обернулся. Лампочка снова горела над цифрой «612». Мы с Сеней хмуро переглянулись и пошли назад. Возле сестринского поста я попросил его:

— Найди на всякий случай историю Григорьева, — а сам проследовал в палату.

Может, пациент еще что-нибудь нашел для меня в тумбочке?

Григорьев стоял в центре палаты на коленях и хрипел. Одной рукой он держался за край кушетки, вторую сжимал в кулаке возле груди. На его фиолетовом лице губы, веки и щеки раздуло настолько, что, казалось, они вот-вот должны лопнуть. Полные страха глаза пронзительно вперились в меня, но видели только испуганного, беспомощного юношу. Я думаю, в этот самый момент Григорьев потерял надежду. Он сделал на коленях пару мизерных шажков в мою сторону, попытался что-то сказать, но лишь невнятно прохрипел и тут же рухнул на пол. Я подбежал к нему и увидел, что он не может ни вдохнуть, ни выдохнуть, продолжающееся накопление в организме углекислоты окрасило его лицо в синий цвет, а бестолковые зрачки стали с пятак, как у рыбы. Наконец я осознал, что отек гортани не дает ему дышать, и лихорадочно думал только об одном: что делать? что делать? что делать?..

Я поднял голову. Арсений застыл в проеме двери с историей болезни в руках.

— Скальпель! — заорал я.

Ординатор кинул историю на пол и бросился в коридор. Этот, может быть, еще более обескураженный мальчик видом своим отчасти привел меня в чувство. Конечно, трахеостомия! Незамедлительная! Она, только она может спасти!

Что было дальше, не очень хорошо помню. Я делал непрямой массаж сердца все эти секунды, минуты или часы, пока Сени не было, а когда, наконец, скальпель оказался в моей руке, и я остановился, чтобы понять, в какое место горла вонзить его, то увидел перед собой уже бездыханное тело, иными словами — труп.

Остановись, мгновение!

Я осел на пол. Мысли и чувства в тот момент отсутствовали, я просто смотрел вокруг, но окружающее зафиксировалось, словно на фотографии. Вон занавешенное окно, бэкграундом светит желтый фонарь, пачка сигарет на тумбочке, скрытая под газетой, отъехавшая от стены кровать, стул со столом, мертвец на переднем плане: с открытыми глазами и ртом, Арсений в проеме двери...

Именно он нарушил этот недвижимый кадр, вытянув из брюк телефон, посмотрев на него и сказав:

— Время смерти — 00.15.

— Закрой дверь! — выкрикнул я и, поднявшись, на ватных ногах подошел к тумбочке, достал уже не нужную пациенту пачку сигарет, вытянул одну, чиркнул спичкой, жадно затянулся и плюхнулся на стул.

Постепенно картина складывалась.

У пациента, понимал я, случился отек Квинке — сильнейшая аллергическая реакция, явившаяся причиной смерти. В общем, если рассудить, если оправдать себя и пожалеть, то произошел несчастный случай. Трагическая, но случайность. Кто мог знать?

— Ты же мне анальгин принес? — спросил я ординатора.

— Эээ... ну... как бы, не совсем. Баралгин.

— Но я же сказал — анальгин!

— Ну, его я не нашел, наверное, закончился. Сестры на посту не было. Я подумал, что мы же всегда колем баралгин, когда анальгина нет, вот и принес.

— Ну да, так и есть...

Я опустил голову, и взгляд мой упал на историю болезни, которая так и валялась на полу, куда ее бросил Арсений. На титульном листе красными чернилами было написано: «Баралгин — ангионевротический отек».

Следующие несколько секунд я плохо помню, разве что невероятную тяжесть, как при перегрузках, и снова неподвижный кадр — по сути, как первый, только уже в контексте куда более отягощающих обстоятельств.

Я поднял историю болезни, подозвал к себе ординатора и ткнул пальцем в лист:

— Читай!

— Баралгин — ангионевротический отек.

— Ты понимаешь, что это значит?

— Да, — кивнул ординатор.

— Ты понимаешь, что Ты убил его?!!

— Эээ... ну, как бы, не совсем. Ты тоже.

Возмущение, мгновенно вспыхнувшее во мне, тут же само по себе затухло: я был слаб, я соглашался. Да, это моя вина: не проверил лекарство, не позвал сестру, не посмотрел в историю, в конце концов, своей рукой вколол смертельный препарат.

Дрожащими пальцами я вытянул новую сигарету из пачки. А вот и спичка. За этими простыми действиями было спасение, возможность на долю секунды не думать, не осознавать, что теперь это не только трагическая случайность Григорьева, но и моя. Подсудное дело. Это же тюрьма!

Я смотрел на тело и уже видел, как пенится на вскрытии легкое, как ткань мозга дряблой консистенции прилипает к лезвию ножа и выбухает над поверхностью разреза, как его отечная гортань выносит мне приговор. Конечно, мне было жаль Григорьева, но себя — намного больше, и это не было откровением. «В Канарах лучше, чем на нарах». Теперь я любил свою девочку, своих родных в тысячу раз сильнее, чем прежде, и эту улицу, и фонарь и все окружающее вокруг. Это было предсказуемо и банально, но я не был способен ничего поменять, а мог лишь любить и жалеть...

— Ты так и будешь курить?

— Что?

— Я говорю: ты так и будешь курить? — повторил свой вопрос Арсений.

Он смотрел на меня, ожидая ответа. Я мало что понимал, и невнятно проговорил:

— Но... я не знаю, что делать...

— Есть один выход.

— Выход? Может, ты оживишь его? Какой, к черту, выход?! — возмутился я.

— Тише, тише, — спокойно сказал Сеня, — не кипятись, а просто послушай. Ты можешь послушать меня? — Он подошел ближе и заглянул мне в глаза, как бы оценивая мою адекватность.

— Да, да. Я слушаю.

— Мы выбросим труп из окна. Это будет похоже на самоубийство или несчастный случай.

— Что??!!

— Спокойнее! — мягко протянул Арсений. — Оставь пока свои эмоции в стороне. Никто ничего не поймет. Он в одноместной палате, свидетелей нет. Выбросился. Мало ли, что у него на уме. Или выпал. Решил покурить в окошко и выпал. Такое случается: люди выпадают из окон. С этим уже пускай следствие разбирается. Главное, что, грохнувшись с шестого этажа, а здесь потолки высокие, он превратится вмятку, и эта отечность, которая, смотри, практически ушла, — указал он пальцем на труп, — окажется незамеченной.

Маленький Иуда говорил спокойно и рассудительно, а когда у него зазвонил телефон, он, не меняя тона, ответил:

— Да, мам, привет! Извини, что не позвонил. Было много работы, а потом еще вызов, но теперь уже все хорошо. Ага, ложимся спать. Ну, спокойной ночи! — Отключившись, он повернулся ко мне: — Ну, так что?

— Ты — чудовище! — произнес я.

— Как знаешь, — развел руками Арсений. — Я хотел помочь тебе. Ему-то какая разница? — кивнул он на Григорьева. — Он — труп. Ну а я —

учащийся, уголовной ответственности не несу. Зато ты — ВРАЧ, — подчеркнуто выделил он это слово, — и можешь загреметь на зону. И кому нужна эта честность? Может быть, твоей супруге и детям, которые останутся одни? Но решай сам, дело твое.

— У меня нет супруги и детей...

— А-а-а, ну, тогда у тебя и нет причин не отправиться на нары, — еле заметно дернул бровями ординатор и направился к выходу: — Ладно, я пошел, Глеб!

Его уход, длившийся пару секунд, но как бы растянувшийся во времени, испугал меня («сейчас хлопнет дверь, и все закончится»), а приведенные им аргументы вдруг показались убедительными.

— Стой! — остановил я его. — Ты прав. Мы сделаем это.

Я держал за подмышки, а Сеня за ноги. Так мы доволокли труп до окна, которое, к счастью, выходило во внутренний двор. Нам стоило немалых усилий поднять и усадить Григорьева на подоконник.

— Хорошая высота, — сказал Арсений, выглядывая вниз и придерживая Григорьева руками за плечо. — Только давай правее, а то здесь дерево, а нам нужно, чтобы он на асфальт упал.

Это звучало дико, страшно, немыслимо, но, опять же, аргументировано, и я передвинул труп правее.

— И, желательно, чтобы головой в асфальт, — добавил Сеня, — тогда отечность останется незамеченной. — Он слегка задумался и добавил: — Вот если бы еще на пару этажей повыше, но выбирать не приходится. Так, давай еще немного подвинем...

Я терпеливо повиновался.

— Знаешь, — вдруг замялся Арсений, — а ведь если мы просто толкнем его, он может непредсказуемо повести себя в воздухе и упасть совсем не так, как нам хотелось бы. Здесь надо подумать... Может быть, имеет смысл вытащить его из окна наружу, удерживая отсюда за ноги, и отпустить так, чтобы он сразу летел вниз головой. Только вот, боюсь, не удержим. Сорвется, еще заденет об карниз и закрутится...

Григорьев сидел на подоконнике с открытыми глазами и как будто бы слушал. Я не выдержал и резко сказал:

— Слушай, давай уже быстрее покончим с этим! — не выдержав, резко проговорил я.

«Лично я, ребята, никуда не тороплюсь», — говорил своим видом Григорьев.

Сеня же уставился на меня.

— Глеб, ты думаешь, мне доставляет удовольствие решать подобного рода проблемы?

— Вообще-то создается впечатление, что да — нравится!

— Знаешь что? Да пошел бы ты! Выставляешь меня каким-то маньяком. А я просто хотел помочь тебе! А ты, ты... — Он запнулся, подбирая подходящее слово. — НЕБЛАГОДАРНЫЙ! Сам расхлебывай!

Сеня убрал руки с плеча Григорьева, резко развернулся и пошел к выходу. На этот раз я не нашелся, что ему сказать.

Хлопнула дверь. И тут же, как будто бы эхом, где-то в стороне раздался новый хлопок, но глуше и отдаленнее дверного. Я рефлекторно перегнулся через подоконник и посмотрел вниз. Там под фонарем на асфальте лежало тело.

Я попятился в глубь комнаты. Господи, это случилось! Одно дело — намерение, и совсем другое — реальность и отведенная мне в ней главная роль.

Не знаю, сколько утекло времени, прежде чем я взял себя в руки и понял, что надо просто спокойно уйти. Дело сделано, уже ничего не изменишь, твердил я про себя, надо спасти свою шкуру, и план должен сработать. Просто уйти, не оставив следов. Пусть останется только пятно на совести, а я с ней как-нибудь сам разберусь: один на один.

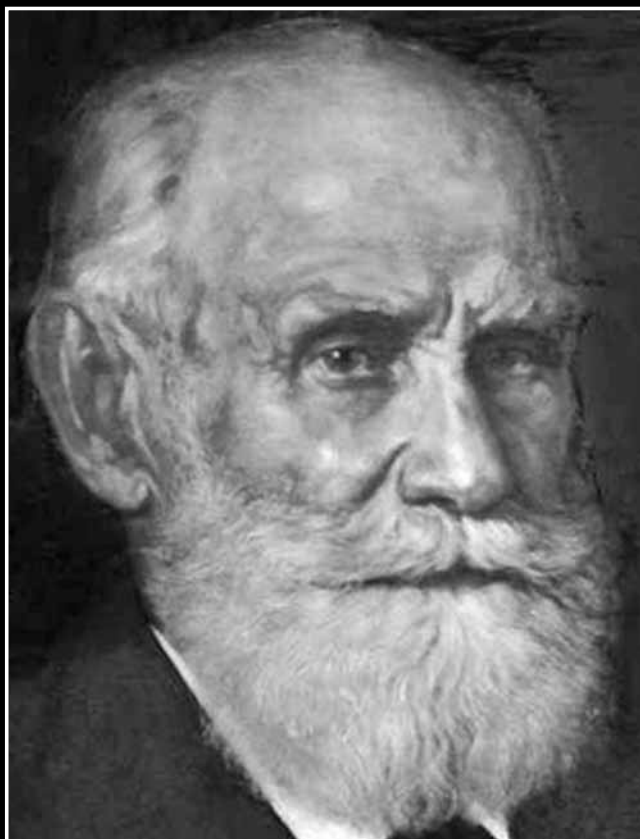
Главное сейчас — не оставить следов. И точка!

Я упал на колени и, ползая, принялся высматривать на полу волос, который мог обронить я или Сеня. Ничего не нашел. Встал, пугливо осмотрелся вокруг. Окно! Закрыв его. Потом понял: Господи, какой же я дурак — оно должно быть открытым! Снова открыл. Тщательно протер оконную ручку своим медицинским халатом. Где еще могут быть улики? Тумбочка. Пачку сигарет было проще забрать, и я сунул ее в карман. Тут же лежала газета. На первой странице, этого я раньше не заметил, фотография женщины с ребенком на руках, и заголовок: «Мне сейчас никак нельзя умирать, у меня внучка только родилась!» И дальше, раз за разом, лишь эти слова: «У меня внучка только родилась, мне сейчас никак нельзя умирать!» Этот бесконечный повтор прервал из коридора голос Арсения:

— Марина, Глебу Юрьевичу нужна ваша помощь.

Я стоял, рефлектируя, когда открылась дверь. На пороге в палату стояла сестра. По ее тревожному взгляду было ясно: она чувствует — что-то не так. У нее были красивые, очень большие глаза. Я смотрел в них, пытаюсь понять, насколько пропащая в них душа, и могут ли они быть со мной заодно... □

И.П. ПАВЛОВ



О «собаке Павлова» известно, наверное, всем. А вот о самом Иване Петровиче Павлове, русском и советском ученом, ставшем в 1904 году лауреатом Нобелевской премии в области медицины и физиологии «за работу по физиологии пищеварения», создателе науки о высшей нервной деятельности и формировании рефлекторных дуг, основателе крупнейшей российской физиологической школы, — боюсь, далеко не всем и не все.



Иван Петрович родился 26 сентября 1849 года в городе Рязани. Предки Павлова по отцовской и материнской линиям были священнослужителями в Русской православной церкви. По этому же пути предполагалось направить и будущего врача.

Благополучно окончив в 1864 году рязанское духовное училище, он поступил в рязанскую духовную семинарию, о которой впоследствии

вспоминал с большой теплотой. Семинарист Иван Павлов особо преуспел по части дискуссий. Он на всю жизнь остался заядлым спорщиком, не любил, когда с ним соглашались, так и кидался на противника, норовя опровергнуть его аргументы.

В обширной отцовской библиотеке Иван как-то нашел книжку Г.Г. Леви с красочными картинками, раз и навсегда поразившими его вооб-

А в начале прошлого века это имя гремело не только в России — во всем мире. И не из-за Нобелевской премии (хотя из-за нее, конечно, тоже), а из-за многочисленных фундаментальных открытий, сделанных физиологом на протяжении нескольких десятилетий.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ



ражение. Называлась она «Физиология обыденной жизни». Прочитанная дважды, как учил отец поступать с каждой книгой (правило, которому в дальнейшем сын следовал неукоснительно), «Физиология обыденной жизни» так глубоко запала ему в душу, что впоследствии «первый физиолог мира» при каждом удобном случае на память цитировал оттуда целые страницы. И кто знает — стал

бы он физиологом, не случись в детстве эта неожиданная встреча с наукой, так мастерски, с увлечением изложенной.

Кроме того, на последнем курсе семинарии он прочитал небольшую книгу «Рефлексы головного мозга» профессора И.М. Сеченова, которая



*Иван
Петрович
Павлов*

окончательно перевернула всю его жизнь. Священником Павлов не стал, а поступил в 1870 году на юридический факультет Петербургского университета.

Но... через две недели перешел на естественное отделение физико-математического факультета, где специализировался по физиологии животных у И.Ф. Циона и Ф.В. Овсянникова. Он мечтал учиться у своего кумира — Сеченова, но тот к этому времени уже переехал из Петербурга в Одессу. И все же, как говорится, нет худа без добра: Павлов

перенял у Циона виртуозную оперативную технику.

«Мы были прямо поражены его мастерски простым изложением самых сложных физиологических вопросов, — напишет он позже, — и его поистине артистической способностью ставить опыты. Такой учитель не забывается на всю жизнь. Под его руководством я делал свою первую физиологическую работу».

Студент Павлов с головой погрузился в учение. Поселился он с одним из своих рязанских приятелей здесь же, на Васильевском острове,

неподалеку от университета, в доме баронессы Раль. С деньгами было туго. Казенного кошта не хватало, тем более что в результате перехода с юридического отделения на естественное Иван, как опоздавший, лишился стипендии, и рассчитывать надо было теперь только на самого себя.

Приходилось прирабатывать частными уроками, переводами, в студенческой столовой налегать, главным образом, на бесплатный хлеб, сдабривая его для разнообразия

иннервации поджелудочной железы. За него И. Павлов и М. Афанасьев были награждены золотой медалью университета.

После получения в 1875 году степени кандидата естественных наук он поступил сразу на третий курс Медико-хирургической академии (ныне Военно-медицинская академия, ВМА), одновременно работал и в физиологической лаборатории К.Н. Устимовича.

Летом 1877 года он, по приглашению Боткина, поехал в Германию,

и один из русских ученых того времени, даже Менделеев, не получил такой известности за рубежом. «Это звезда, которая освещает мир, проливая свет на еще не изведанные пути», — говорил о нем Герберт Уэллс. Его называли «романтической, почти легендарной личностью», «гражданином мира»

горчицей, благо его давали сколько угодно.

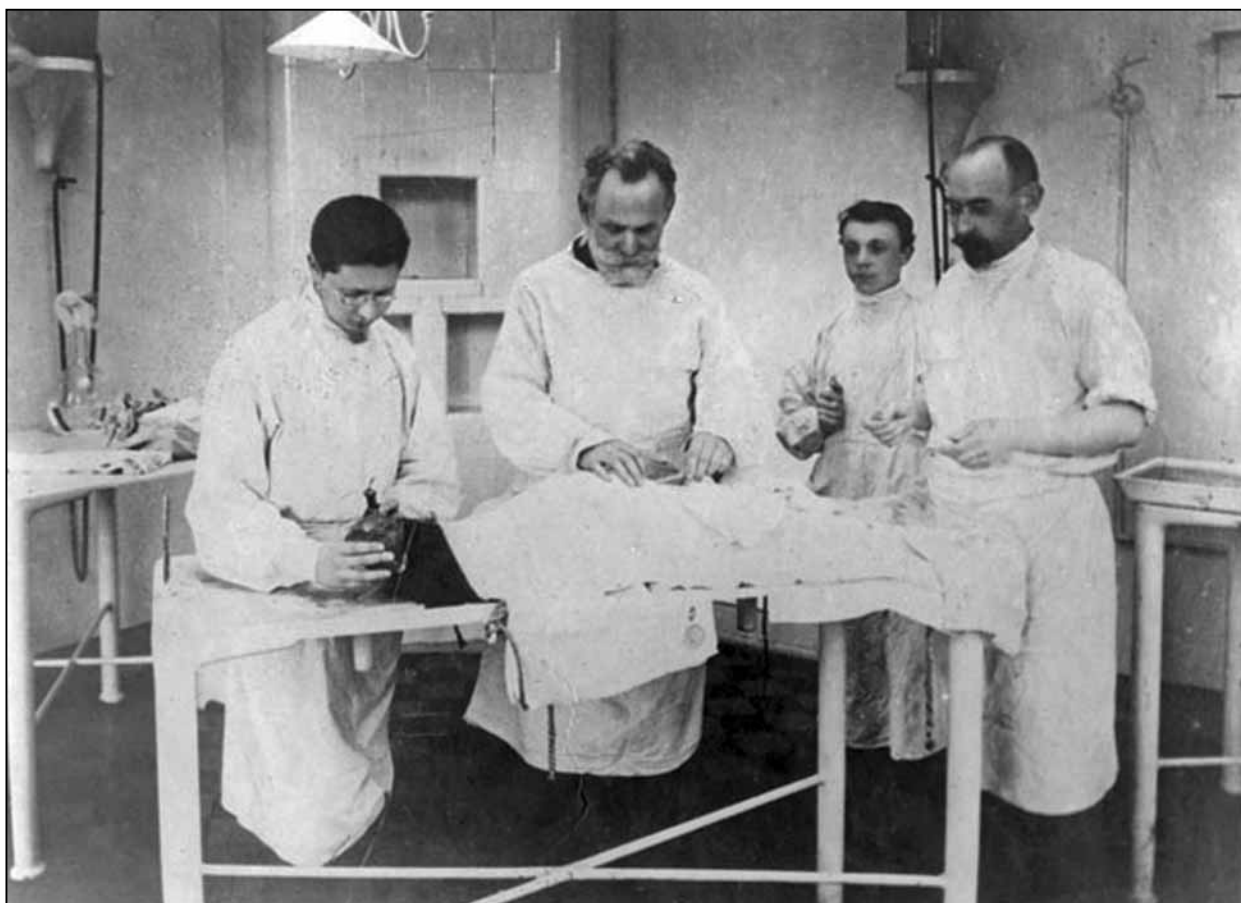
А самым близким другом для него стала в это время слушательница женских курсов ростовчанка Серафима Васильевна Карчевская, которая тоже приехала в Петербург учиться и мечтала стать учительницей.

Когда она, окончив учение, уехала в глухую провинцию, чтобы работать в сельской школе, между ними завязалась оживленная переписка, и Иван часто изливал ей душу в письмах.

Первое научное исследование Павлова — изучение секреторной

в городок Бреслау. В лаборатории Боткина Павлов фактически руководил всеми фармакологическими и физиологическими исследованиями, а также исследованиями по физиологии пищеварения, которые продолжались более двадцати лет.

Иван Петрович очень мало думал о материальном благополучии и до женитьбы не обращал на житейские проблемы никакого внимания. Бедность начала угнетать его только после того, как в 1881 году он женился на своей любимой Серафиме Васильевне Карчевской. Его роди-



тели не одобрили этот брак, во-первых, в связи с еврейским происхождением Серафимы Васильевны, во-вторых, к тому времени они уже подобрали для сына невесту — дочь богатого петербургского чиновника.

Но Иван настоял на своем, так и не получив родительского благословения, он отправился с Серафимой венчаться в Ростов-на-Дону, где жила ее сестра. Деньги на свадьбу дали родственники жены.

Следующие десять лет Павловы прожили очень стесненно. Младший брат Ивана Петровича, Дмитрий, работавший ассистентом у Менделеева и имевший казенную квартиру, пустил молодоженов к себе.

В Ростове-на-Дону Павлов бывал дважды: в 1881 году, после свадьбы,

и в 1887 году, вместе с женой и сыном. Оба раза он останавливался в одном и том же доме, по адресу: ул. Большая Садовая, 97. Дом сохранился до настоящего времени. На фасаде установлена памятная доска.

В 1890 году, уже защитив докторскую диссертацию на тему «О центробежных нервах», Иван Павлов был избран профессором фармакологии в Томске и заведующим кафедрой фармакологии Военно-медицинской академии, а в 1896 году — заведующим кафедрой физиологии, которой руководил до 1924 года, и, одновременно, заведующим физиологической лабораторией при организованном тогда Институте экспериментальной медицины.

Впоследствии он напишет об этом скупое, несколькими фразами обрисовав столь многотрудное десятилетие:

«Вплоть до профессуры в 1890 году, уже женатому и имевшему сына, в денежном отношении постоянно приходилось очень туго, наконец, на 41-м году жизни я получил профессуру, получил собственную лабораторию... Таким образом, вдруг оказались и достаточные денежные средства, и широкая возможность делать в лаборатории, что хочешь».

Будучи от рождения левшой, как и его отец, Иван Петрович постоянно тренировал правую руку и в результате настолько хорошо владел обеими руками, что, по воспоминаниям коллег, *«ассистировать ему во время операций было очень трудной задачей, никогда не было известно, какой рукой он будет действовать в следующий момент. Он накладывал швы правой и левой рукой с такой скоростью, что два человека с трудом успевали подавать ему иглы с шовным материалом».*

В своих исследованиях Павлов использовал методы механистической и холистической школ биологии и философии, которые считались несовместимыми. Как представитель механицизма, он считал, что комплексная система, такая, как система кровообращения или пищеварения, может быть понята путем поочередного исследования каждой из их частей, а как представитель «философии целостности», чувствовал, что эти части следует изучать у интактного, живого и здорового

животного. По этой причине Павлов выступал против традиционных методов вивисекции, при которых живые лабораторные животные оперировались без наркоза. Считая, что умирающее на операционном столе и испытывающее боль животное не может реагировать адекватно здоровому, он воздействовал на него хирургическим путем таким образом, чтобы наблюдать за деятельностью внутренних органов, не нарушая их функций и состояния животного. Мастерство его в этой трудной хирургии было непревзойденным. Более того, он настойчиво требовал соблюдения того же уровня ухода, анестезии и чистоты, что и при операциях на людях.

Используя данные методы, Павлов и его коллеги показали, что каждый отдел пищеварительной системы — слюнные и дуоденальные железы, желудок, поджелудочная железа и печень — добавляет к пище определенные вещества в их различной комбинации, расщепляющие ее на всасываемые единицы белков, жиров и углеводов.

В 1901 году Иван Петрович Павлов был избран членом-корреспондентом, а в 1907 году — действительным членом Петербургской академии наук.

Более десяти лет он посвятил тому, чтобы получить фистулу (отверстие) желудочно-кишечного тракта. Сделать такую операцию было чрезвычайно трудно, так как изливавшийся из желудка сок переваривал кишечник и брюшную стенку. Павлов так сшивал кожу и слизистую,

вставлял металлические трубки и закрывал их пробками, что никаких эрозий не было, и он мог получать чистый пищеварительный сок на протяжении всего желудочно-кишечного тракта — от слюнной железы до толстого кишечника, что и было сделано им на сотнях экспериментальных животных.

Проводил он и опыты с мнимым кормлением (перерезание пищевода так, чтобы пища не попадала в желудок), сделав, таким образом, ряд открытий в области рефлексов выделения желудочного сока и заново создав, по существу, современную физиологию пищеварения.

В 1903 году 54-летний Павлов выступил с докладом на XIV Международном медицинском конгрессе в Мадриде. А в следующем году ему была присуждена Нобелевская премия за исследование функций главных пищеварительных желез, и он стал первым российским Нобелевским лауреатом.

В речи на церемонии вручения премии А.Г. Мернер из Каролинского института дал высокую оценку вкладу Павлова в физиологию и химию органов пищеварительной системы.

«Благодаря работе Павлова мы смогли продвинуться в изучении этой проблемы дальше, чем за все предыдущие годы, — сказал Мернер. — Теперь мы имеем исчерпывающее представление о влиянии одного отдела пищеварительной системы на другой, то есть о том, как отдельные звенья пищева-

тельного механизма приспособлены к совместной работе».

Ни один из русских ученых того времени, даже Менделеев, не получил такой известности за рубежом. *«Это звезда, которая освещает мир, проливая свет на еще не изведанные пути»,* — говорил о нем Герберт Уэллс. Его называли «романтической, почти легендарной личностью», «гражданином мира».

В Мадридском докладе, сделанном на русском языке, Павлов впервые сформулировал принципы физиологии высшей нервной деятельности, которой он и посвятил последующие 35 лет своей жизни. Такие понятия как подкрепление, безусловный и условный рефлекс стали основными понятиями науки о поведении.

Как последователь Сеченова, он много занимался и нервной регуляцией и на протяжении всей своей научной жизни сохранял интерес к влиянию нервной системы на деятельность внутренних органов.

В начале двадцатого века его эксперименты, касающиеся пищеварительной системы, привели к изучению условных рефлексов. Он действовал просто и оригинально: проделал два «окошка», одно — в стенке желудка, другое — в пищеводе, и теперь пища, которой кормили прооперированную и вылеченную собаку, не доходила до желудка, вываливалась из отверстия в пищеводе наружу. Но желудок успевал получить сигнал, что пища в организм поступила, и начинал усиленно выделять



*С женой
Серафимой
Васильевной
Карчевской*

необходимый для переваривания сок, после чего его можно было спокойно брать из второго отверстия и исследовать без помех. Собака могла часами глотать одну и ту же порцию пищи, которая дальше пищевода не попадала, а экспериментатор работал в это время с обильно льющимся желудочным соком. Можно было варьировать пищу и наблюдать, как, соответственно, меняется химический состав желудочного сока.

Но главное было в другом. Впервые удалось экспериментально до-

казать, что работа желудка зависит от нервной системы и управляется ею. Ведь в опытах «мнимого кормления» пища не попадала непосредственно в желудок, а он начинал работать, стало быть, команду он получал по нервам, идущим ото рта и пищевода. В то же время, стоило лишь перерезать идущие к желудку нервы — и сок переставал выделяться.

Другими способами доказать регулируемую роль нервной системы в пищеварении было просто невозможно. Ивану Петровичу это

удалось сделать первым, оставив далеко позади своих зарубежных коллег и даже самого Р. Гейденгайна, к которому он недавно ездил набираться опыта и авторитет которого был признан всеми в Европе.

«Любое явление во внешнем мире может быть превращено во временный сигнал объекта, стимулирующий слюнные железы, — писал Павлов, — если стимуляция этим объектом слизистой оболочки ротовой полости будет связана повторно... с воздействием определенного внешнего явления на другие чувствительные поверхности тела».

Пораженный силой условных рефлексов, проливающих свет на психологию и физиологию, Павлов после 1902 года сконцентрировал свои научные интересы на изучении высшей нервной деятельности. В институте, который располагался неподалеку от Петербурга, в местечке Колтуши, он создал единственную в мире лабораторию по изучению высшей нервной деятельности. Ее центром была знаменитая «Башня молчания» — особое помещение, которое позволяло поместить подопытное животное в полную изоляцию от внешнего мира.

Исследуя реакции собак на внешние раздражители, Павлов установил, что рефлексы бывают условными и безусловными, то есть присущими животному от рождения. Это было его второе крупнейшее открытие в области физиологии.

Преданный своему делу и высокоорганизованный во всех аспектах

своей работы, будь то операции, чтение лекций или проведение экспериментов, Иван Петрович позволял себе в летние месяцы отдохнуть и в это время с увлечением занимался садоводством и чтением исторической литературы.

Как вспоминал один из его коллег, *«он всегда был готов для радости и извлекал ее из сотен источников».* Одним из увлечений Павлова было раскладывание пасьянсов. Как и о всяком большом ученом, о нем сохранилось множество анекдотов. Однако среди них нет таких, которые бы свидетельствовали о его академической рассеянности, он всегда был очень аккуратным и точным человеком.

Мало кому известно, что Иван Петрович был также страстным коллекционером. Он коллекционировал жуков и бабочек, растения, книги, марки и произведения русской живописи. И.С. Розенталь вспоминал рассказ Павлова, случившийся 31 марта 1928 года:

«Первое мое коллекционирование началось с бабочек и растений. Следующим было коллекционирование марок и картин. И, наконец, вся страсть перешла к науке... Теперь я не могу равнодушно пройти мимо растения или бабочки, в особенности, мне хорошо знакомых, чтобы не поддержать в руках, не рассмотреть со всех сторон, не погладить, не полюбоваться. И все это вызывает у меня приятное впечатление».

В середине 1890-х годов в его столовой можно было видеть не-

сколько полок, вывешенных на стене, с образцами пойманных им бабочек. Приезжая в Рязань к отцу, он много времени уделял охоте на насекомых. Кроме того, по его просьбе из различных врачебных экспедиций ему привозились различные туземные бабочки. Подаренную на его день рождения бабочку с Мадагаскара он поместил в центре своей коллекции. Не довольствуясь этими способами пополнения коллек-

рок сиамского государства. Вообще, для ее пополнения были задействованы все знакомые, получавшие корреспонденцию из-за границы.

Своеобразным было и коллекционирование книг: в день рождения каждого из шести членов семьи ему в подарок покупалось собрание сочинений какого-либо писателя.

А вот коллекция картин началась в 1898 году, когда Павлов купил

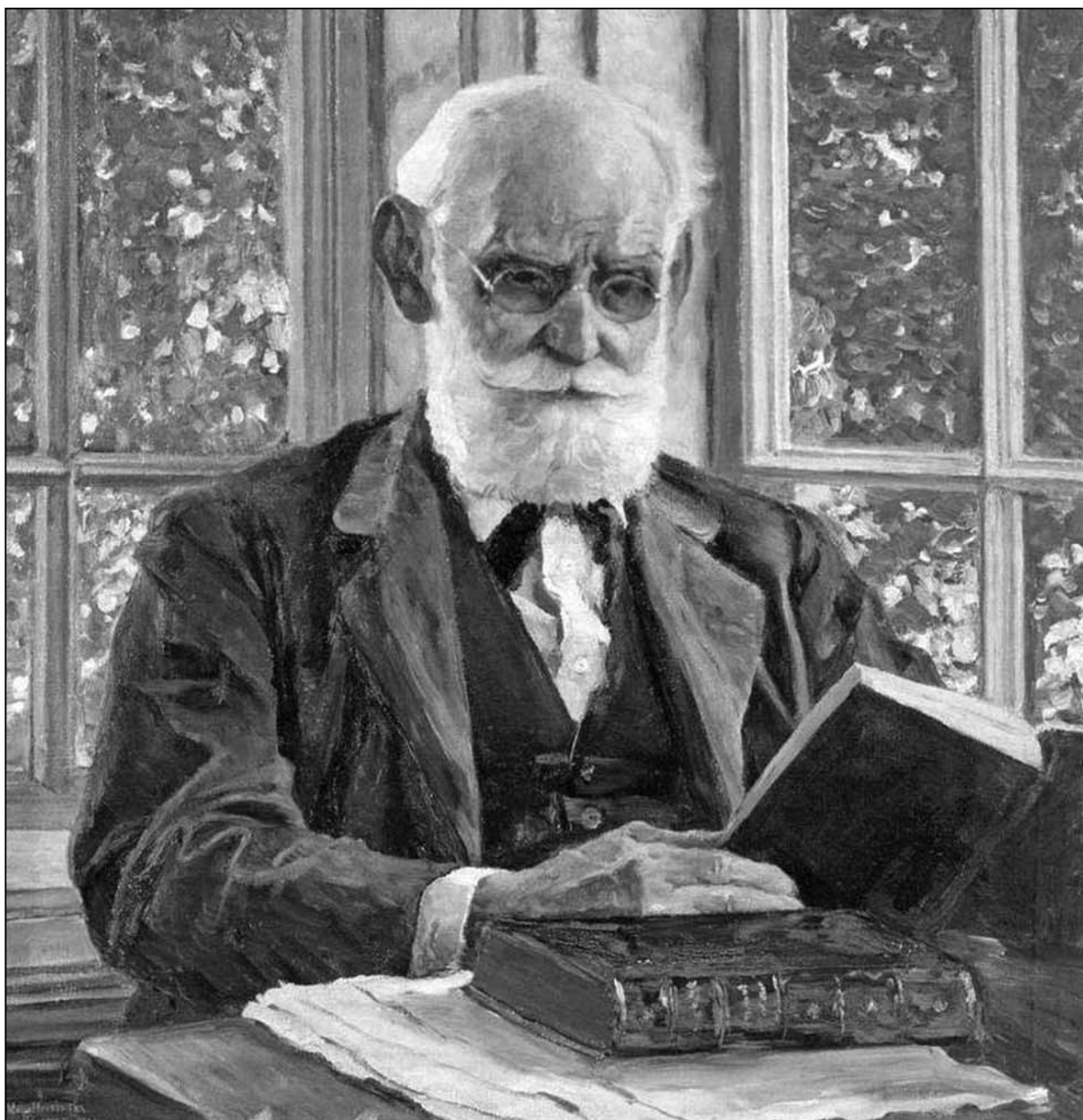
Положение величайшего русского ученого защищало Ивана Петровича от политических коллизий, которыми изобиловали революционные события в России начала века. А после установления советской власти был даже издан специальный декрет за подписью Ленина о создании условий, обеспечивающих работу Павлова. Это было тем более примечательно, что большинство ученых находилось под надзором государственных органов, нередко вмешивающихся в их научную работу

ции, он сам выращивал бабочек из собранных с помощью мальчишек гусениц.

Не меньшей его страстью была филателия. Однажды, еще до революции, во время посещения Института экспериментальной медицины сиамским принцем, он посетовал, что в его марочной коллекции не хватает сиамских марок, и через несколько дней коллекцию Павлова уже украшала серия ма-

у вдовы Н.А. Ярошенко написанный им портрет пятилетнего сына, Володи Павлова, — когда-то художник был приглашен к ним в гости и лицо мальчика настолько поразило его, что он уговорил родителей разрешить ему позировать.

Вторая картина, написанная Н.Н. Дубовским, изображавшая вечернее море в Силламягах с горящим костром, была подарена автором, и именно благодаря ей



у ученого появился большой интерес к живописи.

Однако коллекция долгое время не пополнялась, только в революционные времена 1917 года, когда некоторые коллекционеры стали продавать имевшиеся у них картины, Павлов сумел собрать превосходную коллекцию. В ней были картины Репина, Сурикова, Левитана, Виктора Васнецова, Семирадского,

Маковского, Сергеева, Лебедева и многих других художников. В настоящее время эта коллекция частично представлена в музее-квартире Павлова в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове.

Положение величайшего русского ученого защищало Ивана Петровича от политических коллизий, которыми изобиловали революционные события в России начала века.

Так, после установления советской власти был издан специальный декрет за подписью В.И. Ленина о создании условий, обеспечивающих Павлову нормальную работу. Это было тем более примечательно, что большинство ученых находилось в то время под непрерывным надзором государственных органов, которые нередко вмешивались в их научную работу.

Существует мнение, что в годы Гражданской войны и военного коммунизма Павлов, терпя нищету, отсутствие финансирования научных исследований, отказался от приглашения шведской Академии наук переехать в Швецию, где ему обещали создать самые благоприятные условия для жизни и научных исследований, планировалось даже в окрестностях Стокгольма построить по желанию Павлова такой институт, какой он захочет. Павлов ответил, что из России он никуда не уедет.

Но это мнение опроверг историк В.Д. Есаков, который нашел и обнаружил переписку Павлова с властями, где он описывает, как отчаянно борется за существование в голодном Петрограде 1920 года, крайне негативно оценивает развитие ситуации в новой России и просит отпустить его и его сотрудников за рубеж. В ответ последовало соответствующее постановление советского правительства, и Павлову построили институт в Колтушах, под Ленинградом, где он и проработал до 1936 года. Колтуши (ныне Павлов) стали, по выражению

ученого, «столицей условных рефлексов».

В письмах коллегам и друзьям очень четко прослеживается отношение Павлова к новому государственному строю:

«...я был, есть и останусь русским человеком, сыном Родины, ее жизнью, прежде всего, интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство».

«Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. <...> Я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. <...> Пощадите же родину и нас».

Более того, Павлов не боялся открыто высказывать свое мнение прилюдно. Так, на выступлении в декабре 1929 года в первом Медицинском институте в Ленинграде по случаю 100-летия со дня рождения И.М. Сеченова он заявил:

«Введен в Устав Академии [наук] параграф, что вся работа должна вестись на платформе учения Маркса и Энгельса — разве это не величайшее насилие над научной мыслью? Чем это отличается от средневековой инквизиции? <...> Нам приказывают (!) в члены Высшего ученого учреждения избирать людей, которых мы по совести не можем признать за ученых. <...> Прежняя интеллигенция частью истребляется, частью и развращается. <...> Мы живем в обществе, где государство — все, а человек — ничто, а такое общество не имеет будущего, несмотря ни на какие Волховстрои и Днепрогэсы».

Из письма министру здравоохранения РСФСР Г.Н. Каминскому от 10 октября 1934 года:

«К сожалению, я чувствую себя по отношению к Вашей революции почти прямо противоположно Вам. Меня она очень тревожит... Многолетний террор и безудержное своеволие власти превращает нашу азиатскую натуру в позорно рабскую. А много ли можно сделать хорошего с рабами? Пирамиды? Да; но не общее истинное человеческое счастье. Недоедание и повторяющееся голодание в массе населения с их непременными спутниками — повсеместными эпидемиями подрывает силы народа. Прошу меня простить... Написал искренне, что переживаю».

Из письма в адрес СНК от 21 декабря 1934 года:

«Вы напрасно верите в мировую революцию. Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Ваших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, во время догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались Вы, — террор и насилие.

Но мне тяжело не оттого, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а оттого,

что делается у нас, и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей Родине».

А вот что Павлов говорил о вивисекции:

«Когда я приступаю к опыту, связанному в конце с гибелью животного, я испытываю тяжелое чувство сожаления, что прерываю ликующую жизнь, что являюсь палачом живого существа. Когда я режу, разрушаю живое животное, я глушу в себе едкий упрек, что грубой, невежественной рукой ломаю невыразимо художественный механизм. Но переношу это в интересах истины, для пользы людям. А меня, мою вивисекционную деятельность предлагают поставить под чей-то постоянный контроль. Вместе с тем истребление и, конечно, мучение животных только ради удовольствия и удовлетворения множества пустых прихотей остаются без должного внимания.

Тогда в негодовании и с глубоким убеждением я говорю себе и позволяю сказать другим: нет, это — не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это — одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света!»

К религии у него тоже было неоднозначное отношение:

«Человеческий ум ищет причину всего происходящего, и когда он доходит до последней причины, — это есть Бог. В своем стремлении искать причину всего он доходит до



Бога. Но сам я не верю в Бога, я неверующий.

Я... сам рационалист до мозга костей и с религией покончил... Я ведь сын священника, вырос в религиозной среде, однако, когда я в 15–16 лет стал читать разные книги и встретился с этим вопросом, я переделался, и мне это было легко... Человек сам должен выбросить мысль о Боге».

Удивительно, но все эти откровенные высказывания сходили Павлову с рук. Его не трогали — вообще. А, может быть, он просто, к своему счастью, не дожил до того времени, когда не спасло бы ни звание Нобелевского лауреата, ни всемирная известность. Кто знает!

Первой наградой имени великого ученого стала премия, учреж-

денная АН СССР в 1934 году и присуждавшаяся за лучшую научную работу в области физиологии. Первым ее лауреатом в 1937 году стал Леон Абгарович Орбели, один из лучших учеников Ивана Петровича, его единомышленник и сподвижник.

В 1935 году на 14-м Международном конгрессе физиологов Иван Петрович был увенчан почетным званием «старейшины физиологов мира». Ни до, ни после него, ни один биолог не удостоивался такой чести.

В последние годы жизни внимание Павлова было привлечено к исследованиям высшей нервной деятельности человека. Сравнивая опыты с людьми с результатами опытов над животными, он выдвинул учение о двух сигнальных системах

действительности: первой — общей у человека и животных, и второй — свойственной только человеку. Вторая сигнальная система, находясь в неразрывной связи с первой, обеспечивает у человека образование слов — «произносимых, слышимых и видимых». Совокупность этих исследований позволила Павлову прийти к выводу о том, что кора больших полушарий головного мозга у высших животных и у человека является *«распорядителем и распределителем всей деятельности организма»* и тем самым обеспечивает наиболее тонкое и совершенное уравнивание живого организма с внешней средой.

ние по православному обряду, согласно его завещанию, было совершено в церкви в Колтушах, после чего в Таврическом дворце состоялась церемония прощания. У гроба был установлен почетный караул из научных работников вузов, втузов, научных институтов, членов пленума Академии и других. Похоронен Иван Петрович на «Литераторских мостках» Волкова кладбища в Санкт-Петербурге.

В 1949 году в связи со 100-летием со дня рождения ученого АН СССР была учреждена Золотая медаль имени И.П. Павлова, которая присуждается за совокупность работ по развитию учения Ивана

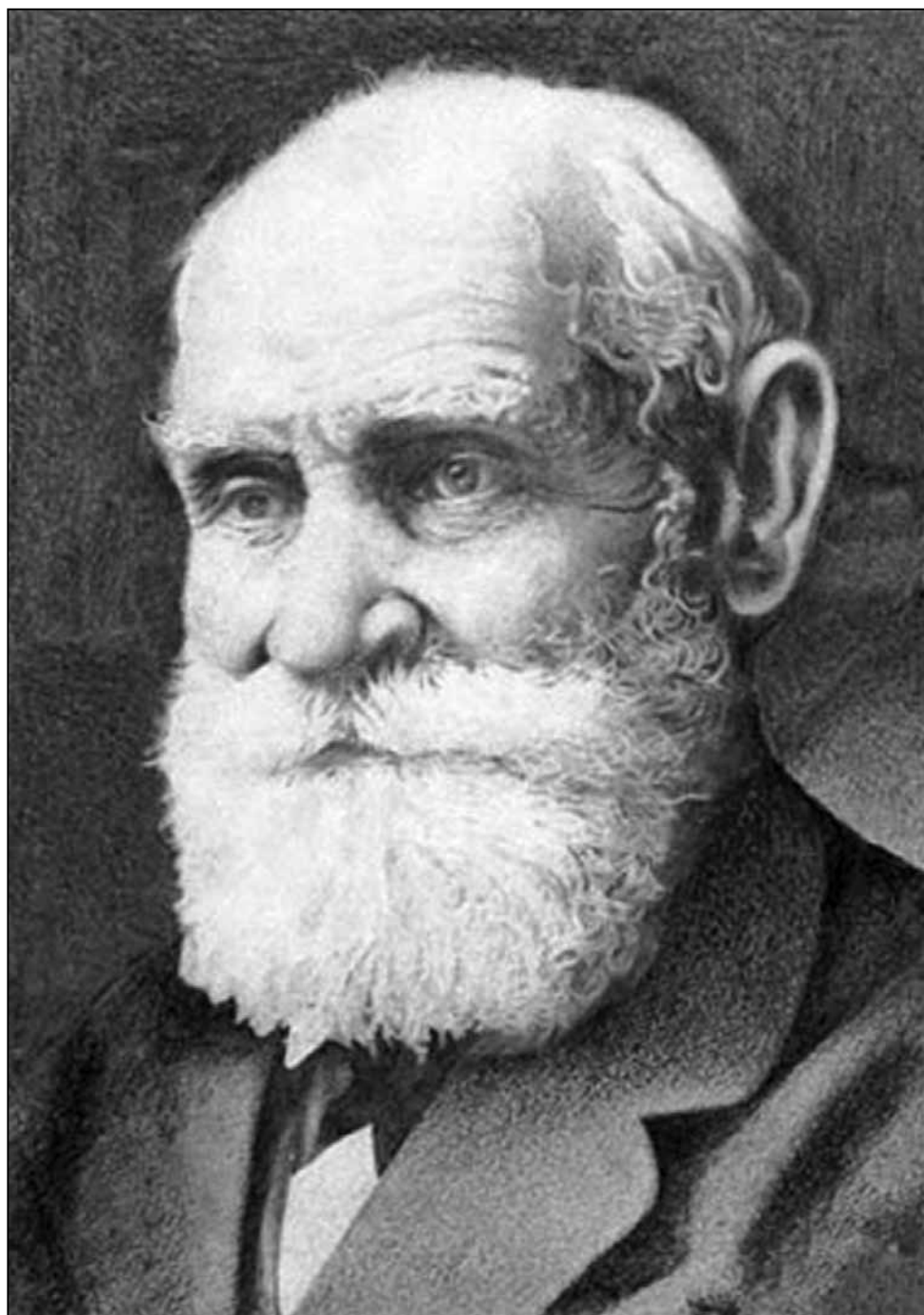
В 1935 году на 14-м Международном конгрессе физиологов Павлов был увенчан почетным званием «старейшины физиологов мира». Ни до, ни после него ни один биолог не удостоивался такой чести. Говоря о своем научном творчестве, он писал: «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему отечеству, нашей русской науке»

Говоря о своем научном творчестве, Павлов писал:

«Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему Отечеству, нашей русской науке».

Академик Иван Петрович Павлов
скончался 27 февраля 1936 года в
Ленинграде от пневмонии. Отпева-

Петровича Павлова. Ее особенность в том, что работы, ранее удостоенные Государственной премии, а также именных Государственных премий, на соискание Золотой медали имени И.П. Павлова не принимаются. То есть выполненная работа должна быть действительно новой и выдающейся. Впервые этой на-



грады был удостоен в 1950 году К.М. Быков за успешное, плодотворное развитие наследия И.П. Павлова.

В 1974 году, к 125-летию со дня рождения великого ученого, была изготовлена Памятная медаль. Существуют также медаль И.П. Павлова Ленинградского физиологического общества и серебряная ме-

даль И.П. Павлова «За развитие медицины и здравоохранения».

В прошлом году исполнилось восемьдесят лет со дня смерти выдающегося русского ученого. Дата — некруглая, отмечать вроде бы не обязательно...

Но хоть бы что-нибудь мелькнуло в СМИ... □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ



Роман

(продолжение)

26

Обладая от природы творческой натурой, Анатолий Петрович на протяжении всей своей жизни, за какое бы дело ни брался, вершил его не только с размахом, но и предельно глубоко, при этом проявляя полную самостоятельность. О нем можно было безошибочно сказать, что не работа ждет его, а он сам ищет ее. И тут неважно — спущена ли она сверху или увидена им самим в огромном производственном процессе. Конечно, как и прежде, добрый совет, справедливое замечание опытных людей, лучше него знающих дело, которым занимался, почти всегда принимал безболезненно, с пониманием. И если считал, что они действительно верны, то в обязательном порядке с их помощью еще более полно и упрямо шел к намеченной цели. И иначе быть не могло, поскольку, пусть не сразу, пусть через неудачи и разочарования, но, в конце концов, пришел вслед за другими рассудительными личностями к глубокому убеждению, что на своих горьких ошибках учатся лишь дураки!

Возглавив районное объединение «Сельхозхимия» и сполна войдя в ход ее деятельности, он сделал вывод, что невозможно без создания при управлении мощной производственной базы в разы увеличить объем

годовых работ по главному направлению — вывозки и внесению в совхозные поля минеральных и органических удобрений в виде торфа и навоза. И это было более чем верно, ибо весь многочисленный автомобильно-тракторный парк содержался в кое-как приспособленном под гараж старом, деревянном полуподземном овощехранилище. Начатое строительство ремонтных мастерских в самом начале было остановлено из-за отсутствия, то ли финансовых средств то ли по причине кадровой чехарды с председателями, устроенной незрячей политикой райкома партии. Дорогостоящие комплексные минеральные удобрения, в огромном количестве завезенные из центральных областей страны за тысячи километров, через несколько перевалочных баз, лежали под открытым небом прямо на земле, причем никем не охраняемые. Из-за воздействия на них воздушной и дождевой влаги, проникающей через разрывы в целлофановой легкой упаковке, они превращались в довольно крепкий камень. И перед самым внесением в землю их надо было дробить на специальной машине, что увеличивало и без того немалую себестоимость агрохимических работ. Также требовались неотложные работы по строительству из бревен и ошкуренных хлыстов непосредственно в торфяных карьерах новых погрузочных эстакад.

Единственное, что можно было поставить в добрый зачет своему предшественнику, так это окончание строительства и сдачу в эксплуатацию двухэтажной конторы управления, в которой в соответствии с занимаемой должностью каждому специалисту было предусмотрено отдельное помещение. Особенно поражал своими большими размерами кабинет председателя с высокими окнами, выходившими на две стороны: во внутренний двор и внешний, за которым даже вдали виднелась красавица река Лена. Первый раз переступив порог своего нового рабочего места и оглядевшись, Анатолий Петрович чуть ли не воскликнул удивленно: «Да! Любил же себя старый председатель — руководящее гнездо свил в два раза просторней, чем у самого первого секретаря райкома партии! А то, что сделал это за счет приемной — и посетители должны были из-за отсутствия места для необходимого количества стульев дожидаться приема в коридоре на ногах, — его, видать, не больно-то волновало!» А вот пришедшему ему на смену молодому председателю это всякий раз, когда он входил в свой кабинет, напрочь портило настроение. И Анатолий Петрович твердо принял решение: после создания для рабочих условий в виде бытовок с душевыми кабинами рядом с их трудовыми местами за счет председательского кабинета значительно расширить и приемную.

Выполнить все из намеченного можно было при наличии проектно-сметной документации, утвержденной соответствующим образом в стро-

ительном институте Министерства сельского хозяйства республики, а также при наличии финансовых средств и материалов. Всю зиму до самой весны Анатолий Петрович увлеченно занимался своим проектом, для чего ему приходилось даже несколько раз летать в Якутск, ходить по всевозможным министерским чиновникам, доказывая его исключительную важность. Если первое, в конце концов, удалось решить почти в полном объеме, то второе и третье, к сожалению, — лишь наполовину. Но это не расстраивало, тем более не могло заставить отступить от задуманного... За годы работы на ответственных должностях в сознание накрепко, естественно, в положительном смысле, засела народная поговорка: «Лиха беда начало...» Она помогала утвердиться в том, что после того как высокому начальству будет документально предъявлен весь начальный цикл сполна развернутых строительных работ, для их успешного завершения все же будет найдена возможность выделения недостающих финансовых и материальных средств. За счет чего? Да хотя бы тех же родственных обслуживающих организаций, руководители которых по каким-то причинам не решают даже плановые задачи.

В начале апреля, когда под напором солнечного тепла мороз окончательно ослаб настолько, что даже по ночам не имел сил возвращаться, и снег быстро начал сходить, превращаясь в текучую влагу, а та, сливаясь в ручьи, стала сбегать по распадкам и оврагам в малые и большие реки, Анатолий Петрович дал распоряжение разместить в местной газете информацию о том, что возглавляемой им организации срочно требуется строительная бригада, которая может сдавать объекты «под ключ». И уже через неделю к нему в кабинет вошел мужчина, взглянув на которого, Анатолий Петрович вопросительно подумал: «Знакомое лицо! Где же я его видел?!» Это был человек пятидесяти — пятидесяти пяти лет, чуть выше среднего роста, но из-за сухой фигуры казавшийся выше, со скуластым, словно азиатским, лицом, со светлыми, зачесанными назад, начавшими седеть волосами, в очках, через линзы которых спокойно и уважительно глядели карие умные глаза. Анатолий Петрович встал из-за стола и, подойдя к гостю, сдержанно, по-деловому представился и услышал в ответ:

— Геннадий Викторович Сухих! Бригадир строительной бригады! Я к вам зашел по объявлению в газете.

— Очень хорошо! Присаживайтесь! — сказал и резким жестом руки пригласил за стол. Сам сев напротив гостя и, чтобы долго не мучиться догадками, напрямую спросил: — Мы с вами прежде нигде не встречались?

— Нет! А что?

— Да лицо ваше мне кажется больно уж знакомым!

И, сказав это, вдруг сам вспомнил, что сидящий перед ним человек не кто иной, как один из победителей очень тогда популярной в народе, особенно его интеллектуальной части, телевизионной передачи: «Что? Где? Когда?» И все же, решив лишний раз утвердиться в крепости своей молодой памяти, вновь задал вопрос:

- А вы случайно не выигрывали у знатоков?..
- Было дело!
- Здорово! А обещанный денежный выигрыш получили?
- Да! Полной суммой!
- Поздравляю!

Встретившись с одним из победителей популярной телепередачи, Анатолий Петрович, конечно, сполна не мог сразу проникнуться к нему глубоким доверием, но удовлетворенно подумал: «Приятно сотрудничать с умными людьми!..» И перевел разговор в русло обсуждения пунктов договора на выполнение всего объема запланированного строительства и денежного расчета за него. После того как все документы обеими сторонами были подписаны, Сухих со своей комплексной бригадой приступил к выполнению договора. А Анатолий Петрович, из-за отсутствия в штате должности прораба поручив контролировать ход и качество строительных работ главному инженеру, лишь иногда, не чаще чем раз в неделю, обходил строящиеся объекты. Если что-то шло не так, то на планерке делал соответствующие замечание — и все! На большее просто не хватало времени, поскольку в совхозах полным ходом готовились к посевной кампании, немалый успех которой зависел и от работы механизированных отрядов «Сельхозхимии», вносящих перед вспашкой в поля минеральные и органические удобрения в соответствии со спущенным сверху годовым планом...

Сухих и на самом деле оказался человеком толковым, думающим. И специалистов подобрал под стать себе, можно сказать, мастеров на все руки. Благодаря их трудолюбию буквально на глазах с каждым днем все выше и выше поднимались из щелевых бетонных блоков стены нового, на тридцать машинных мест, гаража и других объектов, в том числе и такого специфического, как двухэтажная проходная с раздевальными и душевыми кабинами для водителей и слесарей. Но спустя месяц, когда Анатолий Петрович в связи с назначением директором совхоза передал управление «Сельхозхимией» главному инженеру, в бригаде строителей то ли при несправедливом разделе заработанных денег, то ли по пьяному делу или по какой другой причине, но произошел разлад, закончившийся тем, что один из обиженных, родом с Украины, накатал в республиканскую прокуратуру жалобу-заявление. В ней сообщалось о приписках при составлении ежемесячных табелей учета рабочего времени аж во всех

пяти организациях города, в которых, согласно заключенным договорам, бригадой Сухих строились промышленные и гражданские объекты, и, конечно, настоятельно выражалась просьба произвести строгую проверку с последующим привлечением к ответу в соответствии с законом всех виноватых в приписках, а значит — и в незаконном получении денег всеми членами бригады, в первую очередь бригадиром.

Тогда к управлению страной после престарелого, можно даже сказать, немощного Черненко пришел Андропов, тоже в преклонном возрасте, к тому же неизлечимо больной, но много лет возглавлявший грозное учреждение Комитета государственной безопасности. Он не понаслышке знал истинное положение и настроения в обществе. И справедливо считал крайне необходимым в качестве срочных мер по наведению порядка в обществе поднять производственную дисциплину на государственных предприятиях, а также усилить ответственность за народное добро руководителей всех уровней... Для этого по его указанию были изданы соответствующие весьма жесткие постановления партии и правительства. И стоящие на охране законодательства страны правоохранительные органы всех уровней — прокуратура, милиция, народный контроль и даже КГБ — немедленно приняли эти суровые документы к исполнению.

Но, к горькому сожалению, как не раз бывало в великой российской истории, многие из них стали неоправданно, словно продолжали находиться в застойных брежневских временах, перестраховываться, а именно — вместо того чтобы сначала трезво вникнуть в поступающие с мест сигналы, а только потом — в строгом соответствии с законом — принимать конкретные меры, вплоть до уголовных, сразу взяли спускаемые сверху указания, скажем так, на свое, ну совсем неразумное вооружение. В результате этого в стране наступил, пусть временный, тридцать седьмой год, как известно, изобиловавший бесчисленными сфабрикованными так называемыми расстрельными делами, печальное эхо которых будет до конца человечества отзываться острой болью в каждом русском человеке, помнившем свои родственные корни...

Генеральный прокурор республики, охваченный общей истерией своих коллег из других областей и республик необъятной страны, ознакомившись с жалобой-заявлением члена бригады Сухих, дал поспешное указание по фактам, изложенным в нем, сразу же возбудить уголовное дело. Для его срочного расследования и был направлен в районный центр Ленск следователь по особо важным делам Зайцев. Тот сразу же по прибытии на место создал из независимых строительных экспертов чрезвычайную комиссию, перед которой строго поставил задачу провести тотальную проверку хода возведения всех объектов, в том числе и в «Сельхозхимии»,

бригадой, возглавляемой Сухих. По первым же результатам ее деятельности было установлено, что действительно при суммировании табелей, составленных при закрытии нарядов во всех пяти городских организациях, рабочий день у каждого строителя составлял не восемь и даже не двенадцать, а аж целых сорок часов! Также подтвердились и переплаты некоторых работ. Этого вполне хватило следователю Зайцеву, чтобы, к примеру, директора леспромхоза, в котором выявились, по мнению комиссии, самые большие нарушения по оплате строительных работ, арестовать и препроводить в камеру следственного изолятора. Со дня на день тревожно ждал взятия под милицейскую стражу и начальник городского строительного управления алмазной компании.

Обо всем этом Анатолий Петрович узнал по телефону от Эльзы. И на протяжении всей дороги к следователю мучился догадками, какие именно нарушения были допущены при месячных авансовых расчетах с бригадой башковитого Сухих, и, если они, в самом деле, обнаружили, то что за карательные меры будут применены лично к нему. Но, как ни напрягал свои мозги, так и не пришел хоть к какой-то ясности... От этого на душе было настолько тоскливо, что хоть волком вой, тем более ничего нет тяжелых неизвестности, поскольку она не позволяла даже в самом худшем случае все же пусть судорожно, но искать выход...

Кабинет, в котором разместился Зайцев, находился в самом начале длинного коридора с обшарпанными темно-синими панелями, проходящего через весь первый этаж районного отделения милиции, и представлял собой небольшое помещение, где и смог-то разместиться кроме рабочего, выдавшего виды, стола на высоких четырех ножках и шкафа со стеклянными дверцами, на полках которого теснились потрепанные, пронумерованные папки, лишь небольшой деревянный диванчик. Единственное достаточно высокое окно, но с грязными подтеками и давно не мытыми витражами, выходило на парадное крыльцо с длинным козырьком. Отчего дневной свет настолько слабо проникал через оконные стекла, что если бы не ярко горевшая лампочка, то в кабинете было бы, несмотря на позднее утро, довольно сумрачно.

Когда Анатолий Петрович со смешанным тревожным чувством на душе, постучавшись, вошел и сухо, по-казенному поздоровался со следователем, Зайцев, читавший какой-то документ, оторвал от него взгляд и медленно, словно никак не мог переключиться с мысли, захватившей его сознание, на разговор с вызванным им человеком, поднял голову и, вместо того чтобы, следуя правилам вежливости, ответить на приветствие, с какой-то ехидной улыбкой, ясной лишь ему одному и не предвещавшей ничего хорошего, громко произнес:

— Анатолий Петрович, вы! Наконец-то мы с вами встретились!..

И, широким жестом пригласив бывшего председателя «Сельхозхимии» сесть на диванчик, стал с явным, можно даже сказать, наглым любопытством разглядывать посетителя. Этим же занялся и Анатолий Петрович. Зайцев на вид был мужчиной сорока — сорока восьми лет. Поскольку он высоко возвышался над столом, то можно было предположить, что ростом был намного выше среднего, а из-за полноты, раздавшись в плечах и животе, вообще казался огромным, таким дядей Степой из самого известного детского стихотворения Сергея Михалкова. Крупная голова отсвечивала замасленными, наполовину поседевшими волосами, а на квадратном полном лице, светились узковатые серые глаза с пронизательным, словно стреляющим взглядом. Одет следовательно был не в строгую прокурорскую синюю форму, а в обыкновенную ситцевую клетчатую рубашку с короткими рукавами — по установившейся погоде.

Допрос Зайцев, используя известный в правоохранительной практике прием — усыпить бдительность подозреваемого, чтобы через некоторое время внезапно обрушиться на него лавиной, неважно, неопровержимых или выдуманных фактов, лишь бы он от растерянности признал выдвинутое обвинение, — начал не со строгих вопросов по существу дела, а как бы с доверительного рассказа о своем недалеком прошлом.

— Знаете, Анатолий Петрович, — сказал он, — а я ведь, честно говоря, ваш земляк — тоже родился под Якутском, в поселке речников Жатае. Более того, после окончания юридического института по распределению почти пятнадцать лет отработал в этом отделении милиции, пройдя путь от простого оперуполномоченного до начальника уголовной службы. И с вашим отцом Петром Ивановичем меня судьба сводила. Правда, по печальному для него случаю, а именно — я расследовал уголовное дело о превышении должностных полномочий сотягчающими последствиями, в котором, к сожалению, он проходил в качестве обвиняемого, а ведь, как я убедился, допрашивая его, ваш отец был вполне заслуженным человеком...

— Почему был?! — резко перебил следователя по особо важным делам Анатолий Петрович. — Мой отец, слава Богу, до сих пор здравствует, причем достойно. Только вот, выйдя на пенсию, уехал на Северный Кавказ, чтобы быть поближе к целебным грязям, так необходимым ему для успешной борьбы с коварным недугом, нажитым на фронте!

— Да? — удивился Зайцев. — А я и не знал! Привет ему передавайте!

— Обязательно, при первой же возможности! — сказал в ответ на вроде бы добрые слова следователя Анатолий Петрович.

При этом ему вспомнился тот, один из самых тревожных периодов отцовской жизни после войны. Да и не только его, а всей семьи, мучительно

переживавшей за родного, любимого человека. Суть дела в том, что у Анатолия Петровича в юности был друг, якут Иван Колмогоров, с которым они вместе после окончания школы пошли работать в совхозное местное отделение на ферму рядовыми скотниками. Через год друга забрали в армию. Но, отслужив положенный срок, он вернулся и, за время службы заматеревший, полный здоровья и сил, был занаряжен в кузницу молотобойцем. К тому времени молодой Анатолий Петрович, окончив школу механизации, как тракторист широкого профиля, уже трудился на колесной «Беларуси». Подошло горячая пора сенокоса. При формировании бригады, которой предстояло заготавливать грубые корма на отдаленном участке в районе срединного течения таежной реки Нюя, порожистой, но вместе с тем изобилующей глубокими омутами, богатыми разнообразной рыбой — ленком, язём, щукой и окунем и так далее, оказалось, что управлять небольшим трактором Т-20 с прицепной сенокосилкой некому... Иван, которого Анатолий Петрович ради забавы неплохо научил в свободное время водить «Беларусь», попросил друга, чтобы тот упрямил управляющего — своего отца, направить именно его, пусть и не имеющего необходимых прав профессионального тракториста, — в порядке исключения — в сенозаготовительную бригаду трактористом.

Отец, к сожалению, не отказал сыну: на свой страх и риск, пошел ему навстречу. Неизвестно почему, он, человек с огромным стажем руководителя, убедил себя принять такое решение, но, по сути, это было должностное преступление. Объяснить его большой любовью к Анатолию было бы очень простым делом... И, может быть, все обошлось бы, если бы механик отделения Василий Авдеев не опростоволосился, не обеспечив трактор исправным аккумулятором. В отсутствие такового дизель на покосе пришлось заводить с включенной сразу пятой скоростью, разогнавшись с самого верха крутотобого берега. Каждое утро на протяжении двух недель это делалось удачно, но потом произошло непоправимое несчастье: то ли Иван до конца не проснулся, то ли оказалось еще неисправным и рулевое управление, только на самом разгоне трактор резко перевернулся — и вылетевшего из кабины Ивана насмерть придавил стальным ободом заднего колеса.

По факту чрезвычайного происшествия районная прокуратура по горячим следам возбудила уголовное дело, в течение нескольких месяцев провело следствие, закончившиеся решением суда о приговоре управляющего к двум годам условно с двадцати процентной выплатой от заработной платы, но не семье погибшего, а, увы, государству... Такое, в общем-то, мягкое наказание, скорее всего, было назначено в связи с пенсионным возрастом обвиняемого, его многочисленными заслугами перед отече-

ством, в том числе и фронтовыми, а также с учетом ходатайства родителей погибшего о не применении крайне суровых мер. Мол, сына, хоть всю страну пересажай, не вернешь, тем паче, что он сам выбрал свою судьбу, а на иждивении по сути невиновного управляющего находится неизлечимо больная старшая дочь. Определение меры наказания механику оставили на усмотрение управляющего. Но он был настолько благородным человеком, что посчитал гибель человека исключительно на своей совести — и даже выговора своему подчиненному не объявил.

Если за отца из-за нависшей над ним бедой Анатолий Петрович переживал всей душой, то за столь раннюю смерть друга — до сердечной боли. А сознание вины перед его памятью и старенькими родителями до такой степени усиливало ее, что еще вполне не окрепшая психика надломилась — духовных сил еще кое-как хватило помочь сердобольной женщине, соседке, перед тем как положить в гроб, одеть Ивана в новую белую сорочку и черный костюм, а вот проводить в последний путь, сказать у могилы прощальные слова — нет. Из тяжелого горя, обернувшегося, в конце концов, тяжелым нервным срывом, Анатолий Петрович выходил несколько лет. И, наверное, в большей степени он смог это сделать не упорным лечением, а благодаря страстной жажде жизни в стремительном времени, которое, словно бинтами, неутомимо перевязывала и перевязывала его душу надвигавшимися и происходившими, как хорошими, так и плохими событиями.

И вот, годы спустя, может быть, и заслуженный следователь по особо важным делам, так не вовремя ворвавшийся в его жизнь, своими расчетливыми воспоминаниями разбередил в кровь, казалось бы, зажившую душевную рану. Заставил по новой глубоко страдать и страдать... Анатолию Петровичу остро захотелось в ответ сказать что-то такое, от чего бы ему самому стало невыносимо горько. Но не потому, что отдавал себе отчет в печальной зависимости своей будущей судьбы от действий Зайцева, а потому, что был правильно воспитан — вовремя взял себя в руки и лишь отчужденно, как бы исключительно для себя, сказал:

— Извините, товарищ следователь, а вообще-то какое отношение имеет ваше прошлое к тому делу, из-за которого меня телефонограммой вызвали?! Может, все-таки перейдете к допросу?!

По той уверенности, даже твердости, которая прозвучала в голосе Анатолия Петровича, Зайцев понял, что проверенный милицейский прием неожиданности в этот раз не пройдет, — и, с посуровевшим лицом, со ставшими вдруг стальными глазами, недовольно произнес:

— А вы, я вижу, с характером! — И по выработанной за долгие годы служебной привычке хотел добавить: только приходилось и не таких ломать!

Но, словно на полном ходу споткнувшись обо что-то каменное, чертыхнувшись, согласился: — Хорошо! Пусть будет по-вашему. Только в таком случае ответьте: фамилия Сухих вам что-нибудь говорит?..

— Да! — твердо произнес Анатолий Петрович, и, опережая следующий возможный, как ему казалось — более существенный и конкретный вопрос по возбужденному делу, добавил, не дрогнув лицом: — Это бригадир, с которым был заключен строительный договор!

— А когда-нибудь раньше вы с ним встречались?!

— Нет! Только один раз видел его по телевизору! Но это к уголовному делу не имеет никакого отношения!

— А, случайно, в сговор с ним не входили?!

— В сговор!.. Ну, вы и даете! На предмет чего?!

— Анатолий Петрович, не забываетесь! Вопросы в данной ситуации могу задавать только я! — с налившимися кровью глазами, с вспыхнувшими, как порох, щеками, сделал замечание Зайцев. Стараясь обрести былую уверенность, он достал из пачки сигарету, прикурил ее от пластмассовой зажигалки, глубоко затянулся дымом и, помолчав с минуту-другую, как ни в чем не бывало, продолжил так мирно начавшийся допрос: — Я жду ответа!

— И отвечаю: не входил!

— А что — за красивые глаза переплатили бригаде аж восемьсот шестьдесят рублей за строящийся до сих пор автомобильный гараж?! Да быть такого не может!

— Полностью согласен с вами! Но считаю, ни за глаза, ни, извините, за волосы, да и за ум тоже, хотя он у Сухих такой, который было бы совсем неплохо иметь многим людям, разбрасываться, как дерево по осени сухими листьями, государственными деньгами — преступление! — уверенно, даже с некоторым вызовом сказал Анатолий Петрович.

Во вспыхнувшем мозгу лихорадочно проносились мысли: «Как такое могло произойти?! Неужели мой преемник — главный инженер — что-то, в самом деле, намудрил?! Если это так, тогда он форменный дурак?! А, может, все-таки я сам где-то маху дал, чего-то из-за вечной занятости недоглядел?!» И в надежде прояснить причину переплаты, хотя и помнил о суровом предупреждении следователя, как можно вежливей, но твердо обратился к нему:

— И все-таки можно задать хотя бы еще один вопрос?

И на удивление тотчас получил согласие:

— Валяйте! Только по существу!..

— Спасибо! Не скажете, за какие именно работы выявлена переплата?

— В настоящее время комиссия как раз это и уточняет! Только растрата, есть растрата! И отвечать за нее придется!

— Согласен, — и такое может случиться, но при условии, что у меня был мотив, и существовало злое намерения извлечение личной выгоды!..

— Вот-вот! А иначе я уже предъявил бы вам обвинение в полном объеме — и мой допрос закончился бы, сами должны понимать, чем! — как ни старался оставаться грозным, все же несколько упавшим голосом произнес следователь, подумав про себя: «А директора совхоза голыми руками не возьмешь — юридически, видать, вполне подкован! Не только обязанности, но и права свои знает!..»

Поняв, что дальше продолжать допрос не имеет смысла, и словно враз потеряв к подозреваемому интерес, он вяло разрешил:

— Можете быть свободны! Но, увы, — пока!..

— Однако у меня есть к вам просьба, — прежде чем уйти, сказал Анатолий Петрович и, чтобы Зайцев не отказал, скороговоркой добавил: — Продиктованная государственным интересом!

— Даже так?!

— Именно!

— В таком случае внимательно вас слушаю!

— В настоящее время в районе началась одна из самых ответственных и значительных сельскохозяйственных кампаний — уборочная, — сказал молодой директор. — Поскольку, как вы знаете, я возглавляю совхоз, то от моей самоотдачи и верных, вовремя принятых решений зависит, можно без преувеличений сказать, успех годовой деятельности всего хозяйства. Поэтому, с учетом государственных интересов, пожалуйста, следующий раз вызовите меня лишь тогда, когда уважаемая ревизионная комиссия окончательно закончит проверку по всем строящимся объектам! А я, в свою очередь, даю честное слово, что, как только себе докажу ошибочность действий при заключении договора с Сухих, тотчас сам явлюсь к вам, не дожидаясь вызова, с повинной!.. Хорошо?!

— Подождите, подождите! Уж не думаете ли вы, что я приехал за тысячу километров в бирюльки играть?!

— Нет! Но по-умному — одно важное дело не должно мешать другому!

— Ладно, я подумаю!..

Выйдя на улицу из душного, давящего своей казенностью и угрюмостью тесного кабинета, Анатолий Петрович посмотрел на часы — они показывали полуденное время. И подумал: «Не зайти ли самому в сельскохозяйственный отдел райкома к Выборовой, поскольку неприятного разговора, на который напросился сам, раньше установленного срока начав копку картофеля, — в любом случае, при любой обстановке, не избежать, то есть в своем роде вызвать, как на самом настоящем фронте, огонь на себя?..» Но от разговора со следователем почему-то на душе было настолько

пусто, что не хотелось больше сегодня ни с кем ни встречаться, ни говорить, тем более как толочь в ступе воду, упрямо доказывать свою несомненную правоту. Тяжело вздохнув, Анатолий Петрович сел в стоящий напротив здания милиции, рядом со столовой, «уазик» и дал распоряжение водителю возвращаться.

— А разве не перекусим? — спросил Петр.

— В городе — нет! Зато дома сразу и пообедаем, и поужинаем!

И больше за всю почти трехчасовую дорогу не проронил ни слова. Но, немного успокоившись, дав некоторое время мыслям, волнами прокатывающимися в мозгу, улечься, подумал: «Как ни смотри на мою вторую женитьбу, но по-всякому выходит, что я правильно поступил...

Одна моя любовь к Марии, горящая в душе величественным, мощным огнем, пусть и потрескивая на жизненном ветру мелкими ссорами, случайными обидами, делает меня еще сильнее, ибо теперь я в ответе за свою любимую и, значит, должен всегда быть готовым вдвойне бороться со всем горьким, плохим, что может произойти если не в ближайшем будущем, то в дальнейшем — точно! Думать иначе — быть глубоко самонадеянным человеком, ведь, как сказал один известный поэт, жизнь прожить — не поле перейти! На всем ее протяжении, хорошо еще, что в равной мере, будут накрывать с головой горе со счастьем! И потом — великий древний ученый Архимед пусть несколько самоуверенно, но все же верно заявил: «Дайте мне точку опоры — и я переверну мир!..» Для меня такой точкой все больше и больше становятся рассветные чувства к Марии. Я люблю ее, и значит, какие бы черные силы ни преграждали мне путь из мрака к свету, я, пусть и пройдя через все новые и новые лишения, одолею их, поскольку, прежде всего духовно, — непобедим!..»

А между тем безжалостное время неудержимо подходило к вечеру. В уже наступивших синих сумерках, когда машина у самой калитки дома остановилась, печально, словно от боли, скрипнув изношенными тормозными колодками, Анатолий Петрович, вдохновленный своими дорожными мыслями, на вопрос Петра: «На завтра какое будет указание?» — твердо и уверенно ответил: «Обычное — работать и работать!» И порывисто выйдя из машины, резко захлопнув дверцу за собой, стремительно, словно весенний ветер, вбежал на крыльцо.

Несмотря на то, что рабочий день закончился лишь час назад, Мария в светло-коричневом фартучке, свободно подвязанном на тонкой талии, что делало фигуру как бы подчеркнуто стройнее, уже вовсю хлопотала на кухне. Услышав в коридоре шум, тотчас выглянула, но встретила мужа с тревогой на лице. И все же, как ни подмывало расспросить его о внезапной поездке в район, нашла в себе силы сначала накрыть на стол ужин...

И пока Анатолий Петрович молча, словно вконец проголодался, долго и много ел, тоже не проронила ни слова. Зато едва он отодвинул от себя тарелку и положил вилку с ножом, сразу подступила к нему:

— А почему ты утром, уходя из дому, не сообщил мне, что тебя вызывал следователь, да непростой, а по особо важным делам?!

По глазам жены, смотревшими грустней обычного, было понятно о ее осведомленности в отношении уголовного дела, поэтому ходить вокруг да около внезапно возникшей проблемы не имело никакого смысла — и Анатолий Петрович, как на духу, не спеша, взвешивая каждое слово, рассказал все, что происходило с ним в милиции, заострив внимание на своем непонимании, как могла произойти переплата... Поверила Мария или нет, ему, конечно, хотелось знать, но все же не настолько, чтобы спрашивать об этом тогда, когда в голове, как вбитый в доску по самую шляпку гвоздь, вновь дал о себе знать возникший еще в кабинете следователя вопрос: «Где же произошла ошибка, приключился недогляд?..» А что это было именно так, сомнений уже никаких не возникало.

— Скажи честно! — в свою очередь, как бы между прочим, спросил Анатолий Петрович Марию. — Ты про следователя у Эльзы узнала?!

— У нее! А кому я еще могла позвонить, когда секретарша Пака сообщила, что ты в управлении не появлялся!

— А еще с чем она с тобой по секрету, как всему свету, — шучу! — поделилась? Ведь уверен, что Зайцев ее, как мою бывшую заместительницу, одной из первых на допрос вызывал!

— Надеюсь, ты никому то, что я скажу, не расскажешь?

— Что за вопрос?! Конечно!

— Так вот этот следователь по особо важным делам! — произнесла Мария, — Оказывается — еще тот «юбочник»! Представляешь, после строгого допроса, нагло давая понять испуганной женщине, что теперь исключительно от него зависит ее свобода, пригласил в тот же вечер к себе в гостиничный номер, сам должен понимать для чего!

Анатолию Петровичу ну совсем было не интересно, чем приглашение Зайцева закончилось, но в голове ярко вспыхнула мысль — и поэтому, не дав договорить жене, он вслух высказал ее:

— Раз следователь, хотя мне и показался порядочным человеком, так развязно себя ведет, прямо скажу, не по-мужски, значит, у него на самом деле мало надежд завершить расследование уголовного дела, по крайней мере в отношении меня, в свою пользу!

— Ты в этом уверен?!

— Почти!

— Ну, знаешь, всякое бывает!

— Согласен, бывает! Но теперь, когда с Эльзой все выяснили, ты, дорогая моя половинка, ответь мне — как себя чувствуешь? Что с твоим недомоганием — окончательно прошло?

— Вроде да!

— Ну и отлично! Только в твоих прекрасных глазах что-то больше грусти стало, как будто жизнь неожиданно сделалась тяжелей, хотя она, по крайней мере на мой взгляд, не совсем уж и плоха... Лично у меня, да, думаю, у тебя тоже, — времена были намного похуже нынешних! Так, что же все-таки произошло, не скажешь?

Мария, прежде чем ответить, сначала на секунду задумалась, потом села напротив на табуретку, зачем-то взяла со стола кухонное полотенце и, нервно комкая его, заговорила:

— Может, ты меня и осудишь, но постараюсь быть предельно откровенной, — когда я от Эльзы узнала о твоём вызове к следователю, то на меня вдруг разом навалилась такая тоска, что я даже невольно подумала: а сильна ли мне ноша — быть женой человека, который... — Тут она замолчала, словно не смогла сразу найти нужных слов, но, глубоко вздохнув, все же продолжила: — Который, конечно, достоин уважения за свое стремление жить, как ты часто выражаешься, на разрыв аорты, тем не менее, исполнен такой огромной духовной энергии, что иной раз кажется: вот сейчас пронесется, как ураган, мимо — и даже не заметит, что своим мощным крылом смял меня. А я ведь только с виду могу показаться хрупкой, но в душе моей бушует еще тот огонь! Не зря же я в институте была заводилой многих добрых дел, даже служила примером для некоторых сокурсниц... В общем, милый, мне тяжело с тобой!..

Откровения жены, неважно, полные или нет, — не оказались для Анатолия Петровича неожиданными, ибо он знал и по другим людям, какой большой харизматической силой его наделила природа. Но из-за, можно сказать, дара небесного пожертвовать своей любовью он считал слишком уж большой платой, — в любом случае был не готов, да и в корне не согласен ни душой, ни разумом на это. Но и, как по щучьему велению из известной сказки, стать не собой — тоже, сколько ни думай, было выше его сил! Тем более, что прежде жена в отношении его целеустремленных, волевых духовных качеств была совершенно другого мнения! Что же случилось? И, не найдя ответа, он только взял жену за руку и в первый раз, словно от безысходности, с силой сжал ее...

Говорить ни о чем больше не хотелось. Но сознание, что его сильное биополе, оказывается, отрицательно действует на жену, не сказать, чтобы обидело душу, но требовало ответа, лучше, конечно, действенного, как всегда, высказанного напрямую, ибо ходить вокруг да около возникшей проблемы

было не в правилах Анатолия Петровича. И он, собравшись с мыслями, не отпуская руки Марии, смотря в ее милые, такие любимые, с легкой грустинкой, глаза, смирив душевное волнение, вдруг почему-то резко охватившее его, произнес:

— Дорогая, ты только что сказала, будто ставишь мне в какую-то необъяснимую вину то, что я своей бешеной энергетикой угнетаю, нет, даже сметаю тебя начисто!.. Из-за этого ты все чаще и чаще хочешь побыть одной, чтобы хоть немного отдохнуть вконец уставшей душой, собраться с напроочь разметанными нелегкими мыслями. Я не против! Только, мне кажется, выход в другом. Для примера, я тебе предлагаю такие условия, надеюсь, нашего временного существования, а именно — постараюсь тревожить тебя лишь в самых-самых крайних случаях, словно меня в этой квартире и вообще-то нет. Тем более что сделать это будет не так уж и трудно, ведь домой прихожу лишь ночевать, а весь день, даже в воскресенье, мотаюсь, как угорелый, по полям да покосам... Но, знай, свое предложение я сделал с доброй надеждой, что со временем мы все-таки сможем адаптироваться друг к другу, конечно, при одном обязательном условии, что по-настоящему любим и хотим быть любимыми... Договорились?..

— Договорились! — как-то неуверенно, с какой-то глубокой, идущей из самой души тревогой, чуть слышно ответила Мария.

Это не могло ускользнуть от острого внимания Анатолия Петровича. И он — вот страстно жизнелюбивый человек! — с легкой улыбкой, но без ненужной иронии спросил:

— Ты, согласившись со мной, тем не менее, считаешь, что чудес на этом грешном свете не бывает, так?

— Вот именно!

— Спорить с тобой, чтобы лишний раз не волновать, я не буду. Да в этом и смысла никакого нет! Потому что я хоть и крещенный в православии, в глубине души, как наши далекие незабвенные предки, продолжаю оставаться язычником, свято верящим в такие природные явления, как солнце, вода, лес, глубоко почитающий их, преклоняющийся перед ними, и всегда, прежде чем обратиться к ним за помощью, следуя известной в народе поговорке: «На Бога надейся, а сам не плошай...» Но в этот раз хочу прочитать тебе строчку поэта Александра Твардовского: «...Речь не о том, но все же, все же, все же...» — И, прочитав, добавил: — Надеюсь, теперь тебе, моя дорогая, все, мною вышесказанное, настолько хорошо понятно, что любые комментарии излишни... Или все-таки по какой-то причине продолжаешь оставаться озадаченной?

Мария, не задумываясь, в ответ лишь нервно промолвила:

— Понятно-то понятно, только, знаешь, блажен, кто верует!..

Но в ее последних словах уже не было той категоричности, того глухого протеста, что ли, из-за которых Анатолий Петрович, едва остыв от производственных забот, дел и треволнений, поздно вечером возвращаясь по душной и пыльной дороге домой, иной раз без особого оптимизма, а, наоборот, с тяжелой грустью на душе смотрел на их совместное будущее. И он, нежно поцеловав жену в лоб горячими губами, словно укрепляя ее в значимости всего им сказанного, с заметным облегчением вздохнул всей грудью. На протяжении последнего времени собирающиеся тучи неясности в отношениях с любимой, словно плотные, темные облака, разгоняемые вешним напористым ветром, сначала стали понемногу розовато светлеть, а потом и вовсе расходиться по небосводу души, словно освобождая место для яркого, лучезарного солнца радости, которое, казалось, вот-вот должно начинать всходить все выше и выше, освещая ярким золотым светом далеко вперед ох какой сложный, ох какой тяжкий жизненный путь!

В этот раз Анатолий Петрович, по строгой воле судьбы настроенный, как опытный механик машинного двигателя, на ритмичную, исполненную созидательной энергии, плодотворную работу всего огромного механизма совхоза, все еще продолжающего, образно говоря, как престарелый человек, болезненно кряхтя и кашляя, вставать с трясущихся колен, ежедневно вынужден был еще и бороться со своими безответственными заместителями, в первую очередь с Бахтиным и Хохловым, а также с теми пусть немногими рабочими-разгильдями, которые, вместо того чтобы в нелегкое время разделить тяжкий труд по прополке капусты со всем коллективом, трусливо спрятались по «больничным» кустам, легкомысленно надеясь без каких-либо серьезных последствий для своей дальнейшей работы отсидеться в тенечке и сытости, да еще, во что бы то ни стало, найти в себе и дополнительные психологические силы противостоять своему от природы взрывному, крутому характеру. И не только...

Простым условным уходом, пусть лишь на некоторое время, в сторону от горячо любимой женщины, несмотря на ее ярко выраженный эгоизм, который, нарочно оставленный Анатолием Петровичем без внимания, скорее всего, в большей степени и отрицательно способствовал тому душевному дискомфорту, что никак последнее время не дает покоя Марии, и из-за которого вернуть ее томящееся сердце к терпимому восприятию семейных неурядиц, может, даже и невозможно. Обязательно надо всем своим добрым обращением, в равной мере исполненным разумом и душой, и, конечно, набравшись терпения, как-то ненавязчиво, сначала расположить дорогую жену к былому доверительному общению, а потом уже и к желанию его, как мужчины, как единственного источника животворного света, жизнь без которого на этой земле для женщины вообще теряет всякий смысл. И быть

не может, чтобы он, выходявший из многих споров и противоборств торжествующим победителем, проиграл в этот раз, как бы тяжело и сложно ни складывались для него жизненные обстоятельства!

Согласившись с собой, Анатолий Петрович, тем не менее, вдруг задался вопросом, который и прежде то и дело тревожил его сознание: «А вообще, эгоизм, вернее, самолюбие, так часто в словах и поступках упрямо движущее многими людьми, что из себя конкретно представляет, как одно из основных черт характера?..» Опыт своих последних напряженных отношений с женой привел к одному лишь весьма горькому ответу: «Разрушающую силу, равно как доброе, так и плохое, у которой виноваты все, кроме нее самой!..» В таком случае волей-неволей напрашивается еще один, более сложный, чем первый, вопрос: «А вообще, человек, страстно любящий себя, способен ли по-настоящему полюбить другого?..» Задав его, Анатолий Петрович неожиданно, против своей воли ушел в глубокое раздумье... И чем больше оно длилось, тем мрачней и плотнее сдвигались его темные брови, скуластое лицо удручающе бледнело, а сердце словно захолонуло ледяной водой. Да по-другому и быть не могло, ибо он начинал все явственнее приходить к отрицательному выводу, тем более что на его основе уже и родилось что-то наподобие духовной формулы: самолюбие — есть не любви!.. А коль оно от природы, то получается, что и спорить с ним все равно, что в ступе воду толочь!

«Пусть будет так! — подумалось тотчас. — Не плыть же безвольно по бурному течению жизни! Никогда не поверю, что с эгоизмом, как с любой другой природной, пусть и разрушительной, силой бессмысленно бороться. Если не с судьбоносной целью победить ее до конца, то непременно с твердым намерением попытаться направить, словно весенний паводок, в твердое русло сознания того, что, как бы сильно ты ни любил себя, любимого, в одиночку ну никак не выживешь на этом страх как несправедливом, но за неимением другого, вынуждающего считаться с ним и идти на определенный компромисс, земном свете. К тому же любая борьба за жизнь, вернее, за любовь, прежде всего, является надеждой, а она, как известно, умирает последней... Все это, ярко, как сухой порошок, вспыхнувшее, сначала вихрем пронесшееся в разгоряченной голове, а потом и глубоко осмысленное, Анатолию Петровичу было тем легче принять, что оно, неважно в какой мере, но, без всякого сомнения, тоже относилось и к нему самому... Тем не менее, он не мог не отдавать себе отчет в том, что в семье, пусть и безоглядно созданной, Мария, со своей духовно слабой натурой подверженная впадать в растерянность, а, может, даже в панику, в самые трудные периоды жизни не в состоянии служить ему надежной опорой. А поскольку он не намерен и впредь пасовать перед судьбой, то, может быть, народная поговорка:

«Один в поле не воин...» — относится к нему, как ни к кому другому. Жаль, конечно, но не настолько, чтобы впадать в горькое уныние...

О, жизнь!.. Пусть по случаю, пусть по неожиданному стечению многих обстоятельств, но встретились два молодых человека, чтобы и боль, и радость делить пополам, жить взахлеб делами и мыслями друг друга... Но еще даже не успели завести ребенка, как правило, скрепляющего семью покрепче, чем цемент строительные кирпичи, как уже, по сути, можно честно признать, обратились в два одиночества. Еще пока не несчастных до того, чтобы помышлять о полном разрыве с горькими воспоминаниями, может, даже с чрезмерно жестоким сожалением к самим себе о решении скоропалительно, впопыхах соединиться для создания полноценной семьи. Той самой дорогой и желанной, в которой с утра до вечера переливисто звучал бы живительный смех детей, куда бы хотелось скорее вернуться с работы, в уют и тепло, созданные с душой руками любимой. И откуда бы ни возвращался, лететь в свое гнездо, словно по весне стремительная птица, на крыльях огневой любви и с умилением думать о доме своем не иначе, как о верном, крепком причале, приносящем сердцу, бьющемуся в созидательной, самоотверженной работе на разрыв, добрый покой и удовлетворение счастливым настоящим. Ну и, конечно, неистово желать приблизить будущее, ибо очень часто кажется, что самый значимый день всегда тот, который еще только предстоит прожить. О том, что вместе с этим придется как бы идти сознательно навстречу смерти на самом развороте молодых лет, даже думать не хотелось.

И все-таки, что ни говори, как ни думай, нет, и не может быть прощения человеческой жизни... Конечно, с этим она может спорить! Но, прежде чем так поступить, пусть посмотрит на длинный, многомиллионный список тех людей, которые оказались виноваты перед ней лишь потому, что матушка-природа не наделила их в полной мере крепким духом и здоровым телом! Значит, не в состоянии противостоять ей в необходимой мере, они не получили ни желаемого счастья, ни дорогой любви. Только что это все значит для нее, столь заносчивой, высокомерной, и в то же время такой удивительно неоглядной, словно косматый, взвихренный воздушными потоками космос, во всю его бесконечность засеянный, как хорошо возделанное, удобренное за многие и многие годы пшеничное поле, неисчислимыми, серебристо горящими, таинственными звездами? Комариный писк... Сорочья возня... Увы, не более... Однако не значит ли печальный надлом одного одиночества самой настоящей проверкой на умение сохранить дорогое, ставшее судьбоносным, для другого?.. Скорее всего, так и есть! В случае с Анатолием Петровичем это замечательно, ибо его сильная, можно сказать, стальная мужская натура и создана природой, чтобы в борьбе за свою

любовь познать в ней не только солнечный успех, но и осознание своей значимости как человека, для которого, в общем-то, лишь условно имеет определенный смысл слово «невозможно»...

Поздно вечером, когда они улеглись в постель, Мария, как часто делала, не повернулась к мужу лицом, не положила теплую, пахнущую гречишным медом руку, на его грудь. А, словно отгородившись толстым стеклом, лежала за ним в непоколебимом молчании. Анатолия Петровича это не удивило, ибо и раньше в тяжелые минуты их супружества она, вместо того чтобы вместе с ним пережить жизненную непогоду — ободряя друг друга добрыми словами, общаясь, размышляя, как облегчить, навалившуюся гранитной плитой судьбу, — уходила глубоко в себя, и о чем напряженно думала — только Богу одному было известно. В этот раз Анатолий Петрович о жене с грустью подумал: «Только бы не стала жалеть о выходе за меня замуж, чтобы потом, когда выяснится в полной мере моя невиновность в переплате денег бригаде Сухих, и вместе с этим неминуемо спадет то напряжение в наших отношениях, которое мы оба сейчас остро переживаем, ей не стало передо мной неловко и стыдно за свою временную слабость. Я-то точно прощу свою половинку, а вот она себя со своим самолюбивым характером — еще тот вопрос!..»

27

Звонок от начальства, вызванный началом уборки картофеля раньше установленного райкомом срока, как в душе и предполагал Анатолий Петрович, все-таки поступил, но не от Выборовой, а от второго секретаря Николая Лазаревича Унарова, курировавшего весь агропромышленный комплекс. На новую должность с инструкторской он был несколько лет назад направлен в район обкомом партии с должности инструктора. Войдя в курс своих прямых обязанностей, быстро приобрел известность тем, что со всей прямотой, искреннее с трибуны заседания партактива заявил, что многие работники сельскохозяйственных предприятий, по выходным дням торгующие на городском базаре овощами и картофелем, хотя и со своих придомовых огородов, являются, на его взгляд, самыми настоящими спекулянтами, с которыми необходимо самым активным образом бороться, тем более что, увлеченные личным обогащением, они не в состоянии с полной отдачей работать на общество!

Вскоре после того, как Анатолий Петрович был приказом министра назначен директором, его пригласил к себе Унаров, чей кабинет находился в конце здания райкома, прямо напротив первого секретаря, и хотя был намного меньшего размера, но отделан точь-в-точь, как у него. Однако

нормального общения не получилось, потому что Николай Лазаревич все говорил и говорил нравоучительные, напутственные слова, из которых можно было сделать один вывод, что партия, несмотря ни на что, оказала высокое доверие молодому директору — и его надо оправдать. Слушать это было не то чтобы обидно, но бесконечно скучно. В конце приема Унаров, наконец, задал ожидаемый вопрос:

— А вы о моем принципиальном мнении о рабочих, занимающихся в ущерб совхозному делу личным подворьем, знаете?

— Да! Из статьи, опубликованной в газете «Ленский коммунист»!

— И что на это скажете?!

Как Анатолий Петрович ни хотел в самом начале своей работы под приглядом второго секретаря портить с ним отношения, но, пересилив себя, может, не так уверенно, как мог, но все же честно ответил:

— Знаете, у меня на этот вопрос свой взгляд!

— Интересно! Какой же?!

— Во-первых, еще работая в совхозе главным строителем, я обратил внимание, что как раз те люди, которые в свободное время продают излишки сельхозпродукции, выращенной на своем приусадебном участке, хорошо трудятся на государственных полях и фермах. Можно даже смело сказать, являются передовиками производства! Во-вторых, бороться, как вы выразились, со спекулянтами не входит в директорские обязанности. Если действительно они есть, то ими должна заниматься такая строгая служба правоохранительных органов, как ОБХС!

— Спорить с вами не буду! Но все же прошу вас, Анатолий Петрович, помнить о моем сугубо важном мнении!..

— Вы хотите сказать, как в одной известной песне современного композитора Пахмутовой, — пока я помню, я — живу?!

— Вот именно!

Последними словами и запомнился разговор. Но когда секретарша сообщила, что на проводе второй секретарь райкома, сразу представился человек предпенсионного возраста, низенького росточка, с круглым и плоским, как полная вечерняя луна, смуглым, испещренным глубокими морщинами лицом, на котором по-якутски узкие, темные с белыми зрачками глаза выражали откровенную усталость. Черные как смоль и густые, слегка тронутые снежной сединой жесткие, словно конская грива, волосы, зачесанные на прямой пробор, и уравновешенно ровный, чуть хриловатый голос. Им-то после ответа на приветствие и обратился к Анатолию Петровичу второй секретарь:

— Тут на вас некоторые наши товарищи жалуются, мол, своевольничаете, не успели как следует поработать директором, а уже удельным князьком себя чувствуете...

Услышав такое начало разговора, молодой директор не удержался и вежливо перебил Унарова:

— Пожалуйста, извините, но я, кажется, знаю фамилии своих недоброжелателей! В связи с этим расскажу вам то ли притчу, то ли анекдот... — И, не услышав возражений, весело продолжил: — Однажды на собрании партийно-хозяйственного актива один старый, заслуженный коммунист, защищавший советскую власть с винтовкой в руках и с пламенной верой в коммунизм еще в Гражданскую войну, а потом не менее активно и в Отечественную, уже давно убеленный почтенной сединой, с многочисленными орденами и медалями на груди, в своей пламенной речи сказал, что в зале сидят очень много товарищей, которые нам совсем не товарищи...

— А что, он по-своему прав! И такое бывает! — вполне серьезно, словно не поняв в рассказе молодого директора явной иронии, простодушно заметил Николай Лазаревич. И против ожидания не строго, а по-доброму выразил свое мнение о «самоуправстве» Анатолия Петровича: — Только я считаю, что вы, так сказать, не зная брода, не полезете сломя голову в воду, поэтому просто мне, как старшему товарищу, ответьте: решение начать уборку картофеля раньше нами установленного срока приняли с глубоким пониманием всей меры строгой ответственности в случае хоть малой неудачи?

— Так точно! — по военному ответил Анатолий Петрович. — Да у меня и другого выхода из-за запоздалого созревания капусты не было! Согласен, что я в определенной степени рискую, но, верю, оправданно, да и все же с некоторой оглядкой!

— Слышал, слышал: борщовый продукт в вашем совхозе в этом году, как ни у какого другого директора, уродился на зависть!.. Это в нынешнем неурожайном году дорогого стоит! Только смотрите, примите все необходимые меры — не дайте добру под снег уйти!

— Хорошо!

— Ну, тогда действуйте!

— Слушаюсь!

Взятые темпы уборки картофеля исключительно своими силами надо было не только поддерживать, но с каждым днем все увеличивать и увеличивать. И Анатолий Петрович вновь с головой ушел теперь уже в организацию работы во всех своих пяти отделениях, с учетом прибывших первого сентября учащихся городского профессионального технического училища и рабочих из шефствующих над совхозом организаций.

А следователь Зайцев, то ли потому, что у него никак не находились весомые доказательства, позволяющие предъявить обвинение в полном объеме и в строгом, установленном законом, порядке, то ли они в самом

деле накопились в достаточном количестве, но ему хотелось, как говорится, уж стукнуть по столу со всей, свойственной своему характеру, большой силой, тем не менее, все не звонил и не звонил Анатолию Петровичу, словно с пониманием откликнулся на его просьбу, весомо продиктованную производственной необходимостью. Но четкое сознание того, что в любое время можешь быть вызван на допрос и он, будь неладен, может закончиться очень для тебя, увы, печально, несмотря ни на что, по-прежнему вдохновляло молодого директора отдаваться порученному делу так, как будто жил последний день.

Да и как иначе, когда, установившаяся в самом начале осени сухая погода, продолжала радовать сердце погожими деньками. В конце лета и так дожди не очень-то досаждали, а теперь и вовсе в высоких небесах — от края до края! — синела пронзительно чистая лазурь, от яркого солнечного света вспыхивая мелкими, едва видными, но блескуче серебряными искрами, лишь по самым краям несмело курилась бело-розовая дымка, да на горизонт выплывали белые, как первый снег, и мягкие, словно вата, кудрявые облачка. В красавице Лене и вбегающих в нее больших и малых реках, из-за почти полного безветрия казалось, что вода не текла, а стелилась гладко, как витринное стекло, глубоко отражая высокое небо, и тоже горела искрами, только частыми и золотыми! От резкой перемены температуры по ночам, к утру над озерами, болотами и в луговых низинах клубился, с первыми лучами поднимаясь все выше и выше, белесый, плотный туман, предвещая грибникам удачный сбор осеннего лесного дара. Как обычно бывает на Севере, березы с кленами и тополями за несколько дней, словно веселые модницы-девушки сменили летние платья на осенние — и теперь вовсю по всей неоглядной, дремучей тайге горели желтыми кострами. А боярышник и рябины — темно-красными, но так ярко, что алые гроздья ягод почти сливались с их листовым рыже-красным фоном.

Сколько раз по утрам, как бы Анатолий Петрович ни спешил на работу, он все же успевал восхищенно полюбоваться природной красотой, которая порой так сильно напоминала о грибной и ягодной страсти, присущей ему от рождения, что иной раз хотелось убежать с лукошком в тайгу, чтобы в полной мере ощутить непередаваемое чувство радости — нет, даже счастья! — вызванное обычным прикосновением к черной, насквозь светящейся, как балтийский янтарь, смородине, к белому грибу с темно-коричневой шляпкой, влажной от росы и потому матово отливающей, потаенно выглядывающей из низкого, но ох какого густого мха! Сознание невозможности этого, по крайней мере, сейчас или хотя бы в ближайшее воскресенье, пусть не это, так другое! — погружало душу, как в морскую глубину, в щемящую, словно кричащую, грусть.

И пересиливая себя, тяжело вздохнув, Анатолий Петрович переносился мыслями ко всем неотложным производственным вопросам уборочной кампании, не ответить на которые сполна, значило бы, к глубокому огорчению, не быть собой. От него требовалось, во чтобы то ни стало огромный маховик уборочных работ раскрутить, да такой мощи и скорости, которые бы позволяли и без директорского вмешательства во всем совхозе к намеченному заранее пятнадцатому сентября — концу бабьего лета — закончить и закладку семян, и отгрузку в полном объеме потребителям второго хлеба... И, хотя к этому ценой больших усилий удавалось идти все успешней и успешней, все равно сбои в копке картофеля нет-нет да и давали о себе знать: то в одном отделении неожиданно заканчивалась мешкотара, то в другом — подумать только! — в течение одного дня вышло из строя более половины комбайнов, а нужных для ремонта запчастей не оказалось, то в третьем — автобазы-смежники сбились с графика поставки грузового транспорта, а в самом дальнем, четвертом, — Беченчинском — сельские строители все никак не могли сдать в эксплуатацию новое овощехранилище.

И Анатолий Петрович поневоле должен был вмешиваться в решения всех возникавших и возникавших проблем. А тут еще, словно не понимая важность уборочной, если не в райком, то в райисполком вызывали на заседания, пусть и по важным делам, таким как подготовка котельных и теплотрасс к зимнему сезону, — и на них, оставив все дела на главного агронома Кокорышкину, приходилось ездить по дороге, с каждым днем все больше разбиваемой машинами, перевозящими сельхозпродукцию из совхоза в город. Как бы разумом ни понималось, что районное руководство по-своему тоже право, все равно душу охватывало глубокая жалость по как бы впустую потраченному времени, усиливающая сознание, что у себя в совхозе еще летом, как надо, подготовились и зимнему содержанию скота, и к самым жестоким морозам вообще, как и должно быть у доброго сельского хозяина, строго следующего народной поговорке: «Сани делай летом, а телегу — зимой!»

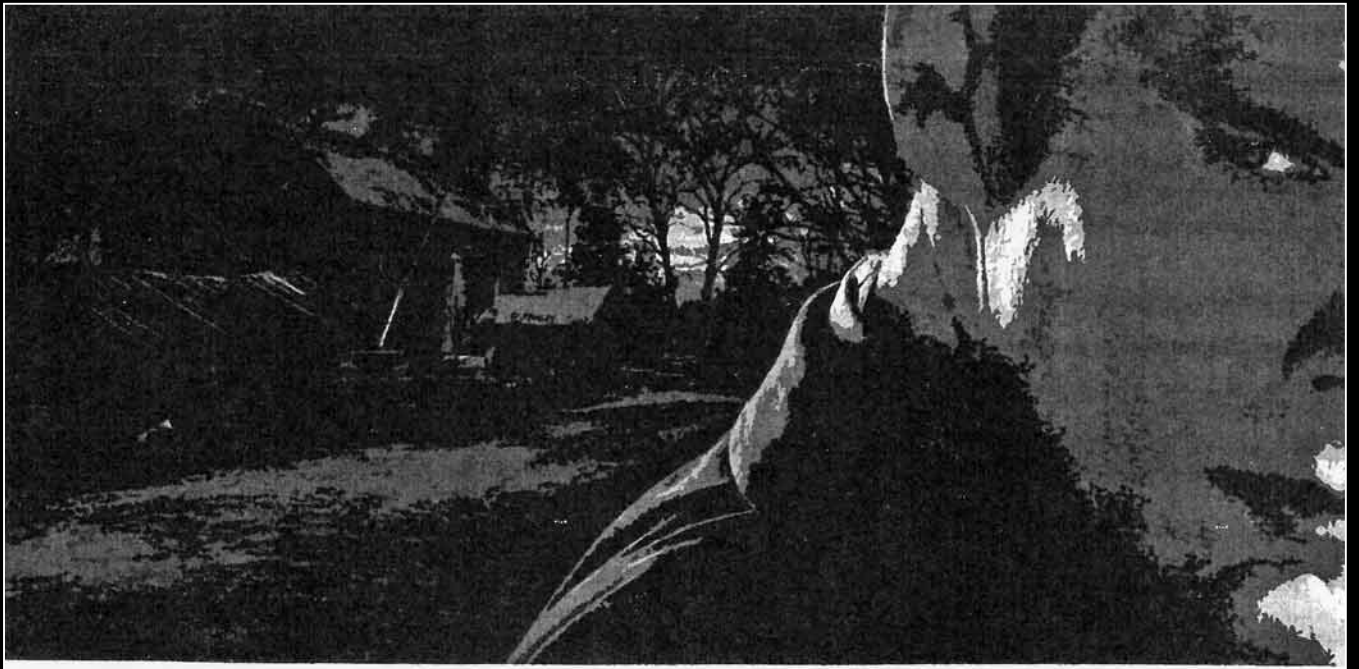
Днем, увлеченно занятого по горло все большим и большим раскручиванием маховика всего комплекса уборочных работ, Анатолия Петровича не досаждали мысли об уголовном деле, о своенравном следователе Зайцеве. Но ближе к ночи, возвращаясь из очередной поездки в одно или другое отделение, он слегка обижался на Марию, что, не дождавшись его, она спала, во сне разметавшись по постели. Но тотчас находя оправдание ее страшной усталости — ведь порой ей тоже приходилось задерживаться на работе до глубокого вечера, выкладываясь духовно и физически сполна, — Анатолий Петрович, представленный женой самому себе, как бы ни был утомлен, снова и снова задавался вопросом: в чем же он ошиб-

ся, в чем?!.. Но чем упорней искал ответ, тем больше убеждался, что заработная плата, оговоренная договором, была определена в полном соответствии со всем объемом строительства. Но ведь и строгая комиссия не могла наломать дров, — слишком большая ответственность была возложена на нее! Опять же объявленная Зайцевым переплата не из воздуха же взялась! Значит, все-таки она каким-то пока неизвестным образом на самом деле произошла! Невозможность объяснить себе природу ее возникновения порой приводила даже в отчаяние, а то и в бешенство. Уже самому хотелось, чтобы, как можно скорее, вызвал следователь — пусть бы предъявил конкретное обвинение, но ведь вместе с ним и перестала бы мучить жестокая неизвестность!

А тут еще, казалось бы, ни с того, ни с чего, первая жена Зинаида, больше года не дававшая о себе знать, по телефону, через секретаршу, передала просьбу о том, чтобы он, как можно скорее, приехал к ней по очень важному делу. Узнав об этом, Анатолий Петрович пришел в недоумение: «Чего еще ей надо от меня? Уходя из семьи, вроде все, что мог — и двухэтажный с мансардой дом, и личные сбережения — оставил ей. А когда Зинаида намекнула о примирении, вежливо и спокойно, вместе с тем твердо, без каких либо надежд на понимание со своей стороны, пояснил, что между ними, как бы она ни продолжала его сильно любить, ничего, кроме нормальных человеческих отношений, быть не может. Но ведь ее желание встретиться вполне могло основываться и на болезни, — ведь она, зная о нашей мужской крепкой дружбе, завязавшейся еще в юности, с главным врачом городской поликлиники, скорей всего, и решила обратиться ко мне за помощью...»

Недоумевать можно было сколько угодно, но лучше — как бы ни хотелось, исходя из тех же человеческих отношений, о которых сам говорил при тяготящем душу расставании, откликнуться... Единственное, что смущало, — это сомнение: удастся ли убедить Марию, от природы имевшую чрезмерно ревнивую душу, в необходимости встречи с первой женой? Но, решив, что, вернувшись от нее, он честно, как на духу, расскажет, нет, даже слово в слово, передаст причину просьбы Зинаиды, а там — будь что будет, Анатолий Петрович выехал ни свет ни заря в город. Может быть, потому, что к этому времени во всех отделениях совхоза копка картофеля подходила к концу, или из-за того, что вконец надоело ночами до боли в темени думать о плохом, которое в любой день, пусть ожидаемо, но все же неприятно могло грянуть от следователя Зайцева, настроение у Анатолия Петровича, как летнее небо в погожее утро, было светлое, даже лучистое. □

Продолжение следует.



Белый лебедь

Чтобы поверить в добро, надо начать его делать.

Лев Толстой

ГЛАВА 1

Сергей Северов мчался на велосипеде, легко и радостно преодолевая крутые виражи швейцарских горных тропинок. Дух его захватывало от внезапно открывающихся величественных пейзажей заливных альпийских лугов. Сергей неожиданно вспомнил городскую жизнь. «В Москве кажется, что кроме автомобильных пробок другой жизни не существует. И бредешь ты часами на "мерседесе" со скоростью старого плешивого ослика, и радуешься, что ты хозяин жизни с неограниченными возможностями. Ан, нет, все это — сплошной обман. Ты всего лишь ряженный в крутые аксессуары смешной раб цивилизации. Ни влево, ни вправо. Плетись по течению дорожной реки. Работай, жри, пей, спи, чванливый клоун. А глотка горного воздуха тебе в Москве не купить ни за какие деньги. Восход солнца в горах тоже не купить. Дурацкую радость от утреннего пения птиц, беспричинный смех от пьянящего ароматами луговых трав воздуха — тоже фигушки. Бабок нет таких, чтобы миг счастья купить. Все покупается в Москве, а счастье — нет...»

За Северовым, еле успевая, недовольно морщась и бурча что-то себе под нос, крутил педали мужчина лет сорока, уже изрядно полноватый, но сохранивший остатки бывшего атлетического телосложения. Это — охранник или, скорее, телохранитель Степа. Его лицо было простым и незаметным, как у профессионального разведчика, и небольшие, хитроватые, слегка мутные зеленые глаза выдавали в нем крестьянское происхождение.

Сергей обернулся и, заметив комичность Степиного выражения лица, невольно улыбнулся: «Сколько лет мы вместе... пять? семь? Да нет! Пожалуй, больше десяти. Интересная должность — хранитель чужого тела... Жить, чтобы хранить чужое тело. Значит, твоя жизнь ничего не значит. Получается, ты родился всего лишь для того, чтобы охранять жизнь другого человека. Ну, нет! Степа, конечно, для меня больше, чем телохранитель. Степа — это преданность и мужская любовь... Чушь! Ни мужской, ни женской любви не бывает. И Степка, Степушка, Степашка предаст меня при первой же возможности. А может, и не предаст? Нет, предаст! Все измеряется деньгами. Плачу Степушке "бабла" много — вот и любит. Перестану платить — как и любой другой, сдаст за милую душу. Все люди либо ленивые кретины, либо продажные твари. Притворяются благородными, а на самом деле все хотят только денег... Никому верить нельзя. Даже себе... Вот и профессор Клаус... Вчера пригласил на выступление самодеятельного мужского хора из чокнутых швейцарцев. Да еще попросил меня спеть. Обещал, что что-то там во мне откроется... Пусть скажет спасибо, что пошел слушать эту богдельню. Действительно, а зачем я пошел? Да пообещал сдуру — вот и пошел. Я слово свое всегда держу, да и любопытно увидеть, как пять миллионов, дворник, водитель, массажист, садовник и повар вместе песни поют. Спрашиваю профессора: "Вы — всемирное светило. Вы — богатый человек. Зачем вам петь, да еще с этими недоносками стоять рядом?" А он давай втирать мне: "Пение — это разговор с Богом, а перед Богом все равны. Пение исцеляет души..." Сумасшедшие люди! Конечно, профессор столько от меня "бабла" скачал, что ему петь от счастья хочется, с Богом общаться. А Бог-то, получается, — это я».

— Шеф, вам надо на гонках выступать, — прервал размышления Северова Степа. — Я не могу, шеф, так быстро. Я ведь по другой части у вас работаю. Я самбист, а не велосипедист. Завтра вы на дельтаплане полетите, и мне за вами? Контрактом смертельные риски от экстрима не оговорены.

«О контракте вспомнил. Как "бабло" получать ни за что на отдыхе в Швейцарии, так контракт не вспоминает, а как на велосипеде прокатиться с шефом, уже перенапрягся», — зло подумал Сергей.

Они подъехали к обрыву и остановились. Прямо перед собой Северов неожиданно увидел завораживающую картину природы, написанную гениальной кистью Всевышнего. Через ущелье, в ярко освещенном осенним солнцем пейзаже, сияло все великолепие непередаваемой палитры осенних красок — от ярко-красного до настоящего золотого перелива. Деревья и кустарники, эти «дети леса», были расположены в такой стройной гармонии, что казалось, будто кто-то специально разместил их на этом природном полотне, чтобы показать всему человечеству, что такое земная красота.

Внезапно сильнейший порыв ветра в один момент сорвал с деревьев листья и, подняв их в небо, заслонил этим пестрым полотном солнце. Это был миг сказочного озарения осени, ее прощания и подготовки природы к новому этапу своего земного цикла — к зиме.

— Ладно, Степа, сворачиваем к клинике, — скомандовал Сергей, невольно вдохнув всей грудью чистый горный воздух, и улыбнулся от внезапно пережитых ярких эмоций общения с таинством природного явления.

Велосипедисты весело помчались вниз с горы по узкой тропинке, по золотому ковру из листьев к красивому, похожему на средневековый замок трехэтажному особняку с окошками, весело наряженными цветниками, и ярко-красной черепичной крышей...

— Шеф, а, шеф, вас сопровождать? — вяло спросил Степа, услужливо открывая дверь в клинику перед Сергеем.

— У входа жди. Расслабься! И не изображай из себя Рэмбо. Я денег никому не должен, так что жизнь моя в полной безопасности... — Сергей зачем-то остановился и внимательно посмотрел в мутные глаза охранника.

— А хулиганы, шеф? Опасности надо бояться, пока она не пришла.

— Это мудро, — с улыбкой согласился Северов.

— Согласно статистике, опасны обыкновенные подонки и отморозки. Но вы, шеф, сами кого угодно с первого удара, — оправдывался телохранитель, мгновенно меняя выражение лица с грозного на смиренное.

— Степа, все хулиганы здесь — только больные швейцарские пенсионеры и еще два опасных придурка.

— Что за придурки? — напрягшись, стал оглядываться Степа.

— Мы с тобой, Степа. Так что не парься. Стой здесь и не выслуживайся, зарплату все равно не подниму. — Сергей дружелюбно хлопнул по плечу телохранителя, но с такой силой, что тот, не удержав равновесия, пошатнулся.

— Я и не надеюсь, шеф. Для меня главное не деньги, а ваша безопасность, — делая обиженное лицо, произнес охранник.

— Ты, Степа, хохол, и для тебя деньги главное. Поэтому я тебе и доверяю. Плачу и доверяю. Знаешь историю, как два хохла поспорили на десять долларов, кто дольше пробудет под водой?

— И что? — с живым интересом спросил Степа.

— Да ничего. Оба утонули.

Только спустя два часа Сергей вышел от врача. Он был бледен, и от этого выглядел как-то по-особому торжественным и даже помолодевшим.

— Все в порядке, шеф? — осторожно поинтересовался Степан.

— Все в полном порядке, Степа. Начинаем жизнь заново.

— Значит, вы здоровы?

— А как же! Лучше десять раз тяжело заболеть, чем один раз легко умереть, Степушка. Не зря я столько «капусты» здесь оставил. Говорили мне, что эта клиника — самая правильная в мире. Все в этой жизни решают, брат, деньги. Деньги и Бог. Но Бога за деньги тоже можно уговорить грехи скостить. Церквушку деревянную в селе Верхние Пятки построил — и ты снова святой. Можно дальше с девчонками зажигать...

— Я анекдот знаю, — неожиданно перебил шефа Степан. — Новый русский попал в ад и говорит: «Апостол Петр! Вы перепутали. Я «бабла» кучу отдал на два детских дома, на пять храмов, а вы меня в ад. Это ошибка!» Достали распорядители небесной канцелярии записи, посмотрели в них и говорят: «Все правильно. Два детских дома построил, пять храмов восстановил. Деньги мы вам вернем, но, к сожалению, вам в ад».

— Пошлый анекдот, — недовольноотреагировал Сергей и восторженно продолжил: — Великая швейцарская медицина! Я здоров! Сегодня на радостях напьюсь.

— Ну, шеф, вы титан! Любую проблему на раз, — искренне восхитился Степа.

— Ладно, хватит болтать. Собираемся. Завтра улетаем, — тоном, не терпящим возражений, произнес Северов.

— Заказываем борт на утро? — бодро включился в работу Степа, хватая свой мобильный.

— Ты что, меня не слышишь? Новая жизнь! Хочу чудить! Полетим, как все.

— Берем «бизнес», что ли? — недоверчиво спросил с глуповатой улыбкой Степан. Он был уверен, что шеф его, как обычно, просто разыгрывает.

— Нет, я не шучу. Полетим... как его называют — ну, самый простой тариф?

— Ну, «бизнес», шеф, и есть для вас самый простой. «Бизнес» для вас простой, как велосипед. С народом можно пообщаться... — подсказал Степа.

— Мозги мне не пудри. Куража хочу! Экстрима желаю! В «экономе» полетим. Клоунов живых видеть хочу! Доктор сказал — мне радости в жизни не хватает.

Самолет уверенно набирал высоту. Салон экономкласса был полон пассажиров и готовился к привычной дремоте. Северов напряженно вспоминал, когда он последний раз летал в «экономе», и не мог вспомнить. Последние пятнадцать лет жизни он даже не произносил слова «эконом-

класс». Кстати, экономить Сергей любил на всем, только не на охране и не на себе. Охрана может предать. А предают, когда мало платят. Себя бизнесмен безмерно любил, без ограничений окружал всяческими житейскими ласками комфорта и упивался ими.

Сергей давно отделил себя от смертных людей особыми стандартами жизни, которые делали его, как он всем говорил, Человеком Мира. Частный самолет, двухпалубная яхта, охрана, VIP-клубы... Это была его жизнь, где он был королем желаний. Иногда он придумывал себе новые мечты: купить остров вместе с людьми и создать собственное новое государство, где он будет править подданными, или, например, создать на этом острове лекарство от бессмертия... А пока здесь, в Швейцарии, каждые три года Северов получал инъекцию бессмертия, которая, по заверению светил медицины, замораживала механизм старения, а, возможно, даже давала шанс достигнуть бессмертия... Это была вытяжка из эмбриона ягненка. Управлять здоровьем и жизнью легко, уверяли швейцарцы. Но в этом году произошло непредвиденное...

— Шеф, я снова выиграл. Третий раз! — радостно, как ребенок, воскликнул Степан, показывая козырного туза.

— Дурацкая игра, — недовольно произнес Сергей и брезгливо отбросил карты.

— Она так и называется, шеф, «дурак»! — подтвердил довольный охранник, беря с кона бумажку в сто евро.

— Понимаешь, Степа, ты зря радуешься. Ты, играй — не играй, а все дураком по жизни будешь. Вот сам и играй в эту игру дурацкую, она — твоя фирменная.

— Да вы же сами, шеф, предложили сыграть в «дурака», а теперь всех собак на меня. Я же не виноват, что мне везет...

— Тебе везет? Тебе везет, что ты, дурак, при мне живешь и ешь мой хлеб с черной икрой, отдыхаешь на халяву в Швейцарии. — Сергей не на шутку разнервничался от проигрыша и язвительно завершил: — Дуракам везет, Степа.

— Вы не могли бы немножко подвинуться? — робко произнесла девушка в красном костюме, сидевшая рядом.

Только сейчас Сергей обратил на нее внимание. Он по привычке развалился в кресле так вальяжно, что незнакомка вынуждена была придвинуться всем своим хрупким телом вплотную к иллюминатору.

— Извините, — грубо выговорил Северов и слегка отодвинулся от нее.

— Ничего страшного, — приятным мелодичным голосом ответила девушка.

«Развалилась, клоунесса», — зло подумал Сергей, но непреодолимая магия голоса девушки заставила его еще раз взглянуть на нее. Она была хороша собой. Особенно поразили его огромные, как у инопланетянина, наивные, светящиеся как-то по-особому, изнутри, голубые глаза. Глядя в них, бизнесмен как будто неожиданно провалился в какой-то мир глубины, неведомый доселе. Он с большим трудом отвел свой взгляд от ее глаз, впервые почувствовав, что хотел бы смотреть в эти глаза всю жизнь, просто смотреть, и все. Это было странное чувство блаженства, длящееся секунду, минуту, целую вечность. Взяв себя в руки, Сергей решил отомстить девушке за свою неожиданную слабость и нарочито развязно спросил:

— Как тебя зовут?

— Вера, — ответил магический голос. — А вас?

— Надежда, — зачем-то глупо пошутил он.

— А меня зовут Любовь, — с пошлой улыбкой вставил телохранитель.

— Вы шутите с Надеждой и Любовью, — проворковала серебряным голосом девушка и грустно улыбнулась: — Учтите, они не прощают насмешек над собой.

Сергей почувствовал неприятный озноб от ее слов и зачем-то начал оправдываться:

— Я мечтал бы, чтобы меня так нарекли: Надежда или Любовь. Почему женщины имеют привилегии и узурпировали Веру, Надежду и Любовь? Это несправедливо.

Он пытался вернуться в привычное для себя уверенное, развязное состояние, нагнетая в себе циничные мысли. «В моем самолете, на диване, ты бы за два часа полета узнала, что значит настоящая любовь, дуреха». Взгляд его неожиданно упал на дышащую привлекательным теплом юную грудь девушки, и сердце от волнения учащенно забилося.

— Я не понимаю, почему вы думаете о людях так цинично? — произнесла девушка, накидывая на плечи палантин.

Сергей растерялся: «Она читает мои мысли?! Нет-нет, это просто совпадение!»

— Чем вы занимаетесь? — неожиданно спросил он.

— Я — врач-кардиолог, — ответила Вера и слегка покраснела.

— Сердце, тебе не хочется покоя... — пропел Степан, протягивая шефу виски.

— Девушке налей, балбес! Ох, Степа, дурачок, сколько тебя учить? — властным тоном проговорил Сергей. Он любил унижать подчиненных на людях, возвышаясь тем самым над ними до небес.

— Я не пью спиртного. Пьянство — это добровольное сумасшествие, — спокойно произнесла девушка.

— А вот в некоторых религиях Японии считается, что алкоголь вызывает откровение, а откровение — это и есть Бог, — заметил Северов и залпом осушил бокал.

— Я пью только вино, которое делает моя бабушка. Оно действительно вызывает откровение.

— Виски — то же вино, дает откровение и смелость, — глупо пошутил он.

— Каждый делает то, что диктует ему его душа, — покачала головой Вера и отвернулась.

— Смотрите, как швейцарец нас разглядывает, — неожиданно сменил тему Степа.

Сидевший в кресле с правой стороны пожилой мужчина в типичном для швейцарцев клетчатом пиджаке действительно пристально смотрел на них, не отводя глаз.

— Как объяснить тупым швейцарцам, что для нашего человека одна бутылка виски нормально, две много, а три мало? — засмеялся охранник.

Сергей заметил мимолетный взгляд девушки, брошенный в его сторону, и его неожиданно кольнула ревность: «Опять Степка при новой красивой девчонке, а шеф на бобах. Девки, они философию не любят. Они любят простоту и конкретность. Наливай — люблю. Молодцы! Мастерски девки мыслят и живут. Товар — деньги — товар. Недаром мне сын говорит, что у современных девушек женихи проходят тщательный кэш-контроль».

— Степан, вы не правы, они не тупые, они просто другие. Каждый человек красив по-своему, — возразила Вера.

— А я тоже красив? — сухо спросил Сергей.

— Я пока не вижу вашу красоту. Вы — как гадкий утенок. Пока еще не стали белым лебедем, но обязательно должны им стать, иначе... — замялась девушка.

— Что иначе, договаривай, — растерянно произнес бизнесмен и снова почувствовал дрожь по всему телу.

— Иначе вы умрете, — тихо произнесла она и замолчала.

— Ты че, Верка, от запаха виски уже аллергия в мозг стукнула? Нашла утенка! Шеф бессмертен! — агрессивно напал на нее Степан.

— Помолчи! — перебил охранника Сергей. — А ты договаривай, коль начала, — обратился он к девушке.

Вера повернулась к Сергею, и их взгляды встретились.

— Красота — это гармония человека. Красота — это когда из человека потоком струится необыкновенная, только ему свойственная музыка любви. Ты ее не слышишь, но ощущаешь каждой клеточкой своего тела.

Снова провалившись в океан ее голубых глаз, Северов не мог выдавить ни слова.

— А из меня не льется музыка любви? — съязвил Степа.

— Нет, — сухо ответила Вера. — Вы, Степан, пытаетесь быть сильным, а происходит наоборот. Вы слабы и пошлостью делаете себе больно. Вы скоро останетесь без души. Ее у вас совсем мало осталось. — Затем она внимательно посмотрела на Сергея и спросила: — Вы довольны поездкой в Швейцарию?

— Да нет, мы дедушку ездили хоронить, — зачем-то солгал Северов, глядя в свой пустой бокал. — Думал, что получу наследство, а оказался без денег. Я ведь сторожем на овощехранилище работаю. Летим с братом домой. Последние деньги на билеты истратили. Как жить, и не знаю. — Он чувствовал себя во власти девушки и врал из чувства сопротивления, пытаясь вырваться из плена, врать, юродствовать, но вырваться из странного подчинения этим глазам.

— Сергей, зачем вы все это мне говорите? — снисходительно заметила Вера.

— Стоп! — неожиданно перебил шефа Степан. — А откуда, шеф, она знает ваше имя?

Северов не мог понять, что происходит с ним, и откуда эта девушка имеет столько власти над ним.

— У вас такое молодое лицо, а вы седой. И глаза у вас красивые, голубые. Вы обязательно должны постараться стать белым лебедем, — мягко произнесла Вера.

— Белым лебедем, говорите, должен стать? — Сергей о чем-то задумался, а потом с грустью добавил: — Гадкий утенок — это похоже на правду. Меня так мама часто шутя называла. Я игрушки по квартире разбрасывал и рисовать любил так, что все обои разрисовывал... Как вы узнали мое имя?

— Вам нужно стать белым лебедем, — повторила Вера и, улыбаясь, с иронией спросила: — И как же вы в Москве жить собираетесь без денег?

— Ума не приложу. Хоть вешайся... Придется пешком из аэропорта шлепать до Балашихи. Мы там в общежитии живем, — зачем-то сделал скорбное, жалкое лицо Северов.

— Самоубийство — это грех. А вы этим занимаетесь многие годы, — с сожалением проговорила девушка, и у Сергея неожиданно закружилась голова. — Я вот здесь сэкономила из своих командировочных немного... Возьмите, — протянула она ему сто франков. Глаза ее пристально смотрели в глаза бизнесмена, и ее властный взгляд стал проникать внутрь его души и блуждать там, больно освещая все ее темные, затаенные уголки.

— Ну, шеф, девка зажигает! — восхитился Степан.

Сергей усмехнулся, небрежно взял купюру из Вериных рук и сунул ее в карман брюк. Его внезапно снова охватил озноб. Он закрыл глаза и провалился в странный сон. Ему снилась мать. Она вела его за руку по узкой горной тропе, а вокруг была равнина, и пели райские птицы. Сергей чувствовал, что ему не больше пяти лет, но он почему-то намного выше матери. Он дышал каким-то густым вкусным воздухом, и ему казалось, что, если бы мама не держала его за руку, он бы улетел на своих крыльях. Он их не видел, но был уверен, что может летать. «Осторожнее иди по тропинке судьбы, сынок! Ты близок к обрыву». Тропинка становилась все уже и уже, а с двух сторон вместо равнины его стали окружать страшные ущелья, которые как будто сжимали тропинку. Наконец она совсем исчезла. Дальше нужно было уже лететь или падать в пропасть. «А где мама?» — испугался Сергей. Ее не было рядом. Он боялся лететь, но еще больше боялся упасть в пропасть. Неожиданно откуда-то появились крылья, и Сергей полетел. Но пролетел он немного: пошел сильный ливень, и крылья промокли. Он обернулся в поисках места, куда можно опуститься, но ничего не нашел и стал стремительно падать в пропасть. Мамы не было, но вдруг послышалось ее пение — она напевала какую-то песенку из его детства. И хотя тропинки Сергей так и не нашел, спустя мгновение он понял, что, мокрый, но целый и невредимый, стоит прямо перед пропастью. «Это мама снова меня спасла»...

Самолет шел на посадку. Северов открыл глаза и почувствовал, что рубашка его насквозь мокрая от пота.

— Как спалось, Надежда? — спросила, улыбаясь, Вера и снова настойчиво повторила: — Помните, вам необходимо стать белым лебедем.

Сергей никак не мог отойти от странного сна и молчал. Ему было очень холодно.

— Надежда всегда в России спит хорошо. Так спит, что ее никто не видит и не слышит. Нет Надежды в России, и Любви нет, и Веры не стало, — философствовал Степан. — А я все переживал за вас, шеф. Вы, когда спали, от вас такой холод шел, как будто вы, простите... умерли. И дышали так тихо... Я вас и пледом накрыл. Очень странно вы спали, шеф... — с испугом произнес он и обратился к девушке: — Вера, а вы мне свой мобильный оставьте. Я вам позвоню.

Сергей отметил, что Степа перешел с девушкой на «вы».

— А у меня нет мобильного телефона. Он мне не нужен.

— Как не нужен? — удивился Степан.

— Я всего лишь врач. Позвоните, когда приедете, дежурной санатория и спросите Водицыну Веру. Меня сразу найдут, — и она протянула Степе записочку.

Северов сидел мокрый от пота и подавлено молчал. Ему вдруг снова стало не по себе, страшно и холодно. «А может, я действительно мертвый?..» — с ужасом подумал он.

ГЛАВА 2

Утренняя Москва встретила Северова проливным осенним дождем. Водитель молча вел послушный «мерседес» домой, на проспект Вернадского. На переднем сиденье развалился довольный собой и жизнью Степан и важно командовал по рации охранниками из машины сопровождения.

— «Первый», через сто метров уходим направо. Как слышишь?

«Странные типы эти охранники. Игруют в войну, как дети, а если что посерьезнее, наверняка бросятся драпать врассыпную...» — подумал Сергей, зевая. Он решительно пытался забыть утренний полет, странную девушку, странный сон с мистической мокрой рубашкой.

Было восемь часов утра, и, чтобы не будить домашних, Северов открыл дверь своим ключом. На цыпочках прошел в свой кабинет, аккуратно снял еще влажную рубашку, раскрыл чемодан, достал подарки, купленные всем членам семьи, и, вновь почувствовав какой-то странный холод в груди, отправился в ванную, чтобы принять горячий душ, согреться и расслабиться. Надев после душа домашний теплый халат, он зашел в парадный зал, украшенный коллекцией картин Рериха. Как долго его здесь не было! Здесь все до мелочей и до боли знакомо, но почему-то все казалось чужим. Даже любимый рояль встречал хозяина холодно и молча, с достоинством сверкая бежевым лаком и элегантностью короля инструментов. Сергей прошел в спальню. На кровати, по-детски свернувшись калачиком, спала его жена Тамара. Он посмотрел на нее отчужденно, как на незнакомого человека. Даже во сне, без макияжа, она была очень красива. Несмотря на свои сорок лет, Тамара выглядела на тридцать, и это была победа либо мировой косметологии, либо хорошей генетики, либо того и другого вместе. О возрасте могла говорить лишь небольшая полнота фигуры, но и она придавала женщине особое очарование. Ее правильные черты лица слегка портили лишь узкие губы, хотя именно они в полной мере отражали волевой и жесткий характер Тамары. «Сейчас я поцелую ее, как прежде, утону в жарких объятиях, как это было в юности, и холод

уйдет из души», — подумал Сергей и чмокнул жену в щеку. Неприятный, жуткий холод обжег его губы.

— Привет! Я еще поплю? — сквозь сон прошептала Тамара.

— Спи, — тихо шепнул Сергей и отправился на кухню. Душ и махровый халат не смогли согреть его, захотелось немедленно выпить коньяку. Может, старый добрый коньяк обдаст теплом душу, и, как прежде, этот дом оживет смехом детей, радостью встречи с возвратившимся после лечения отцом. Сергей медленно выпил половину бокала ароматного напитка, подождал, когда тепло начнет мягко струиться по кровеносным сосудам, заел лимоном с кожурой и осторожно, на цыпочках, вошел в комнату старшего сына. «Коля такой взрослый в свои двадцать и такой еще ребенок по восприятию мира», — подумалось ему. Сын спал спокойно, чуть посапывая, широко раскинув свои длинные тощие руки. Вещи в комнате были, как всегда, разбросаны с вызывающей небрежностью. Неопрятность всегда раздражала Сергея в людях. Он всегда был уверен, что успех личности начинается с порядка. Этому его научили в военном училище, этому он старался следовать всю жизнь и требовал того же от подчиненных. Но в детях стремления к порядку воспитать не удалось. Служба безопасности компании докладывала ему о богемной жизни сына в последние годы. Ночные клубы, девушки, покупка экзаменов и зачетов — все это вызывало протест у Сергея, но Тамара была убеждена, что виновато сегодняшнее время, а дети лишь приспосабливаются к его вызовам. Переносить же свои старомодные принципы и привычки на современную молодежь, считала она, просто пошло. Проблема воспитания детей в последнее время была причиной их частых семейных конфликтов, и Сергей со своей жесткой позицией всегда оказывался в одиночестве. Он знал, что дети обижаются на него из-за его бережливости, педантичности и за глаза зло называют жмотом, но с упорством быка продолжал навязывать им свою жизненную позицию, часто повторяя: «Кто покупает лишнее, тот, в конце концов, продает необходимое». Тамара, напротив, щедро распахивала двери бутиков для детей и использовала все свои возможности, чтобы создать для них рай на земле. Главным чувством, движущим этой женщиной, была всепоглощающая, слепая материнская любовь. Победить эту любовь и привить такие понятия, как «прагматизм», «мотивация», «справедливость», «заслуги» было невозможно. Борьба закончилась полной капитуляцией, Сергей смиренно опустил руки и с тех пор воспринимал все происходящее с женой и детьми как данность.

Он вышел из спальни, прошел в гостиную и включил телевизор. Мир политики и лжи голосом диктора заструился из телевизионного эфира.

«Боже! Что происходит? Я сплю? Или я умер, как сказала эта девушка в самолете?» Он почему-то неожиданно вспомнил ее глаза, и дрожь вновь охватила его тело.

— Что ты так громко телевизор включил! И вообще, не мог позже прилететь, чтобы других не будить?! — раздраженно выговорила супругу Тамара, входя в гостиную, и демонстративно выключила телевизор.

— Прости, я на рейсовом прилетел, — спокойно и немного рассеянно произнес Сергей.

— Снова приступ патологической скупости? Совсем рехнулся! Уже на себе, дорогом, стал экономить? На тот свет «бабло» свое не заберешь, в гробу карманов нет.

— Не волнуйся, не заберу, все тебе оставляю.

— Да я сдохну раньше тебя. Я эмбрионы ягненка себе не вкалываю, до трехсот лет, как ты, жить не собираюсь. Всю жизнь в нищете прозябаем из-за твоей жадности. Детей пожалел бы! Тебе лишь бы денежные знаки собирать, а им пожить хочется, пока молодые. Ладно, я по сравнению с подругами одеваюсь как сирота казанская: ни одного бриллианта свыше трех каратов за всю жизнь не подарил, самому должно быть стыдно. А я тебе двоих детей родила! Они из меня все соки выжали: мне зубы каждый год протезируют! В сорок лет меня в старуху превратил, на ходу разваливаюсь! Мне каждые три месяца в санаторий надо ездить, чтобы здоровье поддерживать, а я здесь как проклятая на хозяйстве: то квартира, то загородный дом, одной прислуги восемь человек на мне, и каждому надо задание дать, проследить, как выполнили. Как раба вкалываю...

Сергей не мог дальше слушать жену. Он по привычке отключился от ее слов и задумался. Этот бред лился на него в последние годы все чаще и чаще... Жизнь в семикомнатной квартире в элитном доме на проспекте Вернадского и в трехэтажном загородном доме на Рублевке, водители, охрана, исполнение малейших капризов — все это действительно рождало нищету. Нищету не материальную, а духовную. Тамара постоянно приводила безумные примеры благополучия ее подруг из высшего общества, рассказывала с восторгом и завистью, какие бриллианты дарят им мужья — чиновники-взяточники...

Но так было не всегда... Сергей вспомнил, как познакомился с Тамарой. Это было около двадцати лет назад в Москве, на вечеринке его друга в аспирантском общежитии. Тамара была из простой рабочей семьи, жившей в уральском городке Красновишерске. Отец и мать трудились в поте лица на алмазных приисках, чтобы хоть как-то прокормить семью и дать детям образование. Тамара мечтала стать учительницей и оканчивала пе-

дагогический институт, а Сергей учился в аспирантуре института военных переводчиков и через год должен был защититься и стать кандидатом филологических наук. Скромность, даже некоторая неуверенность в себе делали девушку трогательной и притягательной. Сергею хотелось стать защитником Тамары и оберегать ее хрупкий мир от житейских бурь и невзгод. Тем более он всегда видел себя русским офицером, защитником Отечества, пусть даже это служба за границей, в логове врагов.

Северов влюбился без памяти. Это были самые счастливые дни их романтической истории. Они встречались недолго — не более двух месяцев. Сергей хоть и был влюблен, но достаточно трезво и прагматично оценил моральные качества девушки, ее предрасположенность к семейной жизни и сделал ей предложение. Ему долгое время было хорошо с Тамарой. Она боготворила Сергея за его научные достижения, гордилась каждой его маленькой победой, с фанатизмом молодой мамы воспитывала детей. Потом произошел неожиданный изгиб его судьбы: уход в спецслужбу, два года в Афганистане, секретные командировки в горячие точки мира. Там Сергей увидел реальную мировую власть — власть денег — и ничтожную цену жизни. Сознание его перевернулось, и романтика подвига стала вытесняться прагматизмом выгоды получения жизненных благ. Он оказался тем человеком, кто притягивает успех, притягивает деньги, имея на них особое, звериное чутье.

Семейное счастье длилось до тех пор, пока в семье не поселилось искушение по имени Богатство. Приватизацию Сергей встретил после волевого ухода со службы как подарок судьбы. Он почувствовал, что пришло время прагматизма, и это было его время. Они с товарищами по институту создали инвестиционный фонд и стали скупать ваучеры у нищего населения страны за копейки, а чаще за дешевую «левую» водку, а на ваучеры лихо скупать акции бывших государственных предприятий. Сергей шел к своей цели — богатству, — разрушая все на своем пути. Люди, судьбы — все пролетали перед его взором, как маленькие разменные пешки в великой битве за могущество власти денег. Тамара была всегда рядом и поддерживала его в этой борьбе. Азарт накопительства охватывал и ее с особой силой, и эту разрушительную для души силу Сергей был не в состоянии сдержать. Она радовалась новой роскошной жизни как ребенок, изучая мир элиты, законы ее поведения. Природная способность быстро адаптироваться к новой жизни помогла ей завести знакомства среди жен политиков и бизнесменов. Она знакомилась с влиятельными особами в бутиках и СПА-салонах и умела скреплять и поддерживать эти контакты, превращая их в дружбу. Тамара стремительно организовывала

свою жизнь по-новому, вычеркивая из нее все и всех из прошлого: ничто не должно было напоминать о той жизни вне достатка. Шальные деньги за короткий срок превратили нежную, наивную женщину в бездуховную, самодовольную, уверенную в себе высокомерную мещанку. Тамара самоутверждалась в новом мире, даря дорогие подарки новым друзьям из высшего общества, демонстрировала свою состоятельность, а порой и превосходство над ними, часами рассказывая своим новым подругам об отдыхе на Бали, о своих влиятельных друзьях в политике. Незаметно для себя, она стала относиться к Сергею, как к своему личному кошельку, воспроизводящему золотые монеты и обязанному делать это все больше и больше. Не замечала и того, как резко стала обращаться с прислугой и даже допускать развязное хамство по отношению к самому Сергею. Он же бежал вперед, не замечая изменений, происходящих в жене, не замечая, как растут его дети, как меняется он сам. Сергей ничего не хотел замечать и видеть, кроме огней огромного жизненного казино под названием «Богатство». Сначала он мечтал о самой дорогой машине, о самой дорогой квартире, загородном доме, яхте, самолете, а потом о положении великого политика, воспринимая политику как управление общественными делами ради выгоды частного лица. Этим частным лицом Сергей видел исключительно себя. Но восхождение к политике прервала болезнь.

Заметил перерождение жены Северов случайно, четыре года назад, восьмого марта две тысячи восьмого года. Как обычно, у них разразился какой-то мелкий семейный скандал на пустом месте: Тамара просила купить сыну новую машину. Жена как будто ждала этого конфликта и неожиданно резко заявила, что готова развестись с Сергеем в любой момент. Слово «развод» прогремело для него как гром среди идеально выстраиваемого годами стабильного бизнеса. «Половина имущества нажита совместно, с детьми мы проживем на эти деньги безбедно и сможем, не спрашивая тебя, покупать необходимые вещи!» — заявила она тогда. Под «необходимой вещью» здесь подразумевался автомобиль «лексус» для сына. Сергей резко отреагировал на ультиматум и сгоряча пообещал в случае развода выгнать ее из дома в одних тапочках. С этой поры Тамара демонстративно и с новым рвением стала развращать деньгами детей, учила их оценивать весь мир и людей цинично, исключительно через очки, где вместо стекол должны быть вставлены долларовые купюры. Она стала очень завистлива, вспыльчива, вечно недовольна жизнью и окружающим ее миром. Хорошо одеваться и жить богемной жизнью со временем ей стало мало. Тамара хотела царствовать среди элиты Москвы... Эта мечта, естественно, никогда не могла реализоваться — муж не был

политиком, — и это обстоятельство делало ее поистине несчастной. Сергей умом отчетливо понимал, что Тамара психологически не готова выдержать тяжесть свалившихся на нее благ, но вылечить ее от страшного недуга он не мог. «За свою душу борется каждый в отдельности», — сказал как-то ему знакомый священник. Часто вспоминая эти слова, Северов перестал обращать внимание на жену, тем более что большинство женщин ее круга страдали той же неизлечимой болезнью — погоней за благом. Единственное, что удручало его в данной ситуации, — это дети, которые быстро заразились вирусом мещанства от матери. Влияние на детей Сергей потерял давно, в большей мере потому, что Тамара внушала им последние пять лет неуважение к отцу: называла его за глаза жмотом и даже неудачником, а себя представляла в роли кормящей семью матери. Он ощущал вину перед детьми за неучастие в их воспитании, невнимание к их проблемам. А они выросли без него, и сейчас это были не его дети — это были чужие дети, всего лишь рожденные когда-то при его участии в какой-то другой, далекой жизни...

Тамара, облаченная в яркий шелковый халат-кимоно, театрально размахивая руками, продолжала яростно излагать ему какие-то поучительные истины, замешанные на упреках, но он не слушал ее, он научился не слышать ее, не замечать, не любить, не чувствовать...

— Я устал. Пойду отдыхать, — твердо прервал Сергей поток ее претензий.

— Ты даже слушать меня не хочешь, жлоб! — полетел ему вслед полный ненависти упрек жены.

В кабинете Сергей неожиданно вспомнил, что так и не ознакомился с посланием профессора Клауса. Старик настойчиво просил внимательно прочитать письмо сразу по приезде в Москву. Сергей был уверен, что это очередная просьба-намека на персональные чаевые за успешные результаты лечения. Так было всегда, но в этот раз ему вспомнилась какая-то дрожь в голосе доктора — профессор был явно чем-то озабочен. На прощание он очень грустно сказал:

— Может быть, и наша вина, что мы просмотрели развитие болезни. Она настигла всех нас исподтишка и там, где мы ее не ждали. Но сегодня мы сделали чудо. Радуйтесь жизни, но помните: смысл жизни и есть сама жизнь.

Тогда Сергей подумал: «Циники! "Бабла" выкачали из меня целый мешок, а теперь цену себе набивают, о смысле жизни рассуждают, о коварстве болезни. Чудеса они делают! Только эти чудеса за мой счет. Я и мое "бабло" — вот главные волшебники». Власть денег Северов ценил безмерно. Деньги — это эликсир, ведущий к бессмертию. Только неожиданная

страшная болезнь поколебала на какое-то время его веру во всемогущество денег. Диагноз «раковая опухоль» был поставлен случайно, в поликлинике №1 на Мичуринском проспекте, куда Сергей обратился с жалобами в связи с обострением язвы желудка. Диагноз настолько поразил его, что он на какое-то время даже перечеркнул всю прошлую жизнь и заставил себя посмотреть на мир через призму обыкновенного смертного человека. Стал добрее к окружающим, начал радоваться простым вещам: солнцу, пению птиц, улыбке прохожего... Профессура элитной московской клиники выглядела на консилиуме растерянно, глядя на его снимки, и по их лицам Сергей понял, что его жизни грозит реальная опасность. Месяц лечения в Швейцарии заставил посмотреть на жизнь по-новому, но успешное выздоровление вновь возвратило его в привычную обстановку божественной повседневности, и об этой неприятной страничке жизни хотелось забыть немедленно, навсегда.

Сергей нервно распечатал конверт. Письмо было написано красивым почерком на русском языке, и он сразу догадался, что его под диктовку профессора писала медсестра Анна — русскоговорящая помощница доктора Клауса, влюбленная в него до одури старая дева.

Господин Северов!

Я лечил Вас полгода и, как смог, локализовал влияние болезни на Ваш организм. Медицина, к сожалению, лечит саму болезнь, но не ее причины. Все болезни тела — от болезни души. Об этом знают все врачи мира, но не хотят признаться в этом, иначе останутся без работы. Я не боюсь остаться без работы, поэтому говорю Вам правду. Ваш рецидив — в проблемах Вашей души. Вы можете мне не верить, но если Вы не вылечите свою душу, болезнь скоро вернется и убьет Вас окончательно. Тогда никто больше не в силах будет спасти Вас. Спасти себя сможете только Вы сами, если как можно быстрее поймете, о чем я говорю. Вы давно смертельно больны душой. Вы не живете в гармонии с самим собой. От Вашей души веет страшным холодом... Вам осталось жить не более двух лет. Простите за правду. На все Божья воля. Смерть — это всего лишь разрешение духовного тупика.

Ваш доктор Клаус

«Вам осталось не более двух лет... — повторил вслух Сергей и, выпив залпом полстакана коньяка, рассмеялся: — Ну, хамье, швейцарские ублюдки! Такие деньги им заплатил! Гниды! Два года! Божья воля! Духовный тупик! Подонки! Удавлю!! Засужу!!»

Он заметался по кабинету, как загнанный зверь, не желая принимать правду, о которой написал всемирное светило доктор Клаус. Необузданная ненависть ко всему миру охватила все существо бизнесмена. Сергей бился в истерике, безобразно матерился. Он не видел перед собой никого: ни испуганной жены и детей, пытавшихся его успокоить, ни приехавшего по вызову жены Степана. Они были уже по ту сторону жизни, и чем испуганнее становились их лица, тем истеричнее он смеялся. Наконец очередная доза коньяка сделала свое дело, и его размякшее тело без сил повалилось на диван.

— У него белая горячка. Если повторится, надо сдать его в клинику для душевнобольных, — жестко произнесла Тамара, пристально глядя Степе в глаза. Тот заботливо накрыл шефа теплым пледом и покорно сел в кресло ждать его пробуждения...

Как Сергей приехал и открыл дверь, Тамара сквозь сон слышала, но притворилась, что спит. Ей просто не хотелось видеть мужа. Она не любила его. Он вызывал у нее ощущение брезгливости. Это чувство отвращения возникло не сразу. Оно накапливалось многие годы по капле, наполняя сосуд ненависти. Сейчас он был переполнен. Тамара уже не помнила, как образовалась эта страшная трещина в их отношениях. Нет. Помнила, конечно. Все началось пять лет назад с того письма доброжелателя с фотографией мужа и известной поп-дивы в обнимку на яхте в Монако.

Она устроила скандал и объявила о разводе. Тогда впервые Сергей накричал на нее, с ненавистью выпучив глаза. Да-да, именно тогда впервые прозвучала эта его фраза: «Я — человек мира! Мне позволено все!» Потом была лавина его упреков в денежном расточительстве, в безнравственном воспитании детей. Именно тогда Сергей стал для нее совсем чужим человеком, и их жизнь медленно начала превращаться в циничный спектакль под названием «Счастливая семья». С той поры Тамара серьезно задумалась о разводе. Ей было так одиноко и так жалко себя. Она была молода и красива. Ей так хотелось еще любви. Тамара всегда помнила, а Сергей, наверное, забыл, что именно она в самые трудные годы борьбы за выживание поддержала его, работала вместе с ним, выполняя самые сложные задания, связанные с финансовыми аферами их тогда зарождающегося бизнеса. Это сейчас их компания такая белая и пушистая, а первоначальный капитал делался на большом риске сесть за решетку... И часть этого риска она мужественно взяла на себя. Разве половина состояния не принадлежит ей по праву бизнес-партнера? Жутко вспоминать о том времени. И в благодарность за любовь и преданность Сергей

опозорил ее перед всем миром, демонстративно развлекаясь в Монако со знаменитыми шлюхами. Даже жена сенатора Брюнкевича сочувственно намекнула ей о похождениях Сергея, которые попали в зарубежную «желтую» прессу. Интернет кишел комментариями и грязью. Терпение лопнуло. Тамара наняла агентов и неожиданно узнала, что Сергей вместе с другом-олигархом Протасовым содержит в центре Москвы под вывеской модельного агентства «Орион» личный гарем из шестнадцатилетних девушек. Они организовали целую сеть представительств по всей России для подбора и поставки в столицу мечтающих о модельной славе девушек. В снятых и оплачиваемых агентством квартирах девушки жили по восемь человек. С ними занимался персональный психолог, который склонял их к интимным связям с олигархами. Часть девушек, конечно, не поддавалась и уезжала обратно домой, но таких было мало. По большей части, они выбирали деньги... Тамара после этого открытия почувствовала себя самой несчастной женщиной на свете. Именно тогда наступил период ее протеста, когда она стала ходить со своими подругами в женские клубы. Ей незаметно стало нравиться там отдыхать. К тому же очень хотелось отомстить Сергею за унижение еще большей собственной распущенностью. От молодых мужчин в клубе пахло такой возбуждающей мужской силой, что не только она, но и все ее подруги с головой окунулись в этот запретный для их общественного статуса мир. Эти женские забавы, которые переходили, как правило, в настоящие оргии, напоминали эротические сны и продлились около года, как прекрасная сказка, пока не разразился скандал. Первой попалась ее подруга Ирина. Ее муж, известный политик, каким-то образом — возможно, с помощью спецслужб и частных агентств — раздобыл видеозапись частного танца стриптизера Фенички с Ириной. Она плакала, унижалась перед мужем, но развод состоялся очень быстро. И суд встал, как и подобает нашему суду, на сторону сильного, то есть на сторону политика. Как вскрылось впоследствии, Ирина-дура не совладала с собой и пошла в интимный отрыв с Феничкой, что и зафиксировали камеры прямо в клубе.

Тамара подругу за этот поступок осуждала и разорвала с ней всякие отношения, в первую очередь из соображений собственной безопасности. Смотри правде в глаза, она была по-настоящему напугана этим скандалом и стала очень осторожна в своих любовных утехах. Прекратила походы в клубы и стала вызывать стриптизеров на свою съемную квартиру, а уже там, забыв все условности, отрывалась, обеспечивая, как ей казалось, полную конфиденциальность развлекательных мероприятий.

И так бы продолжалось вечно, если бы не этот подонок Степа. По заданию Сергея два года назад он установил «прослушку» ее телефона,

а она опрометчиво сболтнула что-то о своих мальчиках в разговоре с подругой. Только спустя год Тамара узнала, что все это время в ее съемной квартире оргии снимала камера, и Сергей наверняка цинично развлекался со своими шлюхами, смотря записи ее любовных утех с мальчиками-стриптизерами. Да, это было ровно год назад. В один прекрасный день Сергей спокойно передал ей копии этих записей со словами: «При разводе получишь десять процентов, или я покажу эти «веселые картинки» судье. Подписывай брачный контракт». Она так была напугана, что подписала его, не глядя.

Тамара ругала себя за женскую слабость, но сделать уже ничего не могла. Ей по контракту было назначено всего десять миллионов долларов. К тому времени Сергей из осторожности распустил свой гарем, и никаких козырей у нее на руках не осталось. Она бросилась к частным сыщикам, но поздно — Сергей был чист как херувим.

— Что случилось, то случилось, — успокаивала себя Тамара.

И все же удача улыбнулась ей. Полгода назад пришла радостная весть — Сергей заболел раком. Появилась возможность освободиться от его ненавистного ига, так легко и просто получить все деньги и зажечь свободной счастливой жизнью. А вчера из Швейцарии позвонил Степан и сообщил, что шеф полностью здоров и прилетает в Москву. Значит, он ее просто обманул с болезнью, чтобы в очередной раз унижить и раздавить. Тамара была в состоянии шока. Она не знала, как дальше жить в этой «золотой клетке». Ведь служба безопасности мужа следила за каждым ее шагом. Ее любимый мальчик, стриптизер Олег, так переживает, что их отношения тайные. Он хочет жениться на ней и быть рядом. Но приходится встречаться на квартирах, как в фильмах про разведчиков. Тамара все время отсутствия Сергея мечтала и даже явственно представляла, как со своим красавчиком-блондином будет путешествовать по всему миру: Лазурный берег, Монако, Сицилия, Гоа... Она заслужила это счастье, прожив двадцать лет с этим извергом. Она молода, ей всего сорок лет, успеет еще родить Олегу сына, похожего на него. Это будет новая, счастливая, роскошная жизнь. Но эти ее красивые романтические планы снова поломал Сергей своим чудесным излечением. Надо что-то думать. Годы идут. Надо что-то решать. Решать быстро. В психбольницу, к сожалению, его так просто не упрятать... Но надо рассматривать разные варианты...

Сергей проспал почти сутки и проснулся спокойным, сосредоточенным, с ясным пониманием всего случившегося. Он прочитал еще раз письмо доктора Клауса, вызвал своего адвоката и сел писать завещание.

От завещания пахло холодом и смертью. Сергей оставлял двадцать процентов жене, сорок детям и сорок сельскому храму, рядом с которым почила его мама. Он завещал похоронить себя рядом с мамой в селе Раднянки Краснодарского края.

Своего отца Сергей почти не помнил. В шесть лет его вместе с младшим братом Федькой родители отдали в детский дом под предлогом, что содержать пятерых детей нет финансовой возможности. Детский дом стал и жизненной школой, и семьей для Сергея и Федьки. Родители их совсем не навещали, и он люто возненавидел их. Но в глубине души продолжал безмерно любить и надеяться, что они все же заберут их домой. Долгие годы Сергей не мог простить родителям этого страшного предательства. Но пять лет назад что-то необъяснимое внезапно так защемило в душе, что он, отбросив все обиды, поехал к матери в Краснодарский край, купил ей новый дом, дал денег на безбедную старость и поблагодарил ее, что дала ему жизнь. Огромный камень был сброшен с души. Это было самое счастливое мгновение в жизни, когда, обнявшись с мамой — самым дорогим для него человеком, — он ночь напролет проговорил о своей жизни и проблемах, и можно было говорить все, даже то, чего в этом мире не знал никто. Мама, казалось, понимала его с полуслова и поддерживала во всем. Через год ее не стало. Сергей долго плакал, провожая мать в последний путь. В его сердце не было упрека, но была огромная боль расставания с детством. «Пока живы родители, они стоят между нами и смертью», — сказал на панихиде священник. Сергей представил, как его тело опускают в могилу рядом с матерью, и ему почему-то не стало страшно... Неожиданно он вспомнил, как они с Федькой в детском доме голодали ночью, деля кусочек хлеба на двоих. В первые месяцы нахождения в детском доме старшие ребята отбирали у них еду и жестоко били за малейшее сопротивление. Ему часто снился детский дом, и возникал панический страх перед голодом. Может быть, поэтому Сергей экономил деньги, не покупал дорогих игрушек в виде яхт и самолетов, выглядя в окружении богачей скарредным. Он панически боялся снова стать бедным и голодным. Страхи детства мучают человека до конца его земных дней. Сегодня Сергей освободился от всех страхов. Перед ним был короткий, а может, и очень долгий жизненный путь длиной в два года.

Всю неделю после приезда из Швейцарии он посвятил друзьям. Ему хотелось поговорить с ними, как в юности, по душам. Рассказать о том главном, что он вдруг ощутил и понял в жизни. Ему не нужна была поддержка друзей, напротив, он сам был полон желания помочь им, всему миру и объ-

яснить то главное, что составляет смысл человеческой жизни, скрытый суею меркантильных буден мегаполиса. Но мир, его друзья бежали в истерике, как и он в недавнем прошлом, в страшную бездну ненасытного потребления. Им было некогда и не интересно говорить с Сергеем о чем-либо другом кроме бизнеса. И все его попытки пооткровенничать заканчивались расхожей фразой: «Старина, надо выбрать время и посидеть, расслабиться». Но этого времени у Сергея не было. Ему было необходимо жить, жить жадно, каждый день, каждый час, каждую минуту ловя уходящие краски жизни. Быстро, ярко, отчаянно путешествовать по Земле, которую он будет вынужден покинуть через семьсот двадцать дней. Северов отчетливо сознавал, что весь мир вокруг него резко изменился, ровно так, как изменился он сам. А изменения были глобальными. Он, неожиданно для себя, стал видеть происходящие вокруг события особенно выпукло и ярко. Вставал рано, в пять утра, в загородном доме, чтобы насладиться, выходя в поле, восходом солнца, и любовался рассветом, как будто видел его впервые...

Друзья всего этого совсем не замечали, как не замечали и его состояния. Они нелепо, по его мнению, продолжали растрачивать свою короткую жизнь на жуткие, бессмысленные вещи: работу, сделки, покупку новых домов... «Вам осталось максимум два года», — постоянно пульсировала в висках мысль, и потому он ощущал возбуждение от каждого прожитого дня, каждой прожитой минуты...

Так прошло две недели. Вчера Сергей снова зачем-то перебрал виски и был агрессивен из-за болезненных спазмов в голове. Он не знал, как прожить эти два года, чем заниматься, кроме созерцания жизни. Он не видел смысла в работе, в развлечениях. Все это было неестественно, глупо в его ситуации. Сергей целыми днями слушал классическую музыку, перебирал старые фотографии, даже стал писать мемуары, но при этом чувствовал, что делает совсем не то, что должен делать в эти золотые минуты, оставшиеся ему для жизни. Такими же мучительными были мысли о детях. Дочь любила его, несмотря на влияние матери, и он исполнил ее заветную мечту, купив за миллион долларов породистого скакуна для выступления на соревнованиях. «Она совсем большая и не нуждается во мне». Сын, несмотря на свой двадцатилетний возраст, еще ребенок, он мечтает только о развлечениях и сладкой жизни в объятиях девочек. «Это пройдет. Молодость — это недостаток, который быстро проходит». В моменты, когда его охватывало отчаяние, Сергею хотелось разорвать на кусочки весь этот безумный мир. «Я достиг всего, у меня есть все, что я пожелаю, и я должен умирать. В чем тогда смысл этой жизни?» — думал он, поливая деревья в своем

саду на Рублевке. В этот момент размышления его прервал занудливый голос Степы:

— Шеф, я, конечно же, не хотел этого, но обязан. — Потупив глаза и делая вид, что очень смущен, он передал Сергею отчет службы безопасности, в котором было отражено документально, что во время его лечения Тамара каждый день встречалась со своим возлюбленным, стриптизером Олегом. В виде доказательства были приложены диски видеозаписей.

«Кто-то должен делать за меня мою работу, — с грустью подумал Сергей. — В любви тоже пустоты не бывает, дорогой Степушка. Какая сейчас разница — у них своя жизнь, у меня своя. Бог с ними...»

Он брезгливо бросил записи в корзину для мусора и пошел к речке, не заметив, как Степа незаметно достал записи и положил себе в карман.

«Все может пригодиться», — деловито пробурчал он и засеменил за шефом.

Сергею было противно. Захотелось освободиться от всего ненужного в этой жизни. Он машинально полез в карман, обнаружил смятую сто-франковую купюру и хотел выбросить ее в быстро несущийся поток мутной воды, но неожиданно почувствовал, как купюра обожгла его пальцы. «Боже! Зачем я обманул эту девчонку?! Два года осталось жить, а я все продолжаю людей калечить. Сколько я их раздавил на своем пути пресом денег и цинизма... За все надо платить». Он бережно разгладил ценную для него бумагу и положил ее в портмоне.

ГЛАВА 3

Сергей отрешенно смотрел в одну точку, не обращая внимания на вопросы Степана, пытающегося вывести шефа из состояния прострации. Только на борту лайнера к нему вернулось сознание, но он так и не понимал, куда и зачем летит. Вчера вечером он снова без причины принял непомерную дозу виски, которая унесла его в мир иллюзий.

— Куда летим? — спросил он и удивился своему мягкому, бархатному голосу, без звона тяжелого властного металла в нем.

— Как куда, шеф? В Крым, к Вере. Вы же вчера мне дали команду срочно вылететь, причем инкогнито.

Зачем Сергей летел к этой девушке Вере в Крым, он сформулировать для себя так и не мог, а если честно, то и не пытался. Он, видимо, подчинялся зову своей раскрепощенной алкоголем души. У него возникло непреодолимое желание сделать что-то доброе и благородное для совершенно

чужого человека, быстрее отдать этот чудовищный долг, извиниться за обман, за грязные, пошлые мысли и затем, очистившись, вернуться в Москву. Но зачем возвращаться в Москву и к кому, Сергей не знал... Оставалось только медленно умирать. Но перед этим нужно придумать, как прожить все оставшиеся дни, как прожить их как можно счастливее. Вчера он окончательно ушел от жены, попрощался с детьми. Они были такими родными и, в то же время, такими чужими... Равнодушно кинув: «Пока, пап», — разбежались по своим, важным для них делам. «Я им совсем не нужен, — горько подумал Сергей. — Но какие же они у меня славные».

Смерти он уже не боялся. Она была неминуема, и ему необходимо было научиться жить рядом с ней. Белые короткие волосы, как наследство от химиотерапии, сделали Сергея блондином, похожим на поп-звезду. Тамара при расставании, к удивлению Сергея, совсем не кричала. Она смотрела на него с тупой ненавистью и не понимала, что он делает, и что ждать от него завтра. Сергей тоже этого не знал.

— Так ты начинаешь новую жизнь? Мало шлюх в своей жизни облагодетельствовал? — злобно шипела она.

— Да, начинаю долгую, счастливую новую жизнь. Я здоров, богат и должен, наконец, насладиться жизнью, — спокойно ответил Сергей. — Хочу еще раз предупредить: развода я тебе не даю. Со стриптизером будь поаккуратней. На людях с ним не появляйся. Фамилию не позорь. Узнаю — тогда уже я подам на развод, и ты знаешь, что после этого я тебя в нищете оставлю. В переходах будешь побираться. Я не шучу. Про тапочки помни.

Тамара ничего не сказала, лишь лицо ее побледнело, и губы слегка задрожали, как будто, вне зависимости от воли своей хозяйки, они хотели, но не решались произнести что-то важное на прощание. «Какая же Тамара красивая, даже в гневе. К ней в минуту эмоционального потрясения возвращается какая-то искренность молодости», — подумал Сергей, сядя в автомобиль.

Воспоминания уходящего дня прервал Степушка, противно посасывавший виски из стакана и одновременно строивший глазки стюардессе:

— Шеф, а что в том письме швейцарском было написано, что вы так резвились, как сумасшедший, две недели назад и решили все бросить?

— Было написано, что мне надо лечить душу.

— Смешно! Так мы и летим за этим к лекарю Верке? — пошутил Степа. — А московские лекари Маринка и Иринка квалификацию потеряли? Женщинами, юностью и богатством можно пользоваться короткое время, да, шеф?

«Охранники — люди всезнающие, а мой еще и шутник. Всех моих девчонок охраняет, они его как брата любят, вот и переживает, что я их бросил.

А может быть, они ему и приплачивают за свои прогулки по молоденьким парнишкам? Да какая сейчас уже разница, с содержанками покончено. Покупная любовь — это как секс с мертвецами. Ничего романтического в этом нет»...

Ровно в двенадцать часов самолет приземлился в Крыму. Сергей вышел на трап, и по-летнему яркое сентябрьское солнце обожгло его лицо. Был очень теплый, по-настоящему летний день.

«Мне не хватало в жизни такого яркого солнца, мне не хватает этой теплоты. Здесь я должен согреться от мерзкой слякоти Москвы», — подумал он.

— Аномалии. За двадцать пять градусов припекает. Ну, шеф, Африка отдыхает, — вытирая пот с лица, проговорил Степан.

— Ты стал поэтом. Не переживай, Степа, не успеем вспотеть. Заедем на часок, долг отдадим — и назад в Москву. Забронируй билеты.

— Шеф, я на утро забронировал.

— Я же говорил, что ночевать не хочу.

— Шеф, я предлагал вам взять свой борт, а вы снова чудите: «людей хочу увидеть, людей хочу увидеть...» Что на них смотреть? Для вас, конечно, это как в зоопарк сходить, но самолеты, шеф, для тех, кто ходит в зоопарк, летают по общему расписанию.

— Не наглей! — строго бросил Сергей.

— Молчу, шеф, — покорно опустил голову Степа, подобострастно открывая перед Сергеем дверцу шестисотого «мерседеса».

Вера сегодня плохо спала. В голове смешались всякие женские глупости: магазин с какими-то нелепыми цветастыми платьями, отец в маскарадном костюме, главврач в коричневом халате. Иногда во сне появлялся раненый белый лебедь, просящий о помощи. У него были выразительные голубые глаза, как у человека. Он бился всеми силами, чтобы взлететь, но пробитое крыло безжалостно тянуло к земле. Лебедь взлетал и падал, взлетал и падал. Вера бегала вдоль озера и звала его подплыть, но в ответ лишь ловила отчаянный блеск голубых глаз, наполненных слезами...

Раздался телефонный звонок. Это была мама.

— Ты помирилась с Ленечкой?

— Я и не ссорилась. Мы просто расстались, — сухо ответила Вера.

— Ты с ума сошла! Такую партию упускать — это безумие! Ты посмотри на себя. Годы пролетят, а парней нормальных в наше время не сыщешь. Если ты меня любишь, выходи за него замуж. Мне внуки нужны...

— Мама, я его не люблю, — резко оборвала стенания матери дочь.

— А кто тебе сказал, что брак — это любовь? Брак — это контракт людей по совместному воспитанию детей. А люби... — Мать запнулась. — Люби, в конце концов, кого угодно. Любовь, она быстро проходит. Кто тебе запрещает любить? А Ленечка богат, из хорошей генеральской семьи. Будешь жить в достатке, нарожаешь мне внуков. Хватит только о себе думать. Хватит смотреть на мир через розовые очки. Сбрось их! Ты уже не маленькая девочка. Меня пожалей!

Вера услышала всхлипывания матери, и сердце ее дрогнуло.

— Хорошо, мама, я сделаю, как ты хочешь. Только не плачь.

— Вот и умница! Поверь, я хочу, чтоб ты была счастлива и не повторила мои глупости.

— Я знаю, мама. Я тебя люблю.

Вера положила трубку и заплакала. Ей стало жалко себя. Мама, наверное, права. Предназначение женщины — рожать детей и хранить очаг. А мужчина должен быть надежным добытчиком. Он именно такой. Он три раза делал предложение. Очень хочет детей. А любовь сегодня есть, а завтра нет. Как говорит мама, «они любили друг друга, но все равно победила дружба». Вера вновь вспомнила свой странный сон и отправилась на работу.

Тамара пригласила своего адвоката Кирилла Андреевича в ресторан «Сирена» сразу после отъезда Сергея, в субботу, рано утром, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Адвокат явился, как всегда, вовремя. Столик Тамара предусмотрительно забронировала у аквариума, как ее учил знакомый фээсбэшник: журчание воды портит записи для «прослушки». Мобильный она тоже в соответствии с инструкцией отключила. Все меры предосторожности были соблюдены. Как в хороших фильмах о разведчиках: добиралась на «бомбиле», охране объявила с вечера, что будет спать до двенадцати часов дня, а сама переоделась в пальто экономки и в восемь утра улизнула из дома. Она была уверена, что охрана отслеживает каждый ее шаг, и меры предосторожности совсем не лишние.

Когда Тамара вошла в зал ресторана, Кирилл Андреевич немало удивился странному растрепанному виду своей клиентки, но на всякий случай промолчал. Он привык за свою сорокалетнюю адвокатскую практику больше молчать, чем говорить. Его дело — слепо и точно обслуживать своих заказчиков. Тамару он знал уже четыре года, с тех пор как у нее появились острые проблемы с мужем. Платила она не много, но аккуратно каждый месяц. Кирилл Андреевич с первого дня знакомства кожей почувствовал в этой красивой, властной женщине очень перспективного клиента.

— У меня крупные неприятности, — сразу же, без лишних предисловий, начала разговор Тамара и строго приказала адвокату: — Выключите мобильный телефон!

Кирилл Андреевич почтительно кивнул и показал жестом, что телефон давно отключен, и он прекрасно понимает важность мер предосторожности.

— Обстоятельства против меня. Мой муж вернулся, он выздоровел и проживет еще сто лет. Разводиться он не желает, а если разведется, то обещает меня оставить в одних тапочках. Поверьте, он сделает это. У него в руках на меня серьезный компромат. Да и суды под тяжестью его кошелька не выстоят — все равно прогнутся. Так что надо что-то делать.

— М-да, — тихо подтвердил адвокат. Они много раз обсуждали эту ситуацию, но придумать, что делать, так и не смогли.

— Он фактически пять лет назад бросил семью и уехал развлекаться со своими шлюхами по всему миру, а сейчас выздоровел, кобель, и начинает новую жизнь с новыми девочками, — по-женски ища сочувствия, пожаловалась Тамара.

— Этим, конечно, можно воспользоваться, но нужны доказательства, — прошептал адвокат.

— Доказательства, доказательства! А кто их будет доставать? Я думала обратиться в сыскное бюро, но предыдущих моих сыщиков его служба безопасности буквально растерзала: контору их разогнали, а руководителя упекли в тюрьму. Он бес. Он тварь. Он все уничтожает на своем пути! — злобно вскрикнула Тамара и, испугавшись сама своего голоса, замолчала, тревожно оглядываясь по сторонам. — Теперь никто не хочет с ним связываться. Может быть, вы раздобудете доказательства?

— Успокойтесь, нас может услышать официант, — прошептал адвокат, нервно барабанив пальцами по столу.

Тот неожиданно вырос перед их столиком и низким голосом спросил:

— Доброе утро, господа!

— Мне эспрессо! — грубо бросила Тамара.

— Мне то же самое, — быстро, явно не думая о напитке, произнес адвокат и, когда официант удалился, продолжил вкрадчивым голосом: — После того случая все частные сыскные агентства откажутся от сотрудничества с вами, боясь конфликта с вашим мужем. У вас есть другие варианты?

— Не у вас, а у нас. Вы получаете деньги, значит, у нас, — недовольно поправила его Тамара. — Я верю вам, и хочу, чтобы вы мне помогли. Я заплачу вам миллион, два миллиона долларов, если мы выберемся из этой идиотской ситуации.

— Я готов! — неожиданно для себя с энтузиазмом воскликнул адвокат. Эти суммы обожгли теплом его сердце.

— Я сегодня всю ночь не спала. Передумала все возможные варианты. Многие из них мне кажутся реальными, но я даже не знаю, как... — заговорщицким тоном начала Тамара.

— Итак, — деловито перебил ее адвокат, тем самым выражая готовность к активным действиям. — Я вас слушаю.

— Вариант первый. Мы находим близкого заинтересованного человека. Он внедряется в доверие к мужу и добывает на него компромат. Затем я подаю в суд. Компромат на компромат — равно имущество пятьдесят на пятьдесят.

— Вариант старый, — флегматично заметил адвокат. — Мы его прорабатывали с вами три года назад, и он хорош теоретически, а практически, при замкнутости и осторожности вашего мужа, шансы равны нулю. Да и такого «Джеймса Бонда» найти нереально.

— Ладно. Тогда остается второй вариант. — Глаза Тамары засверкали каким-то особым хищническим блеском. — Его надо убить.

— Вы с ума сошли! Я не по этим делам! — испуганно заговорил адвокат. На лбу у него появилась испарина, а руки стали нервно мять непонятно откуда возникшую сигарету, которую он в итоге разломал и бросил в пепельницу, после чего стал брезгливо вытирать руки салфеткой.

— А два миллиона хотите получить? За что, за дружеские спасительные беседы? — Тамара заметила, как трясутся руки у адвоката, и, улыбаясь, продолжила: — Да не бойтесь вы! Я вас не заставляю его убивать. Успокойтесь же, в конце концов! Я не знала, что вы такой трус, — брезгливо проговорила она. — Мне нужно, чтобы вы подготовили правильное завещание.

— Но ведь завещание должен написать ваш муж, — продолжая сильно нервничать, заговорщицки прошептал Кирилл Андреевич.

— При сегодняшнем развитии техники сделать подделку, думаю, несложно. Письмо с его почерком я передам. Образцов нашла море. Он неряшливо подписывается, все время по-разному, и это нам на руку. Ручка и его чернила будут. Специалистов, если сами не найдете, я вам подтяну. Деньги надо отрабатывать, уважаемый Кирилл Андреевич. И помните, что за годы наших бесполезных и безрезультатных бесед я заплатила вам уже сто двадцать пять тысяч долларов. Это большие деньги. А сейчас пришел момент истины. Вы станете миллионером, и от вас требуется сущая малость: составить новое завещание, с помощью нотариуса признать завещание подлинным и предъявить его общественности.

— А вдруг он уже написал завещание? У него же есть свой адвокат и нотариус. — Кирилл Андреевич, не спросив разрешения у дамы, достал другую сигарету и нервно закурил.

— Ерунда! Он собрался жить триста лет, какие завещания? Этот монстр ради своей поганой жизни разрежет на органы сотни детей. Своих детей не пожалеет. Я-то знаю, скольких людей он своей жестокостью отправил на тот свет.

— Это не доказательства отсутствия завещания, это всего лишь ваши эмоции. А меня посадят на долгие годы. Нам нужны документальные доказательства подлинности нашего завещания, чтобы выиграть все суды, которые могут возникнуть, если кто-то усомнится в нем.

— Я буду ему судом, и это будет высший неподкупный суд. Он предал меня, моих детей, и я его покараю, — неприятным, глухим смехом засмеялась Тамара.

Адвокат побледнел, то ли от ее слов, то ли от этого страшного смеха.

— Предположим, я соглашусь, и мы сделаем поддельное завещание. Но как я объясню суду, почему он позвал меня, чужого адвоката, с моим нотариусом, не воспользовавшись услугами своего доверенного адвоката и личного нотариуса? — пытаюсь показать абсурдность плана, дрожащим голосом тихо произнес адвокат.

— Я все продумала. Мой личный доктор подтвердит, что Сергей заболел раком. Документы, подтверждающие диагноз, у меня на руках. В это время его адвокат отдыхал в Австралии с семьей, и это доподлинно известно. Вот больной напоследок и захотел срочно оформить завещание, для чего взял адвоката любимой жены. Все логично. Не беспокойтесь, дети тоже все подтвердят. Они ведь мои дети, и ненавидят его.

— Предположим, нотариус у меня надежный есть, но это...

— Это три миллиона долларов, — перебила адвоката Тамара.

— Я согласен, но, может, не стоит его убивать? — как-то жалобно проговорил Кирилл Андреевич.

— Хватит обсуждать ерунду. Двадцать первый век на улице, кругом все друг друга убивают. Смотрите, что творится в мире. Включите Интернет. Ради прописки своего сожителя в квартире мать заказывает убить своего сына, так как он ей мешает, претендуя на жилплощадь. Десятиклассники убивают своих родителей за то, что они не дали им денег на игровые автоматы. Американцы уничтожают «справедливыми» войнами целые народы ради газа и нефти. Украина вам не пример? Политики, улыбаясь, убивают друг друга компроматом. Бизнесмены убивают конкурентов с помощью бандитов, полиции и налоговой службы. Все привыкли убивать, но стесня-

ются этого слова, а смерть во все времена — это всего лишь самая эффективная технология продвижения к цели. Правда, у каждого в нашем мире своя цель. Я отдала этому подонку всю свою жизнь. Он не занимался детьми, гулял по всему миру со своими шлюхами, позорил меня. Может быть, он тоже «заказал» меня своим головорезам, и я приду домой, выпью кофе и умру от высокого давления. Да это не убийство будет, а самооборона. Я живу, как в тюрьме, и ощущаю себя домашним подопытным зверьком...

— Убивать — это крайняя мера. Нужны документы по его любовным похождениям, — нетерпеливо перебил адвокат, нервно закуривая еще одну сигарету.

— Нет у меня документов. Если бы были, зачем бы вы мне были нужны? — зло процедила Тамара. — У меня есть любимый человек. Бог вознаградил меня за мои лишения и страдания. Какой он необыкновенный! Золотые вьющиеся волосы, голубые наивные глаза — прямо Есенин во плоти! Он любит меня. Я хочу сделать его счастливым. А Сергея Бог хотел уже забрать к себе, да деньги бесовские помешали. Но справедливость необходимо кому-то восстановить. Кстати, божественную справедливость. Ради Бога, ради любви, ради искупления его же грехов! — Она вдруг тихо заплакала.

— Успокойтесь! Вам надо еще очень серьезно подумать. Это страшное преступление.

— Это решенный вопрос! — резким властным голосом произнесла Тамара, быстро вытирая платком слезы. — Готовьте завещание. Мы обо всем договорились. Пути назад нет. Ни мне, ни вам.

— Но как вы его... — Адвокат замешкался, боясь произнести страшные слова.

— Убью? Да не стесняйтесь вы этого слова. Вы наверняка тоже многих убили в своей жизни, просто стесняетесь признаться, что стали причиной смерти людей. Убийство — это не ваш вопрос. Если женщина любит — она добьется своего.

К слову сказать, санаторий «Актер» с советских времен был известным местом в Крыму. Сюда любили приезжать звезды советского кино и театра. Но сейчас здесь остались лишь осколки бывшего величия: монументальные скульптуры львов у главного корпуса да пафосные фонтаны с обнаженными русалками. Воздух на территории здравницы был влажным, но вкусным, с запахом хвои от соседства с роскошной сосновой рощей. Ни о чем, кроме вечности, Сергею думать не хотелось. Неспешный санаторский ритм жизни сразу ввел его в расслабленный гипноз, стирая в сознании предыдущую жизнь. «Почему я раньше здесь не был?» — думал он.

Ему сразу не повезло — у Веры был выходной, и встреча в этот день не состоялась. Домашний адрес и телефон в санатории дать отказались, пришлось остаться с ночевкой. В санатории поселились, можно сказать, инкогнито, на общих основаниях, в обыкновенных одноместных палатах. На ужин пришли вовремя. Их отвели за столик, где сидели две пожилые борющиеся с возрастом женщины. Еда была пресная, но терпимая. Женщины явно приехали за курортным романом и хотели понравиться Степе и Сергею. Они несли какую-то чепуху об искусстве, о погоде, о болезнях и их лечении, о домашних животных и о своих детях. Логику их мыслей было сложно уловить, если не быть женщиной. Степан под столом подливал себе в стакан виски из фляжки, блаженно кивал и выпивал, озираясь по сторонам и подыскивая себе кандидатуру для флирта на вечер. Сергей же, напротив, делал вид, что слушает, и старался поддерживать беседу словами «да», «невероятно», «потрясающе». Неожиданно одна из женщин произнесла имя, которое тут же привлекло его внимание:

— Вера Сергеевна меня просто на ноги поставила. Посмотрела в глаза так, что аж пот прошиб, и что-то неприятное, как отрыжка, вышло из меня, а потом — легкость и свежее дыхание! Мне кажется, она колдунья.

— Кто такая Вера Сергеевна и сколько ей лет? — с интересом спросил Сергей.

— На вид, двадцать три года, а может, все пятьдесят. Ведьмы, они же всегда молодо выглядят. Тьфу, на ночь говорить об этом — не заснешь...

Веру Сергей встретил неожиданно на следующий день в коридоре возле массажного кабинета, куда он записался, чтобы скрасить часы ожидания, пока Степан осуществлял розыскные мероприятия. Он сначала даже не узнал ее. Девушка стояла и о чем-то очень эмоционально беседовала с медсестрой. Она сейчас была совсем другой: волевой, требовательной, но все такой же светлой и красивой. Сергей на минуту даже растерялся, не решаясь подойти к ней. Вера увидела его, но, как ему показалось, специально сделала вид, что не узнала. Когда же она собралась уходить, бросив какие-то непонятные медицинские термины медсестре, Сергей не выдержал и окликнул ее по имени. Вера с плохо скрываемым притворством удивленно посмотрела на него и, слегка покраснев, воскликнула:

— О! Это вы!.. Что вы здесь делаете? Впрочем, не буду вас обманывать, я знала, что вы приедете. — Последнюю фразу она произнесла своим серебристым голосом очень серьезно и напряженно замолчала, глядя в сторону. Сергей не знал, что ответить. Он чувствовал, что краснеет, как мальчишка.

— Понимаешь... Понимаете... Я получил наследство от бабушки и решил отдать долги. Ваш долг оказался первым по значимости, — пробормотал он и, глупо улыбаясь, протянул ей мятую купюру.

— Я же вам так их дала, по-христиански, а не в долг. Вы обманывали меня, чтобы покуражиться? И сейчас лжете. Это меня не касается. Это ваш грех. Ну, коль решили отдать деньги — ваше право. Они вам были нужны только для того, чтобы приехать сюда. — Вера взяла купюру и медленно спрятала в карман халата.

— Вы все это время знали, что я вру, и молчали? — Сергей почему-то снова улыбнулся и, покраснев еще сильнее, замолчал.

— А ваш брат как поживает? — прервав затянувшуюся паузу, спросила она.

— Какой брат? — удивился Сергей, не понимая, о чем она говорит.

— Степан, ваш брат по «легенде», — мило улыбнулась девушка.

— А, Степа! Он в палате после процедур отдыхает! — с облегчением выпалил Сергей.

— Неразлучный брат Надежды, — пошутила Вера.

— Мы так и будем стоять в коридоре? Может, пойдем в город, пообедаем в ресторанчике? — предложил Северов, с трудом переходя на привычный уверенный тон общения.

— Нет. У меня больные, и вечер занят, — отказалась она. — И вообще, вам сейчас больше нужно быть одному, думать о смысле жизни. А мне уже пора. Прощайте!

— Я прилетел к тебе... — с трудом выдавил из себя Сергей.

— Спасибо. Долг отдали. Душу освободили от вранья. Душа от вранья умирает, — невозмутимо произнесла Вера, всем своим видом давая понять, что разговор завершен.

— Нет. Суть не в долге. Он повод. Не знаю, как вам объяснить. Да я и сам еще не понимаю... Прошу, для меня очень важно с вами поговорить хоть часок!

— Я подумаю об этом предложении, хотя говорить нам не о чем. До свидания! — Вера слегка улыбнулась и быстро пошла по коридору.

Сергей долго смотрел ей вслед. Он вдруг снова мыслями очутился в самолете и теперь вспоминал их встречу совсем по-другому — переживая каждый момент их общения. «Да, да, она знала, что я лгу. Знала уже тогда, что я умираю». Невольно он почувствовал давно забытый душевный трепет пробуждающегося чувства. Такое чувство он испытывал в далеком девятом классе, когда впервые влюбился.

ГЛАВА 4

Сергей принимал душ, когда в номер ворвался Степан и громовым голосом прокричал:

— Шеф, я вас потерял! Звонила Тамара, Тамара Сергеевна, ну, жена ваша. Спрашивала о вашем самочувствии. Я сказал, что все о'кей. Вживаемся в народ.

— Хорошо, — равнодушно откликнулся Сергей.

— Верку нашли? — панибратски спросил охранник.

Северов вышел из душа, вытираясь длинным банным полотенцем, подошел вплотную к Степе и, пронзительно глядя ему в глаза, угрожающе произнес:

— Она для тебя не Верка. Ты понял меня? Не быдли! Я всю жизнь мечтал о такой девушке. А найти ее должен был ты, а не я.

— Понял, шеф. Ваши мечты, шеф, всегда должны реализовываться мгновенно. Иду договариваться. Сколько ей предложить «бабла» за ночь? У меня есть лимит? Или работаем без лимита? — весело отреагировал охранник.

— Идиот! Она не шлюха. Это особая девушка. — Последнее слово Сергей произнес очень трепетно.

— Понятно. У вас в жизни всегда были только особые девушки. Значит, очень дорого. За свою жизнь, шеф, не было ни одной порядочной девушки, которая бы устояла перед вашими рыночными предложениями. Все упирается в цену вопроса. Помните, как в Монте-Карло в баре вы поспорили со мной на тысячу баксов, что я не уговорю недоступную фифу — красавицу шведку из аристократической семьи? Все говорили мне, что она особая, что у них, у шведов, другие традиции, и ей всего восемнадцать лет! И что? Я выиграл пари. Пятнадцать минут — и она была на вашей яхте, шеф. Причем я сделку состряпал, не зная ни одного слова по-английски. Подошел и сказал — таузен евро. Не существует человека, шеф, лишённого желаний, а тем более тысячу еврикков заработать за один час, — многозначительно произнес Степан.

— Не смей подходить к ней! Ее я не буду покупать. Она другая. Не следует делать рабыней благородную девушку, — задумчиво проговорил Сергей.

— Шеф, мы садимся на «эконом-режим»? Будем добиваться того же, но, типа, по любви? Женщины, шеф, любят порочных мужиков, правители — подлецов, а богатство обычно утекает в руки к скрягам.

— Ты меня имеешь в виду?

— Что вы, шеф! Вы — бог! — рассмеялся Степа.

— Хватит болтать! Иди, продлевай на неделю путевку. Мы остаемся.

— Шеф, я что-то не пойму. Из-за одной ночи с девкой целую неделю здесь торчать? Да я вам целый гарем вечером приведу — лишь бы быстрее отсюда в Белокаменную. На любой вкус будут девки, и все будут называть себя Верами, а вас Надеждой. Только прикажите, шеф, завтра стартовать из этой дыры, — с игривой жалостливостью предложил Степан.

— Не болтай! Проследи аккуратно, где она живет, есть ли у нее парень, поспрашивай о ней у медсестер. Только очень тонко, Степа, слышишь, тонко. На это бюджет я тебе выделяю.

— Это другое дело, шеф. Завтра утром я у вас с докладом. За ночь допрошу самых симпатичных сестричек, — блудливо усмехнулся охранник и быстро скрылся.

Вера пришла на работу, как всегда, к восьми утра. Она по привычке открыла кабинет и сразу почувствовала запах полевых цветов. Небольшой нежный букет стоял в вазе и как будто улыбался ей лиловыми шафранами, белыми маргаритками и даже зацветшими вторым, осенним цветением желтыми примулами. Вчера она в очередной раз помирилась с Ленечкой. Даже его отец сделал ей подарок — духи — в знак особого расположения. Ленечка подарил роскошный букет роз и обещал каждый день осыпать цветами. Но полевые цветы... Нет, это не Ленечка.

В кабинет кто-то робко постучал.

— Войдите! — громко произнесла Вера.

— Доброе утро, — тихо произнес возникший на пороге Сергей.

— Доброе утро, Надежда, — сухо ответила девушка и указала на букет: — Это вы?

— Да, мне захотелось, чтобы у вас на столе был маленький кусочек этой гармонии жизни.

— Гармония — это когда цветы живые и растут на поляне. А это умирающие цветы.

— Да, но я собирал букет и думал, что вам понравится... — с юношеским запалом произнес Сергей.

— Вы не похожи на себя, — слегка покраснела Вера. — Я очень люблю цветы, но на поляне. Зря вы их убили ради меня. Не делайте этого больше.

— Я принесу вам в следующий раз поляну цветов, — пошутил он.

— Завтра жду подарок к восьми утра, прямо здесь, за окном, — тоже шуткой ответила девушка.

— Я прошу вас со мной пообедать!

— Я не люблю рестораны, — резко бросила Вера.

— А что вы любите?
— Море.
— Давайте после работы посидим у моря.
— Только недолго. У меня запланирована встреча.
— У вас есть парень?
— Я же не спрашиваю вас о вашей семье, ваших детях.
— Простите! Конечно, конечно. Это не имеет никакого значения. Болван! Конечно, у вас есть парень. Разве такая девушка может быть одна?!
— Человек может находиться в толпе и быть одиноким... — задумчиво произнесла Вера. — Я заканчиваю в пять часов.
— Я буду вас встречать у выхода из санатория.
— Не надо. Встретимся на заброшенном пирсе. Спросите, вам любой объяснит, как туда дойти, но сразу предупреждаю: у меня будет мало времени — ровно полчаса, да и вам тоже лучше поскорее возвращаться в Москву. У вас там большие проблемы. У каждого из нас своя жизнь, своя судьба.
Сергей с подавленным видом вышел из кабинета. Кровь бурлила в жилах: «Я влюбился. Так неожиданно... Как же это произошло?»

Выбрать разговорчивую и симпатичную медсестру для ночных дознаний не представлялось для Степы большой проблемой. Опыт общения с девушками был огромным, он понимал их психологию до мелочей. Степан давно заметил невысокую, фигуристую, симпатичную блондинку, дежурившую в эту смену, а значит, наверняка знающую Веру. «Объект» собирался уже уходить домой, когда на пути неприступной скалой вырос Степа.

— Как зовут самую красивую девушку в мире? — глядя на нее восторженными глазами, спросил он.

— Смена закончена. Извините, я спешу, — строго ответила девушка.

— Я тоже спешу, но отложил все дела для серьезного разговора. Так как вас зовут?

— Оля! Что дальше? Пропустите меня! — Девушка попыталась обойти Степу, но он мертвой хваткой схватил ее за руку и дерзко произнес:

— Пятьсот долларов за вечер при свечах.

— За кого вы меня принимаете? — возмутилась Оля.

— За самую красивую девушку, с которой мне хочется сегодня поговорить о жизни... Это всего лишь приятный вечер и пятьсот долларов. Никаких неприятностей. Только приятный вечер и пятьсот долларов. Вот они. Возьми!

Она с нерешительностью посмотрела на Степу, потом на деньги. Было видно, что мысли одна за другой мелькают в ее маленькой головке.

— Я через две недели выхожу замуж. Меня ждет жених, Игорь. Я его люблю. А вы мне такое предлагаете!

— А я не забираю тебя у жениха Игоря навсегда, только на вечер. Позвонишь Игорю, скажешь, что подменяешь подругу на ночном дежурстве, — и наутро у тебя деньги на шикарное свадебное путешествие. Это подарок твоему жениху. Ведь ты его любишь.

— Да, но это измена! — неуверенно возразила Оля.

— Что? Где измена? Какая измена? — театрально запричитал Степан, оглядываясь по сторонам. — Успокойся и запомни: изменяют душой, а твое красивое тело не может изменять. Это всего лишь тело, это физиология, физиотерапия, так сказать. Минздрав рекомендует. Очень полезно. Все равно, что почистить зубы или сделать массаж. А думать ты весь вечер будешь только об Игоре. Тысяча долларов. Это ведь целое состояние! — Он небрежно добавил еще пятьсот долларов и протянул девушке.

— Тысячу? А где мы будем это... при свечах? — вздохнула побежденная Ольга и, как будто испугавшись своих слов, инстинктивно оглянулась по сторонам. Увидев, что в коридоре никого нет, она нервно взяла деньги и быстро спрятала их в сумочку.

— Оля! Красавица ты моя! — восторженно воскликнул Степан, предвкушая приятный вечер. — Я снял номер «люкс» в гостинице «Звездная», заказал прямо в номер всяческие заморские яства. Ты только расслабься на все сто, нет, на тысячу долларов. Ты — богатая девушка! Никто никогда не узнает о нашем приключении.

— А если бы я не согласилась? — глупо поинтересовалась Оля.

— Я бы погиб там от одиночества, и утром в номере нашли бы окоченевший труп.

— Получается, я вас спасла! — засмеялась она и, осмелев, переходя на «ты», скомандовала: — Минутку подожди, я Игоря предупрежу, чтобы не волновался, и сразу поедет.

Тамара повернулась на спину, щелкнула зажигалкой и закурила сигарету. Рядом с ней лежал ее возлюбленный Олежек, наслаждавшийся «Хеннеси»... Настроение у нее было романтическим. Все ее тело и даже душа млели от близости с любимым человеком.

— Мы скоро поженимся, Томик? Мне надоело скрываться. Я хочу познакомить тебя с родителями, — нежно произнес молодой человек, целуя ее в шею. — Я хочу ребенка. Он будет похож на тебя. И обязательно девочку. Мне хочется открыто гордиться тобой перед моими друзьями.

— Я все делаю для того, чтобы мы были счастливы, мой ангел. Скоро, очень скоро сбудется все, о чем ты мечтаешь. Я свое слово сдержу. Тебе не о чем беспокоиться, — вздохнула Тамара и томно проворковала: — А твои родители не будут возражать? Ведь я старше твоей мамы на два года.

— Возражать? Ты смеешься надо мной? Да я уже показывал им твои фотографии. Они мечтают познакомиться с моей красавицей. Ты себе внушаешь глупые мысли о возрасте, а для меня ты — самая юная. Ты же знаешь, сколько было у меня...

— Перестань! Я не люблю говорить о твоих шлюхах, ведь я очень ревнивая, к тому же страшная собственница. Хочу быть единственной в твоей жизни. Единственной, и навсегда. — Она быстро затушила сигарету и бросилась в объятия молодого человека...

В десять утра в номер Сергея без стука ввалился сияющий от счастья, но еще не протрезвевший Степан. Увидев бутылку вина на столе, он подбостранно взмолился:

— Шеф! Мое любимое «Бордо Медок» двухтысячного года! Я всю ночь не спал. Так сказать, работал над выполнением особо опасного задания. Разрешите потушить душевный пожар бокалом вина и приступить к докладу?

— Ты еще пьян, Степа! Ну, лечись, если это тебе поможет, — недовольно разрешил Сергей.

— Мне обязательно поможет. — Степан быстро откупорил бутылку, налил стакан вина и залпом выпил, издав стон невероятного наслаждения. — Представляете, шеф, я только за три тысячи баксов еле сумел уговорить красавицу Олю. Ни в какую, дуреха, не соглашалась девственность перед свадьбой терять. Здешние крымские принцессы, шеф, довольно дорогие. — Заметив недоверчивый взгляд Сергея, он достал из кармана какие-то бумажки и протянул ему: — Все по-честному, шеф, вот и письменный отчет за ресторан и гостиницу.

— Не трясись, проверять не буду. Знаю, что все равно нагрел. Не тяни, докладывай, — поторопил Сергей, небрежно бросив бумаги на журнальный столик, потом прилег на диван, закрыл глаза и приготовился слушать.

— Итак, Вера Водицына. Живет по адресу: улица Декабристов, двенадцать, квартира два. Воспитывалась матерью. Отец — художник, ушел в монастырь. Есть сестра, замужем. Ничего особенного. Вере двадцать восемь лет.

— Двадцать восемь? — Сергей открыл глаза от удивления.

— Да, шеф, я сам чуть не упал. Она ж максимум на двадцать один тянет. Плод цивилизации, шеф: замороженный нанотехнологиями в области

косметики экземпляр. Представляете, шеф, скоро вот так телку молодую снимешь, а ей окажется под семьдесят. Приведешь в номер...

— Хватит болтать, продолжай! — нетерпеливо перебил охранника Сергей.

— В коллективе к ней относятся с опаской. Она, говорят, многолика, ее называют Ведьмой. Странноватая она, шеф, наша Вера. И стервозная бывает порой. Вроде всем улыбается, как ангел, но, если что не по ее, такие зубы показывает, что сестрички как шелковые перед ней стелются. Окончила с красным дипломом краснодарский мединститут. Мать переехала сюда в юности по неустановленным причинам. Вера здесь родилась. Вроде мать чем-то прибаловала, да Верка ее вылечила. Еще ребенком умела лечить. Да, вот еще. Есть у нее одна уникальная способность, говорят, что ставит диагнозы больным без всяких аппаратов за две минуты. К ней огромные очереди по записи, но она принципиальная: принимает только на работе. Ну, в общем, странная девка: «бабок» за прием не берет, частным образом не лечит. Действительно ведьма какая-то, не зря кликуха приклеилась.

— Как же она так ставит диагнозы? — задумчиво произнес Сергей, обращаясь больше к себе, чем к Степе.

— Шеф, я еще в самолете понял, что она прибабахнутая. Помните, как она тогда в самолете ваше имя угадала?

— Сам ты прибабахнутый. Что за гадость пил всю ночь?

— Охранника обидеть может каждый. Я все понимаю, шеф. Вам нормальные красивые девушки уже приелись — и выглядят не экстравагантными, и не возбуждают, так сказать, вашего интимного интереса.

— Степа! — резко оборвал его Сергей.

— Итак, продолжу. Она встречается, причем очень активно, с генеральским сыном.

— Что значит, очень активно? — настороженно спросил Сергей.

— Ну, в смысле, постоянно. Интимных подробностей, врать не буду, не знаю. По сведениям достоверного источника, ваша зазноба скоро выйдет за генеральского сына замуж. Все девки в санатории ей завидуют, даже моя запричитала, что такого жениха во всем Крыму не сыщешь. Бабы — они, шеф...

— Степа!

— А что Степа? По любви ее, ясное дело, не возьмешь, шеф. Снова, как ни крути, возвращаемся к истокам бытия — к Ее Величеству Рыночной экономике. Облом у вас, шеф, полный. Простите за отсутствие позитива и большие накладные расходы. Доклад закончен. Готов ответить на вопросы по существу, — довольный собой, улыбнулся Степан.

Сергей не знал, что и спросить. Молча, одним кивком головы, показал Степе на дверь, и тот, быстро допив бокал вина, скрылся за ней в неизвестном направлении, прочь с недовольных глаз патрона.

Тамара была на седьмом небе от восторга. Ее Олег оказался настоящим мужчиной. Она знала об этом всегда. Он сам заговорил о необходимости нейтрализовать мужа и даже согласился поехать в Крым и убить там ненавистную тварь. Тамара была на распутье. С одной стороны, было жалко отправлять ангелочка на опасное задание. С другой стороны, ему можно доверять: ведь это родная кровинушка, он не подведет и выполнит все до конца. И, главное, — он ее любит, а значит, никогда не предаст. Олег так и сказал: «Я убью его, дорогая», — и его голубые глаза вдруг стали колючими и холодными, как у змеи. Тамара даже на секунду испугалась такого перевоплощения. «Как он любит меня, — подумала она. — Так сильно, что даже готов на убийство». Правда, он не знал, что убить профессионального убийцу, каким она считала Сергея, не так-то просто. Сергей, как пес, волк, гиена, обладал особым нюхом на опасность и молниеносно ориентировался в любой ситуации. В бою ему не было равных, об этом часто говорили под алкогольными парами его бывшие сослуживцы по разведке. Сергея можно убить только хитростью, исподтишка. Нет, Олежка на это не способен. Он у нее благородный рыцарь. Нужно действовать коварно и тонко. Так умеет действовать только женщина, ненавидящая и любящая одновременно.

Сергей находился в состоянии не свойственной его характеру паники. Вера выходит замуж! Он шел на место свидания медленно, даже обреченно медленно, с трудом передвигая ноги: «Зачем я все это делаю?» — билась в голове мысль, но при этом он чувствовал, что эта девушка значит в его судьбе очень многое. Может быть, она и была последним лучом надежды и смыслом в его до боли короткой жизни.

Сергей неожиданно вспомнил, как собирал для любимой Веры букет цветов. С каждым сорванным цветком перед ним пролетали эпизоды его жизни: мать, отец, болезнь и смерть младшего брата, Тамара, дети, покушение на него со стороны близкого компаньона и друга, а потом вдруг взрывы, взрывы, Афганистан, Ливия, кровь... Цветы стали больно обжигать его руки. Он с испугом бросил их на траву, подошел к небольшому ручью, чтобы умыться, и увидел свое отражение — но не себя нынешнего, а восемнадцатилетнего, с открытыми всему большому миру голубыми глазами. Тут же в воде появилось отражение Веры, и все его тело охватила

дрожь. Сергей быстро собрал брошенные цветы, прилег на траву и неожиданно заснул. Ему казалось, что он проспал целую вечность, но, когда, проснувшись, посмотрел на часы, увидел, что прошло всего десять минут. В этот момент он отчетливо понял, что с ним происходит что-то невероятное и желанное, и все это связано с этой загадочной девушкой.

Придя на условленное место за два часа до назначенного времени, Сергей облюбовал старую скамейку и трепетно стал ждать, возможно, последнего любовного свидания в своей жизни.

Вера не задержалась ни на минуту. Он увидел ее еще издалека. Девушка скользила по земле удивительной парящей походкой, напоминая ему главную героиню романа «Бегущая по волнам» Александра Грина. Она была одета в ярко-красное ситцевое платье, подчеркивающее привлекательность ее стройной фигуры. Волосы были распущены и переливались теплым блеском спелой пшеницы под лучами уходящего солнца. Они встретились молча. Никто не решался заговорить первым. Со стороны могло показаться, что эти люди давно знакомы, им не о чем уже говорить, и они просто гуляют, наслаждаясь красотой морского пейзажа. Возможно, в эти минуты каждый из них понимал, что это свидание — нелепая случайность, и говорить им, на самом деле, совсем не о чем. А, возможно, таинством молчания они, сами того не осознавая, отдавали дань великому провидению, которое познакомило их на небесной высоте, разбросало по загадочным линиям их странных судеб и снова свело в этой красивейшей точке земли — Крыму. Вера присела на большой теплый камень, похожий изда- лека на странную белую птицу с раненым крылом. Ее голова была закинута назад, и птица наверняка издавала бы крик о помощи, если бы не была каменной. Сергей робко сел рядом, боясь прикоснуться к девушке.

— Я не знаю, смогу ли вас спасти, — неожиданно произнесла она.

— Откуда вы знаете? Ах, да, вы давно уже знаете...

— Я не искренна с вами. Я все знаю, просто не должна это говорить. Мир должен развиваться без вмешательства посторонних сил, иначе начнется хаос. Нарушится баланс добра и зла. Это несправедливо...

— Что вы говорите! Получается, справедливо, что я...

— Я уже в самолете знала, что вы смертельно больны, — властно перебила его Вера.

— Как это возможно? — спросил пораженный Сергей.

— По глазам. Для меня слова ничего не значат. Я не слушала вас в самолете. Я ощущаю человека и мир вокруг него. Чувства — всегда правда. Ваш букет — это правда, но это страшная правда о вашей жизни. Каждый сорванный цветок рассказал мне о вашей судьбе. Вы своими невольными

действиями слишком многих людей вокруг себя убили. Я еще в самолете пыталась помочь вам, но вы меня не услышали. Последней бедой были франки, которые вы зачем-то посмели взять у незнакомой девушки просто так, для смеха. Вы презирали меня и мир за глупость, а, по сути, сами всю жизнь были глупы... Вы заработали болезнь, и это то, что вы заслужили. Вы не достойны своего богатства. Оно было дано для добрых дел.

— Мне очень жаль. Мне стыдно за эту несчастную купюру, но ведь она и стала поводом для нашей сегодняшней встречи... — невольно оправдывался Сергей.

— Это не повод. Это ваш последний шанс.

— Вы шутите?

— Нет.

— Я скоро умру? — неожиданно для себя спросил Сергей и сам испугался произнесенной фразы.

— Да, — все так же спокойно ответила Вера, как будто говорила о совсем незначительных вещах.

— Но вы можете спасти меня? Я не хочу умирать! Я за один день здесь многое понял! — с отчаянием воскликнул он.

— Я знаю, у вас изменился взгляд. В глазах стали проявляться отблески давно погасшего света. Это свет вашей умирающей души. У нее нет сил и смысла больше быть на Земле. Миссия ее закончена.

— Но я хочу жить! Я хочу любить тебя! — непроизвольно вылетело из уст Сергея.

— Душа может ожить от любви. Душа мужчины живет, пока его любят женщина и Бог. Вы от всех отвернулись, и все отвернулись от вас. А ваш бог — деньги — убил вас окончательно.

— Вы правы, — неожиданно спокойно произнес он. — А вы могли бы полюбить меня? Я... простите, говорю глупость. Любить меня не за что. К тому же мы из разных поколений...

— Это правда... Я не люблю вас, потому что в вас нечего любить. Душа ваша задавлена страшным грузом грехов и ошибок. Люди не могут любить друг друга, только души способны любить. Многие не видят Бога, но любят его душой. — Девушка смотрела в одну точку, куда-то за горизонт, и говорила все это властно, спокойно и мелодично.

— А я все равно люблю тебя! — запальчиво, как мальчишка, воскликнул Сергей.

Вера отрешенно смотрела на море, и, казалось, совсем забыла о его существовании, да и вообще, всего этого мира страстей.

Он вдруг понял, насколько абсурдно его признание в любви, но молчать почему-то не мог, какая-то сила толкала его на эти бесполезные откровения.

— Я тебя действительно люблю. Сам не понимаю, что со мной происходит. Я буквально растворяюсь в тебе. — Сергей пристально взглянул на нее и тихо добавил: — Если я умру, то последнее, что хочу видеть, — это твои глаза.

— Это всего лишь иллюзия больного воображения. Часто такие галлюцинации бывают, когда люди узнают о своем скором уходе... Вы вообще не способны любить. И я вас не люблю.

— Это неважно. Я всего лишь хочу быть рядом. Мне кажется, что я выздоравливаю рядом с тобой. Я расстался с женой. Я свободен. Позволь мне дожить свои дни, любуясь тобой здесь, в Крыму. Я знаю, что ты несвободна, но мне все равно. Мне надо всего лишь хотя бы раз в неделю видеть тебя. Я устроюсь здесь на работу охранником. Господи, что я говорю! Я просто буду жить здесь, в стационаре, и ты будешь моим лечащим врачом. Это все, чего я хочу... Поверь!

— Мне пора идти. Мы поговорили ровно полчаса, как и договаривались. Я свое обещание выполнила, — сухо произнесла Вера.

— Неужели нет никакой надежды? — прошептал Сергей, дотрагиваясь до ее руки.

Она резко выдернула руку и задумчиво произнесла:

— Надежда есть всегда.

ГЛАВА 5

Сергей и не услышал, как сзади к ним кто-то подошел и небрежно хлопнул его по плечу. Вздвогнув, он обернулся. Перед ним в угрожающей позе стоял высокий, спортивно сложенный молодой человек. Он с надрывом, как плохой драматический актер, произносил фразу за фразой, подчеркивая интонацией смысл сказанного:

— Я так и знал. Так и знал, что найду тебя именно здесь и не одну. Вот вы где, голубчики, воркуете, на любимом нашем камешке разлеглись. Ты решила мне рога перед свадьбой организовать с этим старичком? Посмотри на него, он же весь седой. Он тебе в отцы годится!

Вера, не повернув головы, продолжала спокойно смотреть вдаль, не обращая никакого внимания на парня, и, казалось, размышляла о чем-то очень важном.

— Это правда, я старик, — тихо подтвердил Сергей. — Мы ничего плохого не делали. Просто разговаривали.

— Да ты, дяденька, наверное, и не можешь уже ничего, — рассмеялся тот.

— Прекрати, Леня! Ты снова пьян и несешь чушь. Это всего лишь мой пациент, — не оборачиваясь, произнесла Вера.

— А как мне трезвым быть? Как? Такой позор переживать на виду у всех людей! Тебе не стыдно? Ну да, ты же всегда права. И ты, естественно, не пьешь, выдумала себе аллергию и живешь как монахиня. Ан, нет, не монахиня: к старичкам тебя тянет, с молодыми скучно стало. Ретро захотелось?

— Прекрати! — не выдержала Вера. — Ты, как всегда, завтра будешь извиняться, жалеть о своих словах... — Она, наконец, обернулась к ним и неожиданно произнесла: — Море сегодня спокойное, но к вечеру будет шторм.

— Я ни о чем жалеть не буду. Пожалеет вот этот старикан. Ты знаешь мои способности делать изящные спецоперации. Предупреждаю по-хорошему — если завтра он не уедет из города, то я его здесь и похороню. Будешь оплакивать своего пациента.

— Я за этим сюда и приехал, — усмехнулся Северов.

— Все, заматано. Я не шучу! — Молодой человек развернулся и, слегка покачиваясь, быстрым шагом пошел прочь.

— Получилось как-то глупо, — виновато проговорил Сергей.

— Мне все равно. Значит, так оно лучше. Каждый человек мостит дорогу своей судьбы, разбрасывая камни своих поступков. Но вам завтра надо улетать. Его отец — генерал полиции, и может сделать много зла. Из-за меня...

— Я никого не боюсь, — перебил он ее. — Я хочу, чтобы моя дорога насколько возможно долго была рядом с твоей...

— Это от нас не зависит, но все может закончиться печально. Ваше «хочу» выглядит смешным абсурдом.

— С нами ничего плохого не произойдет. А давай поедем с тобой в кругосветное путешествие? У меня есть роскошная яхта. Тебе не нужно будет работать. У меня много денег, очень много...

— Я люблю свою работу. А самое увлекательное путешествие — это не кругосветное.

— А какое?

— Это сама жизнь. Я помогаю людям и живу этим. Правда, не знаю, как помочь себе. Врач, излечивая других от тяжелых болезней, как правило, умирает от насморка.

— Вы вылечите меня и спасете еще одного человека. — Сергей все никак не мог понять, на «вы» или на «ты» называть Веру. Она была каждую минуту настолько разная: то близкая, теплая и родная, то холодная, властная и неземная.

— У вас своя жизнь, у меня своя. Жизнь человека в руках Бога, — задумчиво ответила девушка.

— Но вы его не любите! — почему-то вспыхнул Сергей.

— Это не ваше дело. Вы должны думать о своей жизни! — резко оборвала его Вера, решительно поднялась и, не сказав ни слова, пошла по тропинке в направлении санатория.

Северов, не отрываясь, смотрел ей вслед. Он хотел догнать ее, но понимал, что она права, и его охватило отчаяние. Хотелось плакать, как в детстве. Слезы действительно непроизвольно навернулись на глаза, все стало каким-то размытым, призрачным и чужим. В таком забытье Сергей просидел до позднего вечера, пока на море не началась предсказанная Верой буря.

Степан появился за спиной так неожиданно, что он невольно вздрогнул.

— А, шеф, вот вы куда запропастились. Шторм такой бушует, а вы один на камне, как отшельник, сидите, — неестественно весело окликнул Сергея охранник и поднял над головой патрона большой зонт, услужливо оберегая его от потоков воды, посланных с огромной высоты. — Верку, спасибо, встретил в городе, подсказала, где вы релаксируете. Просил же вас не уходить без меня. Больше я от вас ни на шаг.

— Я же приказал тебе не ходить за мной, — нахмурился Сергей.

— Я, шеф, должен вас оберегать от опасностей, как контрактом предусмотрено. Буря-то какая страшная — аж мороз по коже! Заболеете в два счета. Пойдемте, вы совсем дрожите. Я добыл свежую информацию. Папа Веркиного хахаля — крутой мент, о котором я уже докладывал — сам влюблен в девку и изо всех сил хочет женить своего отпрыска на ней. Шеф, я предлагаю сматывать удочки. Против крымских ментов я не воин. Нас здесь похоронят. Давайте сейчас же быстрее сваливать: погуляли — и хватит. Я заказываю на завтра борт.

— Я никуда пока не поеду, — глядя на море, спокойно проговорил Северов.

— Я вас предупредил, шеф, а дальше, как говорится, хозяин — барин. Я здесь погибать не собираюсь. Пойдемте!

Сергей с трудом поднялся, но его тело, как будто протестуя, тут же качнулось куда-то в сторону, не подчиняясь ему.

— Проводи меня до палаты, а то мне что-то нехорошо, — произнес он, неожиданно ощутив сильное головокружение.

— Да на вас, шеф, лица нет! Я вам говорил: переохлаждение — это вам не шутки. Пойдемте, пойдемте! Давайте помогу! Да вы весь горите, шеф! Опирайтесь на меня, — заволновался Степа, беря одной рукой Северова под руку, а другой — держа зонтик над его головой.

Сергей очнулся в кровати в своей санаторной палате. Он чувствовал слабость: силы покидали его. Волна надежды новой жизни только совсем недавно подняла его на вершину любовных переживаний и вновь больно ударила о бренную землю! Он думал о Вере, потому что не хотел думать ни о ком и ни о чем другом. Мечты, как сновидения, уносили его далеко, в какой-то мир иллюзий. Он представлял себя и Веру на Лазурном берегу Франции, на его яхте. Дискотеки на пляже, шикарные ночные рестораны, фестиваль фейерверков. Это он заказал самый красивый в мире фейерверк и посвятил его Вере. Обнявшись, они смотрят в небо, полыхающее разноцветными огнями. И весь Лазурный берег завидует их счастью. Неожиданно фантазию прервала мысль: «Нет, не хочу Франции, не хочу суеты людской. Да, да! Мы поселимся на Карибах, на необитаемом острове, который я куплю для Веры. Будем рыбачить, готовить на углях рыбу, читать вслух любовные стихи, приключенческие романы, рассуждать о смысле жизни. Да, это самое ценное — ловить ощущение гармонии с природой, встречать рассветы и закаты».

Неожиданно Сергей открыл глаза и увидел перед собой лица людей в белых халатах. «Зачем они здесь? Может быть, с Верой что-то произошло? Или, может, я уже умираю? Нет! Не хочу! Я не хочу уходить, не увижу ее...» Он снова закрыл глаза и погрузился в теплоту беспамятства...

Когда наступило утро, он до конца так и не понял, то ли он спал и видел сладкий сон, то ли это было наяву — так реалистично в его сознании запечатлелись сюжеты их с Верой мифического счастья.

Неожиданно в дверь постучали, на пороге, как видение, появилась сама Вера в белом накрахмаленном халате, и ему показалось, что вся палата озарилась ярким светом. Влюбленный человек, дорогой читатель, видит мир совсем иначе, чем человек, обремененный суетой повседневности и прагматичности. Сергей хотел вскочить с кровати, но девушка решительным жестом дала понять, чтобы он оставался в постели.

— У меня, больной, к вам вызов, — строго произнесла она таким пронзительно-холодным, официальным тоном, как будто видела его впервые. Этот тон отозвался какой-то ноющей болью в голове.

— Я не вызывал... то есть я, конечно же, мечтал вас увидеть, даже специально заболел, — растерянно произнес Северов, безуспешно пытаясь шуткой вызвать хотя бы малейшую симпатию к себе.

— Я у вас четвертый раз за ночь. Лежите смирно! Я дежурила сегодня ночью. У вас был жар, и вы бредили. Сейчас температура — тридцать восемь и три.

— Откуда вы знаете, какая у меня сейчас температура? — изумился Сергей.

— Неважно. Давайте я измерю ваше давление. — Вера достала прибор и прикоснулась к его руке.

По телу Сергея пробежала дрожь. «Как же я ее люблю!» — подумал он.

— У вас повышенное давление и учащенный пульс, — тем же строгим голосом сказала она.

— Это от любви, — улыбнулся Сергей.

— Вам необходим постельный режим. У вас разбалансирована вся жизненная сила организма. Я принесла вам живой воды. Пейте только ее, и вам должно стать намного лучше. Необходимо перекодировать все клетки организма и очистить их от грязи, иначе...

— Я умру, — невесело пошутил он.

— Да, причем раньше, чем планировали, — подтвердила Вера.

— Как вы спокойно ставите такой страшный диагноз?! — невольно вырвалось у него.

— У меня бабушка и прабабушка были ясновидящие. Семейные традиции. Отдыхайте и...

— Значит, ты колдунья? — перебил ее Сергей и улыбнулся. Ему уже казалось, что смерть нереальна, если рядом с ним хоть иногда, даже в мыслях будет Вера.

— Нет, я — ведьма, — звонко рассмеялась она, и от этого хрустального смеха Сергею захотелось вскочить с постели, взять ее на руки, прижать к себе крепко-крепко и, не отпуская, закружить в танце прямо здесь, в этой санаторской палате.

Внезапно дверь палаты широко распахнулась, и в комнату без излишних церемоний вошли двое украинских полицейских. Один из них, в звании майора, был маленького роста, плотный, с бритой головой и неприятно мелкими чертами лица, а второй, капитан, напротив, высокий и худой, с выпуклыми большими глазами и огромным орлиным носом. Не обращая внимания на Сергея и Веру, полицейские нагло оглядели комнату, потом высокий небрежно, указательным пальцем дал знак Вере, чтобы она вышла из палаты. Девушка, будто не заметив этого жеста, невозмутимо продолжала сидеть рядом с Сергеем, записывая что-то в его истории болезни. Наконец, потеряв терпение, второй полицейский, с вываливающимся из-под ремня большим животом, нервно и громко, словно стоя на плацу, скомандовал:

— Всем кроме господина Северова покинуть помещение! А вам, господин Северов, предъявить документы!

— Вы кто? По какому праву врываетесь в палату? — недовольно и властно спросил Сергей. — Это вы предъявите свои документы!

— Майор Опанасенко, — слегка смутившись, представился офицер и показал свое удостоверение. — Доктор, неужели непонятно, покиньте помещение, вы мешаете процессу дознания!

— Я на службе. У больного высокая температура и давление. Он всю ночь был без сознания. Я не могу уйти, — твердо ответила Вера.

Офицеры явно смешались, не зная, как реагировать на уверенный тон доктора. Сергей же без слов протянул им паспорт и спросил:

— Вы можете объяснить, что случилось?

— Вы подозреваетесь в покушении на убийство человека. Если девушка, отравленная вами, скончается в больнице, то это уже будет убийство.

— Бред какой-то! Вызовите моего охранника Степана... Это недоразумение. Я не знаю никакой девушки...

— Нет никакого смысла отпираться, все улики налицо. Девушка без сознания. Она выпила вино в вашем номере и отравилась ядом. Экспертиза подтвердила наличие яда в бутылке. Собирайтесь и пройдемте с нами. Ваш охранник уже дает показания.

Сергей только сейчас заметил, что бутылки красного вина, открытой недавно охранником, на столе нет.

— Наверняка это какая-то ошибка. Вызовите Степу. Он тоже пил это вино и, надеюсь, жив.

В этот момент в палату вошли еще двое, но оба были не в форме, а одеты в штатское. «Это уже намного серьезнее, — подумал Сергей. — Это СБУ. Что-то здесь не так, если безопасность занялась таким делом». Высокий штатский с бородкой «под Дзержинского» на простоватом круглом лице, в черном костюме, без предисловий, с порога объявил:

— Служба безопасности Украины. Подполковник Решетко. Ваш охранник Степан Арнольдович Швецов уже арестован и дает показания. Предлагаю сотрудничать со следствием. Советую не дурить. Здоровья у вас не много, а мы можем, к нашему обоюдному сожалению, быстро свести его вообще на «нет».

На некоторое время в палате воцарилась мертвая тишина, а затем в этом звенящем от напряжения воздухе раздался ошеломляюще спокойный голос Веры:

— Он болен. А больной должен лечиться. Я позвоню генералу Биндюренко. Сейчас же прекратите этот цирк! Генерал отменит этот нелепый арест.

Ни одна мышца не дрогнула на лице главного штатского. Он снисходительно улыбнулся и сухо ответил:

— Такие задержания без санкции генерала Биндюренко в Крыму невозможны. Одевайтесь, господин Северов. Если вы невиновны, то это не-

надолго. Уладим все формальности, и тут же вернетесь поправлять здоровье к своему очаровательному доктору.

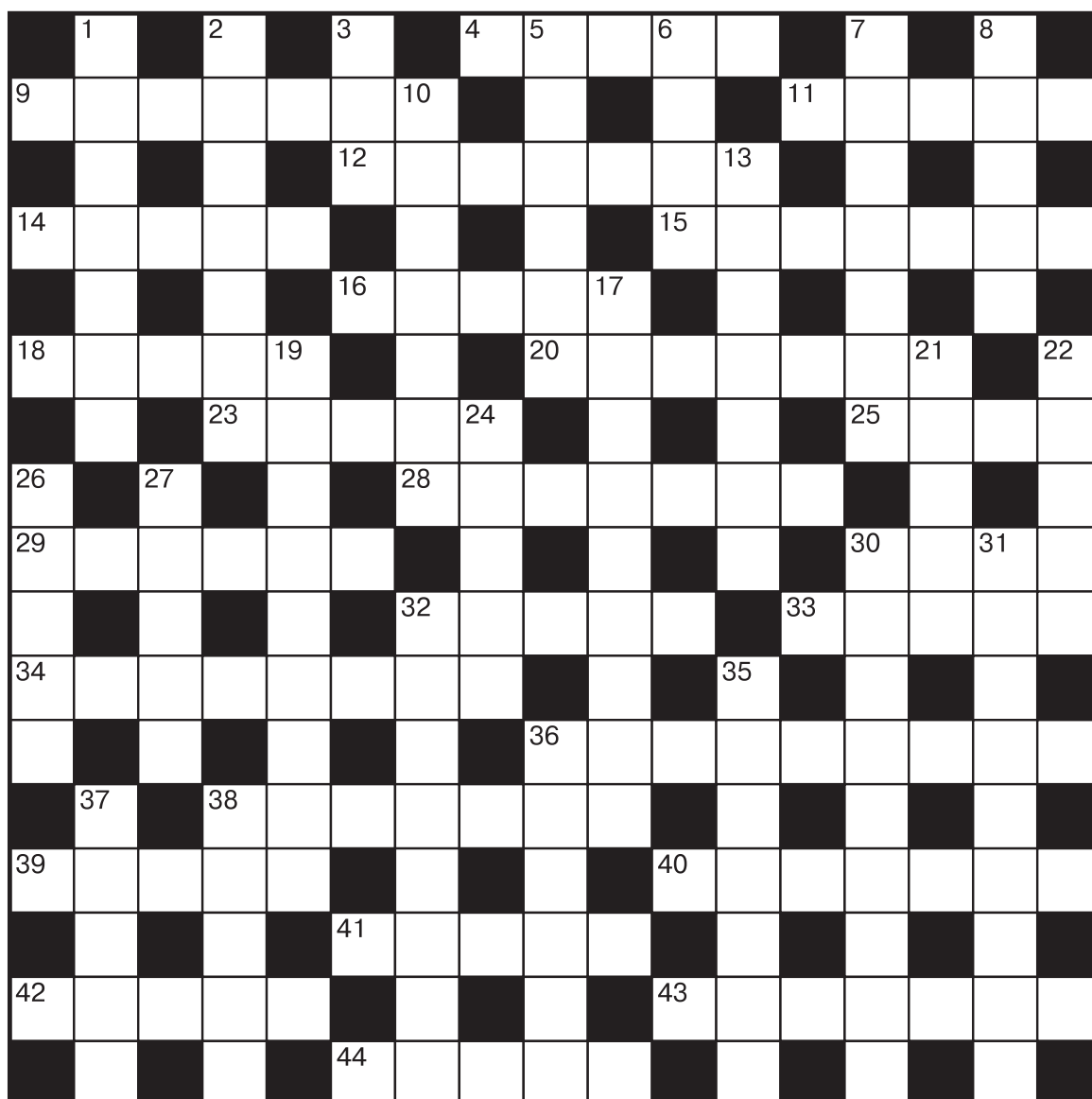
Сергей молчал, и было видно, что он в эту минуту принимает для себя какое-то важное решение... Вера сидела на стуле рядом с кроватью и тоже о чем-то сосредоточенно думала.

Неожиданно Северов по-военному поднялся с кровати, быстро оделся, взял документы, деньги, выпил залпом стакан Вериной живой воды и, не оглядываясь на нее, проследовал за конвоирами.

По пути он встречал недоумевающие взгляды, которыми с явным испугом провожали его отдыхающие. Когда они вышли во двор, что-то заставило Сергея обернуться, и он увидел Ее. Она стояла на балконе и наблюдала за ними. Ему вдруг показалось, что в глазах Веры блеснули слезы. Может, действительно показалось, но эта иллюзия была самым счастливым мигом в его жизни за последнее время. Он улыбнулся в ответ, помахал рукой и, весело подмигнув Вере, сел в автомобиль... ▢

Окончание следует.

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Цветочек среди друзей мультяшного олененка Бэмби. **9.** Вышибала на молодежном жаргоне. **11.** Где парились в античные времена? **12.** «Железный канцлер», считавший, что любая политика хороша, кроме политики колебаний. **14.** Страна с богатейшими в Африке запасами нефти. **15.** Какой из наших областных центров назван по реке, на которой он стоит?

16. Смола, застывшая на крыше. **18.** Государственный трофей мирного времени. **20.** Одна из сторон в кредитном договоре. **23.** Пирамида «с круглым дном». **25.** «Не сорвется с неба звездная ...!» **28.** Какой великий телепат родился в городе Гура-Кальвария? **29.** «Зеленая муза» Винсента Ван Гога. **30.** «... стоит всех изобретенных на сей день лекарств». **32.** «... в окно стучится и гонит со

двора». **33.** Какую роль в горьковском «На дне» сорок пять лет к ряду играл великий Василий Качалов? **34.** Бандит с чикагской пропиской. **36.** Какой географический объект попал в название главной книги Александра Солженицына? **38.** «Магнит внимания» на полях книги. **39.** Единственный, кому удалось пением усыпить свирепого Цербера. **40.** «В доме должно быть счастье, а не ...» (философское наблюдение). **41.** Электрическая мера из ювелирного магазина. **42.** Источник мировой славы для француза Мишеля Монтиньяка. **43.** Какой ребенок родителям и слова возразить не смеет? **44.** Вегетарианка с виллы Мадраг в Сен-Тропе.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Профессиональный кормилец. **2.** Куда кладет подарки мексиканский Дед Мороз? **3.** На что глаза от удивления лезут? **5.** «Кухня дальнего плавания». **6.** Жертва мышьяка, заложенного зубным врачом. **7.** «Соедините» греческие слова «род» и «убиваю». **8.** Образ «на потребу публики». **10.** Кандидатский

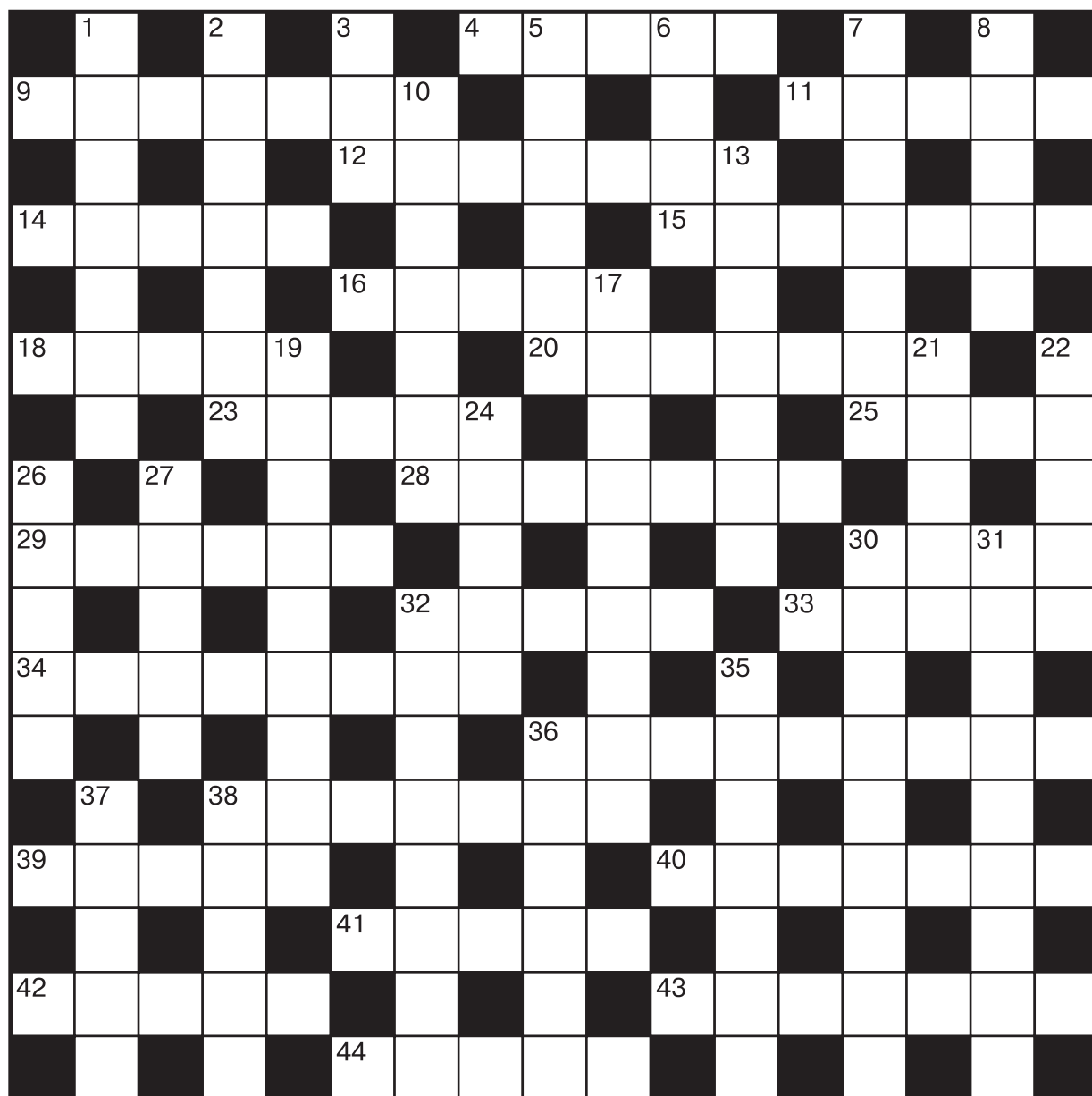
либо прожиточный. **13.** «Конечная станция» из революционной песни «Наш паровоз, вперед лети!» **17.** В каком крымском городе расположено крупнейшее винохранилище бывшего СССР? **19.** мех для царских порфир. **21.** Кто из классиков рассказал о последнем из могикан? **22.** Любимое лакомство бразильского странствующего паука. **24.** «Если ты полюбишь ..., не разлюбишь никогда!» **26.** Джунгли сибирского размаха. **27.** На какую пору приходится китайский праздник воздушных змеев? **30.** Великий актер немого кино, любивший целыми днями жевать лук. **31.** Что толкает ехать за туманом, за мечтами и за запахом тайги? **32.** Кому до старости удалось сберечь свою девичью фамилию? **35.** В американском штате ... запрещено продавать и пить пиво по воскресеньям. **36.** «Стилистическая фигура» у гитариста. **37.** Где служил Фрэнсис Фицджеральд, когда сочинял роман «По эту сторону рая»? **38.** Какого Билла направили в детстве к психиатру из-за чрезвычайного увлечения компьютерами?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Смета. **10.** Беспризорник. **11.** Криптос. **12.** Биатлонист. **13.** Барышня. **16.** Укроп. **18.** Бит. **19.** Тепло. **21.** Угон. **24.** Веер. **25.** Бутерброд. **27.** Клад. **29.** Волчек. **30.** Человек. **34.** Возражение. **35.** Дефицит. **37.** Каторжник. **40.** Кухня. **41.** Китон. **42.** Асмодей. **43.** Гайка. **44.** Жилье.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Маршак. **3.** Топтыгин. **4.** Бес. **5.** Шприц. **6.** Диета. **7.** Городки. **8.** Антисоветчина. **9.** Скотт. **10.** Бойня. **14.** Лемешев. **15.** Альба. **17.** Бубка. **18.** Богач. **20.** Броккен. **22.** Пуховик. **23.** Зов. **26.** Должник. **28.** Девичник. **31.** Колобок. **32.** Брежнев. **33.** Белуга. **36.** Такси. **38.** Киви. **39.** Боль.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Малыш в роли супермена. **9.** Как называют себя наиболее преданные болельщики английского клуба «Ливерпуль»? **11.** Кровяная колбаса у французов. **12.** Какой артист балета был кумиром для Вацлава Нижинского? **14.** Академик, открывший первое бюро погоды в России. **15.** Рождественское печенье у итальянцев. **16.** Лени-

вец из медведей. **18.** Хранитель Корана. **20.** Помещение в античных банях. **23.** «Северная звезда» из Малой Медведицы. **25.** «Период старых мечей» у японцев. **28.** Как звали супругу Уолта Диснея? **29.** Хамон на основе «диеты из желудей». **30.** «Божественная лягушка» у эвенков. **32.** Чалма на афганце. **33.** «Танец океана» у филиппинцев. **34.** Мель-

ничное корытце, через которое зерно падает на жернова. **36.** Русский сатирический журнал, где впервые опубликовали стихотворение «Дубинушка», после ставшее популярной революционной песней. **38.** Кто из наших классиков озвучил доклад о космополитизме, ставший сигналом к началу «большого террора» в советской литературе? **39.** Вертолет на службе американских ВВС. **40.** Деталь передней половинки брюк. **41.** «Канон перемен» среди древнейших книг для гадания. **42.** Хозяин «неизменного римского адреса» Николая Гоголя. **43.** Забавник французского звучания. **44.** Японская чайная церемония.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Аэробная штанга. **2.** Табличка с паспортными данными станка. **3.** Облик четвертой аватары Вишну. **5.** Куда Елена Блаватская поместила все «души умерших»? **6.** «Намотка» на рукоятке ракетки для бадминтона. **7.** «Каменное угощение» для нечисти из Муромских лесов в песне Владимира Высоцкого. **8.** Какой сатирический жанр придумал Ксенофан? **10.** Португальский

полуостров, где снимали американский тренировочный лагерь из драмы «Сибирский цирюльник». **13.** Профессиональный доносчик в древних Афинах. **17.** Придворный контрданс из XVII века. **19.** Телевизор на молодежном сленге. **21.** Турецкий особняк. **22.** Глава Королевской академии танца в Париже, узаконивший пять основных позиций классического танца. **24.** Волк, отбившийся от стаи. **26.** Малярный скотч. **27.** Какая рыба уже водилась в реках, когда еще разгуливали динозавры? **30.** С какой страной на юго-востоке граничит Швамбрания? **31.** Кому из патриархов советского кино во время съемок фильма «Солдат Иван Бровкин» разрешили носить армейскую форму и в городе, из-за чего его и задержал на улице военный патруль, доставив потом в комендатуру? **32.** Пальма с самыми крупными семенами, растущая на Сейшельских островах. **35.** «Горнее место» православного храма. **36.** Рогатина охотника на медведей. **37.** Кто в 1869 году открыл ДНК? **38.** Диктатор, объявивший Юлия Цезаря «врагом республики» за отказ развестись с женой.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Бокий. **10.** Номенклатура. **11.** Блаттер. **12.** Агатодемон. **13.** Ондатра. **16.** Кинни. **18.** Бей. **19.** Элиот. **21.** Увит. **24.** Эфра. **25.** Конденсат. **27.** Сход. **29.** Траспи. **30.** Паровик. **34.** «Галиевтика». **35.** Туунбак. **37.** Чонбокчук. **40.** Бадия. **41.** Мацис. **42.** Стагира. **43.** Библо. **44.** Дролл.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Оолонг. **3.** Интранет. **4.** Сор. **5.** Денге. **6.** Скотч. **7.** Сандрик. **8.** Дунманифестин. **9.** Парни. **10.** Негри. **14.** Хлодвиг. **15.** Морна. **17.** Курси. **18.** Бишоп. **20.** Ватикан. **22.** Головач. **23.** Нат. **26.** Тривиум. **28.** Даунхилл. **31.** Казбеги. **32.** Шишкарь. **33.** Шурави. **36.** Коута. **38.** Карр. **39.** Милл.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф. И. О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								
Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа							
	Расчетный счет 40702810410150414401							
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка							
	Корреспондентский счет 30101810400000000555							
	ИНН 7714026110 КПП 771401001							
	БИК 044525555 Код ОКПО 11396455							
	другие банковские реквизиты							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»



Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»



ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !



Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

